

Ирина Пиняева

ПОПАДАНКА

особого назначения

15

Отправилась в экспедицию, нашла золотую скрижаль, излечила друга от похмелья и переместилась с ним в другой мир. Ах, и если б только на этом все злключения закончились. А потом я получила сверхспособности и понеслось... Катя, спасай мир! Останавливай коней! Туши избы! Чуть перефразировала, но смысл вы поняли.

Глава 1

Поездка на раскопки в Горный Алтай — мечта!

Тайны древности завораживали меня с раннего детства и в итоге сманили на исторический факультет, на котором я успешно проучилась три курса, а потом я познакомилась с Сергеем Орловым, сыном ректора и местным Казановой. Никакой романтики между нами не были и быть не могло. Кто я, а кто он?! А вот дружба завязалась, что само по себе странно, ведь Орлов дружить с девушками не умел. Думаю, для него я была чем-то вроде ручной обезьянки. Ему подходил мой довольно инфантильный характер — он его чуть тормозил на поворотах, а мне до него особо не было никакого дела.

И вот, когда он предложил мне поехать с его группой на раскопки, моему счастью не было предела: я прыгала, хлопала в ладоши, лезла к нему целоваться — он меня естественно отталкивал и называл больной на голову. Ведь, именно такие моменты иногда меня вытаскивали из моей уютной внутренней раковины. Уже в тот момент я представляла, как копаюсь в земле, очищаю находки, упаковывают их и слушаю похвалу руководителя.

Кто ж знал, чем это всё закончится...

— Ах, Серега, ничего ты не понимаешь! — отмахнулась я тогда.

Добираться до места назначения нам предстояло несколько дней. Сначала на самолете: весь полет, я благополучно спала, Серёня — отмечал начало полёта. Затем на душном автобусе по пыльным дорогам. Весь путь, я смотрела в окно на непривычные для меня природные красоты Горного Алтая, Серёня, само собой, отмечал прибытие. И к вечеру мы добрались до нашего места стоянки, находящееся недалеко от кургана, где мы будем трудиться не покладая рук все это время.

Бодро выпрыгнула из автобуса, глубоко вдохнула чистый горный воздух, когда Серёня еле выбрался, оттолкнув меня в сторону и слегка шатаясь пошел осматривать местные достопримечательности. Посмотреть действительно было на что. Красота... Невысокие ели, вдаль виднеются серые пики гор, под ногами зеленое разнотравье, местами видны разноцветные лоскутки мелких цветков.

Наш куратор Петр Федорович, в дальнейшем Петфед, уже с красной пеленой в глазах раздавал совершенно не слушающим его студентам задания: где и как будут располагаться палатки, где будет находиться костер, где провизия и прочее.

Я же была полна энтузиазма и взялась за сборку своей старенькой палатки. Ее мне подарил папа. Мы с ним очень любили походы. Я вообще была папина дочка, мамы не стало еще в раннем детстве. Папа ушел, когда мне было шестнадцать лет и, оставшись круглой сиротой, доживала дни до своего совершеннолетия в детском доме.

Сбор палатки и ее обустройство заняли у меня минут пятнадцать. Поскольку Серёня так и не объявился я собрала и его палатку, что заняло чуть больше времени: ее конструкция была более современной и абсолютно мне не знакомой.

— Привет!

Друг как будто чувствовал, что я закончила с обустройством его жилья, появился откуда-то со стороны подлеска и на автопилоте прошел мимо меня. Причем, автопилот прямой наводкой завел его в мою палатку.

— Серега, ты не прифигел ли? — когда меня отпустило состояние шока от наглости приятеля, и я попыталась его вытащить за ногу из моей же собственности, этот осел пробормотал: «меня нет» и закрылся на молнию.

Лагерь потихоньку готовился ко сну, свет в уже разобранных палатках прекращал гореть. ПетФет сильным голосом контролировал, видимо, самых ответственных студентов, которые убирали последние припасы в специально отведённое место. Мне здесь делать было нечего. Бросила горестный взгляд на свое спальное место и полезла в разобрannую палатку друга.

Было страшно. Впервые без папы, как будто без правой руки. И пусть в спальнике было комфортно и тепло, а в палатке уютно, но разве этого достаточно? Мне не хватало простой папиной улыбки и его простого: "все будет хорошо, маленькая обезьянка". Всё бы отдала за это, но время не умолимо. И вот, есть я, есть палатка, спальник и даже природа, но нет того, что действительно нужно. С такими воспоминаниями я засыпала долго и тяжело.

Из сна меня вырвали ощущение чужого присутствия и гул испуганно бьющегося в груди сердца. Почувствовала когти, которыми хищник прошёлся по моей ноге, слегка ее царапая. Папа говорил, надо действовать сразу. Несколько секунд я терпела, старательно прикидывая в голове, где и что у меня лежит для самозащиты. Первое, что я могла схватить был баллончик от насекомых, его я и схватила.

Впрыск в лицо хищника едкой гадостью и сильный удар ему же в морду. Ну. Это я так думала, что в морду...

Этими словами я потом и оправдывалась перед куратором, к которому побежала жаловаться эта белка облезлая, залезшая к Сергею в палатку. По ее словам, выходило, что она пришла к моему другу в палатку, так как он ее пригласил раньше, а я на нее напала, избила и оставила калекой.

— Пф... Подумаешь синяк и небольшой отек. А нечего по ночам шастать по чужим палаткам, — сказа и пошла спать. Культурные люди так не делают! Или?

Шел четвертый день наших исторических изысканий, и мы, наконец, нашли первые окаменелости. Я сидела в двухметровой яме и фанатично работала кисточкой, пытаюсь очистить что-то невероятно древнее от векового слоя земли.

— Катюша, прости меня, — жужжал над ухом предатель, как самое надоедливое насекомое, который заранее знал, что его будут осаждать озабоченные однокурсницы и подставил под удар меня. Это было спланированное злодейство. Видите ли выспаться с похмелья ему захотелось! Мерзавец!

— Катя, я больше так не буду. Честно. Ну, давай, я что-нибудь для тебя сделаю.

— Отстань! — я психовала. Теперь он был героем-любовником из-за которого подрались девушки, а я истеричной ревнивой дурой. Но надо сказать, что его план удался. Девушки теперь к нему действительно опасались подходить, впрочем, как и ко мне.

— Катя, давай я хоть..., - он взял паузу, — вон ту штучку подмету.

Это уже был другой разговор! Помощь мне как раз пригодиться, и я милостиво кивнула. — Из обезьяны труд сделал человека. Может, и с тобой, Орлов, такой метод сработает.

Я спиной почувствовала, что он закатил глаза. Но он мужественно, правда с видом

библейского мученика, всё же спустился ко мне и принялся водить кистью по пластине.

— Ты не акварелью рисуешь. Работай нормально! — рявкнула, моя трепетная душа не вынесла такой халтуры!

— Ладно — ладно. Когда ты такая я тебя бояться начинаю, — испуганно округлил глаза друг.

— Р-р-р, — зарычала я, пытаюсь напугать еще больше, но он заржал, как конь.

Я же засмеялась в ответ. Мир между нами восторжествовал.

— Катюша, смотри. Это же какой-то древний манускрипт. Катя, Катя! Мы прославимся! — минут через пятнадцать буквально начал кричать приятель о своей находке.

То есть, он, человек, который из трех дней раскопок два — отмечал удачный приезд и обустройство лагеря, один — болел, причем вместе с куратором, и сегодня в первый день без похмелья... более того впервые решившись заняться добровольно археологией, так взял и открыл новую «Алтайскую принцессу2».

Я с деланным скепсисом аккуратно переместилась к другу. В груди сердце забилося чаще. Пришлось глубоко вдохнуть, чтобы успокоиться.

— Гос — па — ди... — выдохнула я. — Это невероятно!

Быстрые взмахи уже моей кисти, и я обнародовала нечто золотое. Это точно. Я не могла ошибиться.

— Что там, Катя? — Сергей смотрел, как я аккуратно, но достаточно быстро очищаю поверхность пластин (теперь я это видела точно).

— Серёня, это пластины, — я громко сглотнула, — золотые пластины. Как в Румынии. Помнишь, проходили? Здесь даже надписи есть.

Серегу пробил столбняк, он глядел на нашу находку.

Показалось, что под основными надписями есть еще что-то. Медленно провела пальцами по строчкам, символы перед глазами начали расплываться, а в голове послышался странный шепот. Списала на скачок давления. Возраст — нервы и все такое... Потерла глаза рукавом и попробовала еще раз разглядеть тайное, скрытое от глаз. На этот раз дурнота накрыла словно волной, и я упала на колени вцепившись в пластину руками. Стараясь глубоко дышать, чтобы немного прийти в себя.

— Кать, ты что? — встревоженно проговорил Серега, пытаюсь оттащить меня от пластины за плечи, а меня будто приклеило.

В голове все отчетливее стал звучать незнакомый женский голос, отличающейся сиплой хрипотцой. Он был настолько подавляющим, что я стала путаться в своих мыслях и уже через несколько секунд мои губы бормотали непонятные фразы вслед за женщиной.

— Катя... Катя... — испуганный голос Сергея задевал лишь периферию моего сознания и остановить уже ничего не мог. Не могла и я.

Меня, как в болото, затягивало в тьму чужой сущности, и я сдалась окончательно. :) Друзья, не знаю надо ли оставлять ссылки, но они были в первоначальном варианте — оставляю. Из всех перечисленных находок ваш автор своими глазами видела Принцессу Укока, однажды побывав в музее, который находится в Республике Алтай, г. Горный- Алтай. Незабываемо. Хотя я больше люблю разглядывать старинные предметы, чем мумии. :)

1 хал-тý-ра

Существительное, неодушевлённое, женский род, разг., пренебр. небрежная и недобросовестная, часто неквалифицированная работа

2 Принцесса Уко́ка (Алтайская принцесса[1]) — данное журналистами и жителями

Республики Алтай название мумии молодой женщины возрастом примерно 25 лет, найденной в ходе археологических раскопок на могильнике Ак-Алаха в 1993 году.

Глава 2

В первую очередь ко мне вернулась способность думать. Уже хорошо. «Я мыслю — значит, существую» — в голове всплыла известная фраза Декарта¹, и сразу я почувствовала в себе уверенность, что прорвемся.

Блин! Прорвемся!

Осталось понять откуда надо прорваться и что произошло на самом деле.

Глаза открыла с большим трудом, такое чувство, что мне их кто-то специально заклеил, этаким мастер-недоучка по наращиванию ресниц. Ещё и на грудь давила какая-то глыба, не позволяющая сделать полноценного вдоха. Повертела головой, не поверила увиденному. Песок! Только песок!

— Мамочки!!!

Я всхлипнула. Весь сюр не укладывался в голове. Но ум пришли слова «Отче наш», и я их тихо зашептала, насильно зажмуриваясь. Боже, пусть мне поможет!!!

Когда не стало отца на меня накатило такое отчаяние и, если бы не наша соседка, Тамара Павловна, предложившая мне сходить с ней в церковь и поставить свечку, не знаю чтобы со мной стало. Не сказала бы, что я особо верующая, только в тот момент тихая молитва и горящие свечи меня немного примерили с действительностью. Вот и сейчас поможет ли?

Прочитав в третий раз молитву замолчала наслаждаясь тишиной, как до меня донеслись уже более отчетливые слова:

— Катька! — и тут раздался такой привычный орловский ржач. — Не могууу... она молится... Она действительно молится! Вот поэтому у тебя нет парня.

Я даже нашла силы чуть приподняться и убедиться в том, что друг лежит в стороне основательно присыпанный песком и трясется, естественно, от смеха. От тряски половина песка с него слетела и моя помощь была не нужна. Я с чистой совестью вновь завалилась на спину. Ну что могу сказать: в вертикальном положении окружающая картина не изменилась.

— Дочь моя, ты собираешься подниматься? — через пару минут ко мне подполз Серёга и теперь попытался поднять меня, я не поддавалась.

— Нет. Я остаюсь здесь, — я тоже могу быть вредной. — Устала я!

И для наглядности пропела: - Черныый ворон...

Как раз эта песня для меня была символом смирения, но в данном случае служила скорее для перевозки, но Орлову время было не нужно, он решил не сдаваться и не бросать меня на произвол судьбы. Хотя он мог.

— Началось! Кать, мы непонятно где, а ты песни поешь. Ты же понимаешь, что это магия, — обреченно проговорил он и сел рядом, пытаюсь разжать мне пальцы, надежно сомкнутые на золотой пластине, при этом постоянно осматриваясь. — Что ж ты вьёёёшься...?

— Катька, нельзя быть такой жадной. Отдай мне пластину, — последняя фраза вышла натужно, Серега тащил на себя дорогую железку

. — Я не жадная, я — хозяйственная, — приоткрыла один глаз и скосила на друга.

Сергей же не успокоился пока не вырвал кусок золота у меня из рук, сделав этим мне очень хорошо. Сразу схлынуло ощущение апатии.

— Как думаешь, где мы? — Орлов крутился вокруг себя, пытаюсь что-нибудь рассмотреть

среди бесконечного песка.

Я тоже села и, убрав с лица волосы, пошевелила ногой песок, еще раз обвела взглядом пустынные пейзажи.

— Судя по всему, мы в пустыне, — протянула спокойно, а затем иронично добавила: — Скажи ты умеешь играть на скрипке и у тебя есть с собой спички?

Сергей бросил на меня странный взгляд.

— Солнечный удар? Надо прикрыть голову.

Усмехнулась и протянула:

— Поня-я-ятно. Проехали.

— Нет, ты скажи. Зачем тебе спички? А скрипка

? Орлов, понятное дело, не оценил мою шутку юмора, и я ему просто сказала с умным видом:

— КУ!

— Точно рехнулась, — сделал он странный вывод.

— Не исключено! — отмахнулась, — Советские фильмы надо смотреть, а не ерунду иностранную. (фильм "Кин-дза-дза" 1986 года).

— Расскажешь, — состроил он умилительную мордашку.

— Ага, разбежалась.

— Злая.

Все это время я с удивлением рассматривала расцарапанные, кровоточащие ладони. Ума не приложу как так получилось. Об пластину? Но на вид она совершенно гладкая.

— Что будем делать? — проговорила, и запищала от неприятных ощущений — в царапины попал песок и теперь они несчадно зудели. Промыть бы, да обработать.

— Надо идти, — протянул друг, задумчиво осматривая меня. — На месте сидеть никакого смысла нет. — Только вот сделаем кое-что.

Он быстро подошел ко мне, пока я не успела опомниться, снял верхнюю рубашку.

— Орлов, я не посмотрю на твое холеное лицо, — проговорила, при этом продолжая спокойно наблюдать за творившимся безобразием, — и разобью нос.

— Хотела бы разбить — давно б разбила.

Спокойно проговорил он, не прекращая мастерить на моей голове что-то вроде арафатки. Через несколько секунд полы рубашки надежно укрывали мою голову и плечи.

— Ум, спасибо.

— Теперь, думаю, т в путь можно.

Я с иронией наблюдала, как друг снимает верхнюю футболку, а под ней находится майка с анимационным Патриком из Спанч Боба.

— Орлов, ты меня поражаешь! — присвистнула ему в спину. — Ты такой мужественный, такой сЕксуальный в этой маячке.

— Иди в лес, Катька. Что утром под руку попало, то и надел. Я знаешь ли был не в состоянии выбирать.

— Хочу в лес, — простонала я действительно изнывая от жары.

И мы двинулись в путь.

*** **

Идем всего ничего, а ноги еле передвигаются. Да еще и эта чертова пластина тяжелая. И зачем Серега мне ее отдал? Нес бы сам. Вот во истину золото в пустыне не имеет никакой ценности, а вот вода... Глоточек бы.

Сделав несколько шагов, плюхнулась на пятую точку, песок обжигал, но идти я уже не могла. Царапины на ладонях воспалились и начали вновь кровоточить. Не знаю зачем, но я, предварительно зажав пластину подмышкой, приложила их к раскаленному песку, чуть-чуть бы облегчить зуд. И на самом деле стало легче. Я даже закрыла глаза, наслаждаясь ощущением.

— Катя, надо идти.

— Куда? — устало протянула. — Здесь только чертов песок и далекий горизонт, где тоже чертов песок.

Послышались шаги, по моему лицу пробежала тень, я поняла, что друг присел рядом со мной, сразу принялся поправлять мою самодельную арафатку. Хотела съязвить, но промолчала.

Неожиданно что-то задело мне кожу, и я в ужасе отшатнулась, быстро осматривая ладони. Неужели скорпионы, но новых повреждений на руках нет, и то хорошо.

Сергей тоже вскочил и теперь смотрел на мой трясущий палец, которым я пыталась ему указать на шевелящийся песок в месте, где только что держала ладони, там еще были видны небольшие коричневые точки от крови.

Сергея нагнулся ниже пытаюсь рассмотреть, что там.

— Отойди, — выдавила из себя.

Что дальше произошло, не поддавалось никаким рациональным размышлениям. Неуверенно извиваясь спиралью из земли показался желтый росток. Он за считанные секунды выбросил пару округлых листочков, а затем и зацвел.

— Кать, смотри. Смотри, — прошептал Серега, присаживаясь на колени рядом с этим чудом.

Я же не могла выдавить из себя ни слова, ведь небольшие цветочки превратились в такие же маленькие красные ягодки.

— О! Спасибо! — Серега быстрее меня взял себя в руки и одним движением забросил в рот пару спелых ягод.

— Вкусно.

— Ты что? — ужаснулась. — А если они ядовиты? Плюнь гадость

. — Моя бабушка говорила, если гриб вкусно пахнет — он съедобен! — довольно завил друг и забросил в рот еще несколько мелких ягод.

— Ты просто... генерал логики! — съязвила я, и у меня в голове плотно поселилась такая мысль, что если меня не доконает эта пустыня, с этим вполне успешно справится мой друг.

Сергея довольно зажмурился, наглядно демонстрируя, что я зря сверлю его взглядом.

— Учти, если я здесь окочурюсь, виноват будешь ты, — я взяла оставшиеся две ягодки и, словно это лучшая из сладостей, прокатала их на языке раздавливая, наслаждаясь легкой горчинкой.

— Даже сил как будто прибавилось, — наконец, выдала.

— Кать, — Сергей опять замер, внимательно всматриваясь в песок.

У меня замерло сердце, ведь в тех местах, где остались отпечатки моих ладоней с небольшими темными каплями, так же начали подниматься росточки, но теперь уже другие: черные небольшими острыми шипами.

— Уходим, — быстро поднялась, схватив друга за ладонь и потянула за собой.

Вновь перехватила золотую ерунду понадежней. Она меня начала раздражать. Ношусь с ней как дурень со ступой, а чем она мне может помочь.

Мы тем временем все отдалялись от напугавших меня растений.

— Катя! Куда ты летишь?

Мы немного притормозили.

— Здесь твориться какая-то чертовщина. Это все ненормально с самого начала. Вот где мы?

— Ты же археолог, Катя. И должна верить в мистику и сверхъестественное.

— Я что похожа на дуру? — продолжала ворчать. Откровенно говоря, у меня довольно дурной характер, особенно, если меня что-то раздражает. А здесь меня раздражает — все! Я продолжала тянуть Серегу за собой, правда чуть снизив скорость.

— Почему где стоял я не выросли растения?

Серега что-то бормотал себе под нос. Я не хотела слушать. Просто не хотела ничего говорить.

— Постой, — Орлов остановился, выдрал пластину у меня из рук — я уперлась и не отдавала — но он все-таки забрал и, приложив усилия, расцарапал себе палец. Во мне кипело негодование, и я почти не следила за его действиями.

Зачем он настойчиво тычет пальцем в песок и всматривается туда.

— Эх, — через несколько минут протянул он, отрывая взгляд от дырочки, что так настойчиво проделывал в песке.

— Не то.

— Что? — наконец меня немного отпустило и получилось сосредоточиться на действиях друга.

— Ты только не психуй!

— Пф..., - горно отвернулась от него.

— Ростки выросли только в том месте, куда упала твоя кровь.

— Пф..., - я зашагала прочь.

— Катя! — протянул он.

— Пошли.

— Ну, Ка-а-ать, давай проведен эксперимент.

— Отстань!

Спустя тридцать минут мы, я с ужасом, а Серега с восторгом, смотрели как из-под небольшой капли моей крови, которую я уронила на песок, пробивается новое растение.

1Ренé Декáрт (фр. René Descartes [вэ'не де'кавт], лат. Renatus Cartesius — Картезий; 31 марта 1596, Лаэ (провинция Турень), ныне Декарт (департамент Эндр и Луара) — 11 февраля 1650, Стокгольм) — французский философ, математик, механик, физик и физиолог, создатель аналитической геометрии и современной алгебраической символики, автор метода радикального сомнения в философии, механицизма в физике, предтеча рефлексологии.

Глава 3

Мы шли уже долгое время. Сергей то и дело бросал на меня загадочные взгляды, я старательно игнорировала и его, и его «загадочные» взгляды. Ага, дай ему волю, он меня на опыты пустит. Тут, когда сама боишься до дрожи и кое-как держишь себя в руках, хочется залезть в свой толстый черепаший панцирь и высунуть нос, когда все более-менее все устаканиться.

Я знала лишь одно — еще сутки мы здесь не продержимся, с моими супер способностями или без них.

Я даже сразу не сообразила, что под ногами вместо привычного песка стал мелькать серый камень, пока не споткнулась об один из них.

— Кать, привал.

Орлов с глухим стоном свалился рядом и положил свою тяжелую руку на мои колени, носом же уперся куда-то в район поясницы. Пришлось отталкивать его подальше. Слишком много Орлова стало в моей жизни, слишком личные вещи пришлось с ним сегодня делить. Один поход в туалет, которого нет, чего стоил.

Ладонь вновь начала зудеть, а ранки воспаляться, и я с какой-то затаенной обреченностью аккуратно почесала ей об камень. Меня терзало смутное сомнение, что этот зуд неспроста. Быть может лечение кровопусканием образовалось не на пустом месте. Кровь, как говорится, не водица. В моем же случае — я, конечно, в этой версии полна скепсиса — наружу просится волшебство. Ну это так, из области фантастики.

С затаенным дыханием наблюдала, как небольшие разводы быстро испарись с камня. Слава Богу, ничего не происходило, никаких чудес. Пришлось аккуратно присоседиться к другу, который был так же измотан и уже дремал.

Когда мои пятки обдало холодом, я даже не сразу сообразила что, где, как и почему. Вокруг все та же пустыня, несколько камней и тихо посапывающий Орлов. Только вот по моим избитым кроссам, огибая небольшие серые камни и размывая залежи песка, бежал прозрачный ручеек.

Я посмотрела на свои почти затянувшие ранки, на лицо безмятежно спящего друга, его сухие губы и усмехнулась.

Первая капля упала другу на щеку и он смешно, словно рыба на суше, начал причмокивать губами.

«Чавк — чавк!»

Это бы довольно мило. Я-то уже напилась от души. Вода была прохладной и отлично утоляла жажду.

Идея обрызгать друга мне стала казаться не серьезной, и я просто легким пинком толкнула его тушу в сам ручей.

Как он орал и прыгал. Я в какой-то момент даже испугалась, а не случится у него шок от разности температур. Шок все таки не случился, а вот восторг от моих новых способностей — да.

С несказанным удовольствием утолили жажду и сели в задумчивости друг напротив друга.

— Что делать дальше будем? — задала на данный момент самый сакраментальный вопрос.

Небо уже заметно потемнело, стали видны пока еще совсем бледные звезды.

Сергея на мой вопрос только пожал плечами.

— Надо идти дальше. И лучше сейчас. Нет такой жары.

Он говорил отрывисто при этом шуря глаза, словно пытался что-то рассмотреть за моей спиной.

Не сдержалась и тоже оглянулась.

На самом краю горизонта загорались огоньки, но более того, они двигались, словно кто-то ходил с фонарем, туда — сюда.

— Это нас ищут? — наивно уточнила.

— Я бы не был настолько уверен. Мы перенеслись сюда прямо из гор, — Сергей уже

поднялся и отвечал мне с таким видом, словно разрабатывает операцию «Барбаросса» местного масштаба. — Представляешь расстояние, если взять в расчет, что мы в любой из возможных земных пустынь.

— Земных? — почему-то мне стало смешно. — Ты же не хочешь сказать, что это может быть не Земля.

Я посмотрела с превосходством на Сергея. Откровенно говоря, я всегда на него смотрела с превосходством, да потому что я умнее и реалист.

На мой выпад он ничего не ответил, лишь присел перед ручейком, смочил рукав рубашки и принялся протирать лицо, шею от пота и налипшего песка.

— А может, нас похитили зеленые человечки, — «зеленые» я взяла в кавычки пальцами, — и забросили сюда.

Сергей отвлекся от своего занятия и посмотрел внимательно на меня.

— Катя, а как же твоя кровь и... все происходящее.

— Совпадение. Могу сказать только одно, мы где-то на Зем..., — закончить фразу не получилось и мой спич повис в воздухе, так как над нами теперь проявились целых два светила, и ни одно из них не было Луной. Более того, среди них не было Солнца.

— А-а-а!

Я развернулась к Сереге с широко открытым ртом, но тот смотрел на небо, словно все, что там произошло было в порядке вещей. Кажется, друг чаще меня отрывает голову от земли. Хм...

— Катя, — как-то устало протянул он, — я сейчас пойду к тем огонькам, а ты посидишь здесь.

Он поднялся, накинул на плечи влажную рубашку, и обхватил меня за плечи.

— Катя, ты все поняла? — он настойчиво пытался поймать в моих глазах осмысленное выражение, и я кивнула сначала отрицательно, а затем положительно, для надежности два раза. Орлов вновь устало выдохнул и отпустил плечи.

Он отошел от нашей стоянки уже на несколько шагов, когда до меня дошло: он хочет меня оставить здесь. Одну!

— Не-е-е. Я иду с тобой, — и припустила следом.

— А если там женщин в рабство берут? — многозначительно заявил друг и поиграл бровями, его задор был напускным.

— Сдамся в рабство. Эти идиоты будут сами в этом виноваты, — упрямо выдавала, поджав губы.

— Катя, — усмехнулся друг, — я тебя прошу. Когда я тебя вообще просил в последний раз?

Я открыла рот, чтобы припомнить, но Серега перебил.

— Сейчас темно, мне одному легче будет пробраться и просто посмотреть со стороны, а затем вернуться.

Как бы это не хотелось признавать, но друг в кое том веке прав.

— Иди! — сквозь зубы выдавала, и Серега, видимо, боясь, что я передумаю, припустил рысцой в сторону огней.

Его темный силуэт уже слился с окружающей темнотой, а я все еще стояла, заламывая руки, и всматривалась в огоньки на горизонте. Временами они тухли и зажигались вновь, мне казалось, что это Орлов их заслонял своей широкой спиной, на которой странно смотрелась майка для пятилеток.

Становилось неуютно одной, но, в конце концов, другого выхода нет.

От нервов не знала куда деть руки, сначала развязывала — завязывала полы рубашки, навертела там несколько совершенно ненужных узлов, когда взгляд напоролся на золотую пластину.

— Ага, про тебя-то я совсем и забыла.

Взяв ее в руки, повертела и с неудовольствием заметила, что пластина-то не настоящая. С одной стороны золотое покрытие начало отходить, словно фольга.

Ну все дорвалась до антистресса, называется. С каким-то потаенным удовольствием снимала один слой золота за другим и наконец в моей руке оказалась небольшая тонкая книжка. Страницы которой были плотно сшиты странными нитками, совсем отдаленно напоминающими шпагат. Страницы были плотные со странными рисунками, возможно, это были петрографы, в свете ночных светил книжка, как и пластина до этого, казалась золотой и словно слегка светилась.

Постепенно излучаемое свечение становилось сильнее и насыщенней, но отбросить или убрать в сторону мою находку не хотелось. Она словно меня загипнотизировала.

Золотое свечение медленно переползало с самой книги на мои руки, сначала засветились ногти, затем пальцы, кисти... плечи. Наконец, свечение добралось до шеи, и, если до этого я чувствовала приятную щекотку, то как только свет добрался до моей дурной головы, мозг пронзила адская боль. Я смотрела по сторонам и мои глаза освещали все вокруг как два чертовых прожектора. Иногда сквозь болевые разряды в голове я выхватывала странные картинки происходящего. Видела горы, зеленые леса с вековыми деревьями, море, оно было розового цвета. Слышала птичий смех, карканье.

А затем пришли эмоции...

Лютая злость пронеслась опаляющей волной по всему телу, заставляя скрюченными пальцами хватать пригоршни песка и ползать на коленях, затем пришла волна странной, словно уже не моей радости и сразу счастья. Вздох... «Вернулась...»

И я, наконец, окончательно потеряла сознание.---

Приоткрыв глаза, увидела восход. Ярко-оранжевый круг только начал показываться из-за горизонта, отправляя свои еще маленькие, но такие целеустремленные лучи покорять мир песка.

Я лежала в ручье, вода со всех сторон обтекала тело, промолив меня до нитки. Ощущала себя так, словно этой ночью провела свой второй школьный выпускной, пропустив и торжественную и цивилизованную часть. В общем, состояние было такое же только хард-версия. Пусть мое брэнное тело лежало в воде, во рту же был настоящий иссохший колодец, а язык — пустое ведро царапавшее сухие каменные стенки.

Благо, до кулера идти не далеко — я просто, кряхтя, перевернулась на живот, и, утолив жажду, вернулась в исходное положение.

Голова постепенно чуть прояснилась, с досадой поняла, что в таком состоянии не из-за разнузданной вечеринки, а по причине попадания в Богом забытую пустыню, хорошо, что вместе с Серегой.

— Сережа, — продребезжал мой утренний голосок, — Орлов!

И тишина.

С трудом подняла свое измученное тело, осмотрелась. Все было на месте: бескрайняя пустыня, голубое небо, прекрасный ручей, а Орлова все где-то черти носят!

Вот всегда он так!

Все сама, Катенька, сама!

Превозмогая боль, села и осмотрела себя. На удивление я выглядела более-менее целой, хотя мне казалось, что после той ночной центрифуги, я буду выглядеть как отбивная. На мысли об отбивной пришлось сглотнуть слюну.

Быстро промыла исцарапанные конечности, руки, шею. Боженьки, что я творила этой ночью?! Может и хорошо, что Орлов этого не видел. Не для детской психики все это.

На несколько секунд ручей окрасился в розовый цвет, пока я промывала ранки и стирала вещи, но вода быстро сменилась.

Еще штаны и рубашка не успели подсохнуть, как я с неудовольствием заметила уже, наверное, привычное шевеление песка, а затем и возникновение новой микрозелени в этой пустыне. Она лезла щетиной и грозилась в скором будущем стать новым оазисом.

Пришлось в темпе натягивать на себя влажные вещи, накручивать рубаху на голову и топтать в сторону, где давеча ночью исчез мой друг.

Настроение было отвратительное, но довольно боевое.

Катюха — Рокки Бальбоа!

Глава 4

По мере приближения к жилой зоне, меня начал обхватывать настоящий мандраж: он пробирался мурашками от кончиков пальцев, подкрался к дрожащим коленкам и, наконец, лег прохладой на онемевших губах, и все это в невыносимом пекле.

Передо мной выросал настоящий постапокалиптический город. Каменный или песочный забор — не разобрать, окружал все видимое по периметру и в высоту был, наверное, метров пять. К нём крепились деревянные леса, по которым, словно обезьяны, передвигались люди. Местные жители перепрыгивали с перекладины на перекладину, с балки на балку и каждый раз леса скрипели и издавали совершенно нецензурные звуки пересушенного дерева, натягивались изношенные канаты, которыми эти конструкции были зафиксированы, а у меня каждый раз ухало вниз сердце от того, что все это добро вот-вот обрушится.

Но стенами и деревянными конструкциями фасад этого строения не ограничивался. Здесь, у самого основания, пристроены, вмещены в совершенно неподдающемся логике хаотичном порядке убогие, хрупкие лачуги, палатки, шалаши. Почему-то на ум пришли всем известные маргинальные личности без определенного места жительства и их ночлежки, сделанные из подручных средств, но с дюжим творческим подходом.

Ярких цветов почти не было: народ ходил в бежевых либо в светло-серых одеждах: брюки, рубашки, сапоги, но у всех поголовно были платки, скрывающие половину лица.

Все это я заметила, когда, словно мышь, затаилась у ближайшей стены и долго шпионила из-за угла. Причем, к городку я шла открыто. Согласитесь, человек зайцем петляющий среди пустыни по меньшей мере выглядел бы странно и подозрительно.

Народу было очень много, не надо быть экспертом, чтобы понять этот — на ум пришло — блокпост перенаселен. Кого здесь только не было: и африканцы, ходящие в полосатых халатах, и азиаты с широкими штанами, и простые европейцы в прямых, широких штанах и плотных рубахах. Это немного меня взбодрило. Надеюсь, я не буду так сильно выделяться среди них, ведь теперь, после пешей прогулки по пескам, я выгляжу не менее потрепанной жизнью, чем местные.

Так... так... Люди говорили явно не на русском. Такой язык я слышу впервые, но что удивительно, я его понимала. Сначала разбирала значение некоторых слов, они словно

всплывали у меня из подсознания, а затем угадывался и смысл предложения. Жаль, что мне не было дела до приготовления какого-то Ямка, видимо, местное животное. Именно такой разговор я подслушала у женщин, отходивших к колодцу, расположенному немного в стороне от арочного входа в город.

Стал актуальный вопрос: что делать?

Пробовать сразу объясняться словами, если что сразу убегу.

Из своей засады заметила скромного лавочника. Будем тренироваться на нем.

Уверенным шагом вывернула из-за угла и направилась к нему. Его «лавка-шалаш» располагалась немного в стороне — все для меня. Людей здесь было относительно мало, и я не должна привлечь особое внимание своим «непотребным» для этих мест видом и речью.

Походка была уверенной, от бедра, по сторонам не смотрела, смотрела исключительно на лавочника, отчего тот немного смутился и потупил взгляд. Кажется, переборщила с напором и уверенностью.

Пришлось мило улыбаться и показывать жестом на один из платков, висящих вдоль стены.

Плотный, кряхтящий при каждом своем движении, лавочник, оказался на удивление любезным, снял нужный платок и уставился на меня своими карими глазами, по переносице у него медленно стекала капля пота. Мужчина проявлял терпение. Я не решалась заговорить. Оказалось это тяжело, разговаривать на неродном языке.

Я обычно не заморачивалась и говорила на своем корявом английском: ай донт спик инглиш. Ноу кеш, ноу мани. Сейчас же мои три кривые шестерёнки в мозгу пытались прокрутить одну единственную мысль: чем оплатить?

У меня ничего и не было, поэтому пришлось распрощаться с небольшой жемчужной подвеской, которую мне подарил Орлов на прошлое день рождения. Лавочник удивленно округлил глаза, но платок все-таки отдал, а жемчужину долго гладил, прокатывал на ладони, рассматривал, да чуть ли не на зуб пробовал.

Мне это не нравилось. Черт с этой речью! Пока он там развлекается с цепочкой, решила — пора уносить ноги. Только стоило заменить рубашку на платок, замотав им голову на манер восточных женщин — оставив только глаза, когда мне на плечо упала чья-то тяжелая рука. Я вздрогнула, а сердце, наверное, ухнуло с такой быстротой в пятки, что стукнулось о подошву.

Меня догнал лавочник. И сейчас протягивал небольшой сверток очень похожий на одеяло из верблюжьей шерсти (таким еще укрывалась моя мама, когда начиналась ее болезнь). Я замялась, но он смотрел своими влажными умяющимися взять подарок глазами, и я не смогла отказать. Лишних вещей у меня в любом случае нет.

— Спа-си-бо! — ответила на местный манер изрядно удивив мужчину, который, видимо, счел меня немой.

Первое слово произнесено. Язык, словно онемел и едва проворачивал непривычные слова.

Нужно тренироваться, а-то и поговорить ни с кем не смогу.

Продвигалась сквозь снующую туда-сюда толпу народа, старалась тихо проговаривать слова на местном языке.

Где найти Сергея не представляла. Не было разрушенных домов, взрывов, пожаров — тихо, ни одного намека на присутствие друга.

Проблуждав без толку минут тридцать, я все — таки остановилась у ближайшей стены,

возле небольшой кучки тряпья.

— Г-де е-го но-сит? Как е-го найти? — продолжала учиться говорить на местном языке, пока никто не слышит.

— Если ты кого-то потеряла, — проговорил хриплый старческий голос, совсем рядом, и иссохшая старческая рука махнула, показав направление, — нужно идти на восток.

Как оказалось, то что я приняла за кучку полусгнивших тряпок была местная старушка. Она сидела и, с присущими старушкам любопытством, всматривалась в мое лицо, да так, что подалась вперед. Мне даже стало как-то неловко от этого взгляда, не комфортно.

— Вы провидица! — восхищенно, но шепотом спросила и вцепилась в костлявое плечо старухи. Откуда она знает, что я потеряла друга и, главное, где его можно найти.

— Болезная шо ли! Все знают, где находится рабовладельческий угол, — прохрипела старуха, удивленно округлив глаза, поднялась и припустила в сторону от меня, иногда оглядываясь и, кажется перекрещиваясь.

Рабовладельцы! Я не могла игнорировать этот факт. Кто сможет меня уберечь от этого? Если меня сейчас схватят за шкуру и забросят в клетку: здесь я никто и звать меня никак. А Сергей? Сидит уже где-то в клетке, плачет от безысходности своего положения, утирая сопли майкой с Патриком.

Вновь закусил губу от досады на сложившуюся ситуацию. Надо быть вдвойне, а то и втройне осторожной.

И что я сейчас смогу изменить? Ничего.

Сглотнула вставший в горле ком.

«Собралась, тряпка, и пошла! Пошла, я сказала!»

Наконец, впереди показался тот самый угол. Перепутать его с чем-либо другим точно невозможно. По кругу стояли клетки, а в них сидели люди. Самые настоящие люди! Живые! Поникшие, с потухшими глазами, почти каждый провожал безразличным взглядом покупателей, которые вальяжно прогуливались, рассматривали и обсуждали «товар». Словно они ходили по картинной галерее: обсуждают цветовые оттенки, краски, мазки на полотнах...

Меня начало мутить не столько от зрелища и стоящих здесь ароматов, сколько от ситуации.

Если я найду Сергея в одной из этих клеток, чем мне рассчитывать? Осталось только книга. Пусть она облезла ночью, но страницы по-прежнему выглядели золотыми. Отдам ее — решила и даже кивнула. С каким — никаким планом, а почувствовала себя уверенней.

Пристроилась в конце небольшой процессии, так чтобы со стороны смотрелось будто я с ними. Подстроила свою походку, сделав ее такой гусиной. Медленно перекатываясь с одной ноги на другую, проходила мимо клеток и в каждую всматривалась с трепетом: нет, Сергея видно нигде не было.

Тощие, обезвоженные, безвольные, одинокие, смирившиеся, готовые подчиняться... Я шла медленно. Не знаю что, но что-то меня заставляло каждому рабу всматриваться в глаза. Что я там хотела увидеть? Борьбу? Бунт?

Лишь у одной клетки задержалась чуть дольше. Она стояла в самом дальнем углу, с одной стороны накрытая выцветшей палаткой, прикрывая ее от прохожих. Каюсь, любопытство меня толкнуло подойти ближе. Только отчего-то сердце затрепыхалось в груди.

В самом темном углу сидел мужчина. Он не смотрел на меня в немом ожидании, как

другие. Его взгляд был устремлен вверх. Там, под звездной вечностью, кружили стервятники: они делали большие размеренные взмахи крыльев. Им некуда было торопиться — добыча, в их случае, дело времени. Неужели не выживших отдавали им? Вернув взгляд в клетку, натолкнулась на пристальный взгляд черных глаз. Теперь раб рассматривал меня, как чудную зверушку. Я же себя чувствовала наглым кроликом, который решился на великую дерзость — подойти к клетке с тигром и потыкать хвостик его хвоста морковью между прутьев.

Внешне же он чем-то напоминал героя из моего любимого советского фильма — Робинзона Крузо: борода, длинные темные волосы торчали в разные стороны, словно дреды, грязь, рваная одежда, про запах — молчу.

Моей силы воли не хватало сразу уйти. Он приковал меня. Смотрел. Сурово. Осуждающе.

Наконец, я сдалась, опустила глаза и отступила на несколько шагов назад.

— Стой... — хриплый, еле различимый среди базарного шума голос.

Он!

Я замерла. Нет, Катя. Зачем тебе это нужно? Тоже хочешь в клетку.

Я развернулась. Мужчина медленно, явно стараясь скрыть хромоту, подходил к решетке.

— Я знаю тебя, — прошептал он, стараясь не разрывать со мной зрительного контакта.

После его слов, я вся напряглась и стала выискивать в его темных глазах признаки узнавания или чего-то подобного и одновременно чувствовала себя полной дурой. Какого я к нему подошла?! Посмотрела — Сергея нет и ушла бы из этого ада. Это не моя война.

— Подойди, — уже совсем проскрипел он. Я видела с каким трудом ему дается каждое слово. Возможно, им и пить здесь не дают.

Сделала шаг к нему. Еще шаг. И вот стою перед ним, нас разделяет только решетка. Он сделал жест рукой, показывая, что хочет мне что-то сказать. Поскольку говорил он совсем тихо, мне пришлось размотать платок освободив нижнюю часть лица и уши, наклониться ближе. Я уже слышала его дыхание. Рывок и его сухие губы прижались к моим в поцелуе. Жар дыхания, колени дрожали, руками я сжимала его руки поверх решетки. Сознание уплыло куда-то в недостижимые для меня пределы. В это мгновение чувства обострились мы были лишь мужчина и женщина. Он испытывал жажду — я пыталась ее утолить. Но это было лишь до того момента, пока я не сделала вдох, и в мои рецепторы не ударил весь спектр аромата, источаемого этим Казановой.

Мужчина же меня не отпустил, дерзко продолжал целовать, но тут, видимо, уже вселенная дала свой знак таким знакомым голосом.

— Нет. А-фи-геть просто!!! Я тут тружусь, так сказать, на наше общее благо, а она целуется. Катя! — Серегин визг ввалился в мой мозг словно снежная лавина летом на пляж.

Глава 5

Глава 5

Я, как ошпаренная, отскочила от решетки. И не знаю, что меня терзало больше, разочарование от потери, стыд перед другом или досада на себя, такую несдержанную особу.

Незнакомец перевел безмятежный взгляд на Сергея. Всеми движениями показывая равнодушие и спокойствие. Я же, наоборот, пыхтела, словно паровоз, мои щеки горели румянцем, а отросшая челка прилипла к влажному лбу.

— Катя, — растормошил меня друг, — нам надо срочно валить отсюда.

— Хорошо, — согласилась и бросила последний взгляд в темноту клетки, куда удалился

незнакомец.

Я не увидела, скорее почувствовала, что незнакомец грустно усмехнулся.

— Катя, как ты могла. Целовалась с этим... Фу...

Я молчала. Ну, да, как-то могла. Только сожаления по этому поводу не испытывала, но другим знать это необязательно.

Справа от нас началась какая-то суматоха. словно ледокол лед толпу прорезала толстушка в средневековом платье затрапезного вида, при этом таща за собой еле двигающегося мужчину и крича что-то неопределенное. Ее полный перст непереставая тыкал в нашу с Сергеем сторону.

— Папа, это он! Он украл мое доброе имя. Мою честь!

— Блин! Катя, бежим огородами! — воскликнул Орлов и потащил меня на площадь, в самую гущу толпы. Да с таким упорством, что я едва не падала и едва успевала переставлять ноги.

Девушка сзади орала: «Папа, он меня обесчестил! Он обещал жениться!»

К крикам подключился папа барышни и закричал басом: «Стража!!!»

И вот это последнее мне вообще не понравилось.

Нас бы определенно схватили, и женили, если бы не начало торгов, но мы про это еще не знали. Где-то зазвенел колокол, народ валом повалил на площадь, сметая все на своем пути и нас в том числе. На помост, стоявший все это время в центре площади, начали выводить рабов.

— Серега, — шикнула на друга, — ты мне сейчас руку сломаешь.

Мы старались идти размерено, подстраиваясь под шаг толпы, мне казалось, что я проглотила швабру, настолько ровной была моя спина и прямые плечи. Краем глаза нашла «потерявшую» честь «красотку» — она что-то нашептывала своему батюшке и смачно сплевывала на песок, утирая рот выдавшим виды кружевом на манжете. От этой картины меня передернуло.

— Фух, оторвались, — выдохнул друг и таки отпустил мою несчастную длань. Пришлось растирать, чтобы вернуть ей чувствительность. Тем временем на небольшой импровизированный помост под возбужденные перешептывания ароматной толпы начали выводить особо ценные экземпляры местных заключенных.

Далее началась полнейшая дикость, на мой цивилизованный взгляд. Глашатай, или как его здесь величали — господин торговец, рассказывал: кто, где и за сколько купил того или иного человека в услужение. Затем следовали бурные аплодисменты и «приобретение» спускали вниз к новому хозяину, причем некоторые покупки довольно улыбались господину, а господины их примирительно хлопали по плечу: мол, сработаемся. Наконец, настало время увеселительной части и здесь моя челюсть чуть не отвалилась.

— Казнь, ГОСПОДА! Эти люди не достойны находиться среди нас! — увещевал гад с полосатых штанах. Серега же, заметив на моих щеках ненормальный румянец, вновь ухватил за руку.

— Катя, успокойся. Это здесь единственное развлечение.

Я же одуревшим взглядом смотрела, как, словно из воздуха, вырастает виселица, как довольные палачи, совершенно нескрывающие уродливых лиц, проверяют веревки и петли.

— Ущипните меня..., я сплю... — все еще не веря в происходящее, пробормотала, за что и получила не хилый такой тычок под ребра.

А зрелище начало наращивать масштабы, кто-то в толпе начал петь, кто-то плакать, кто-

то подбадривать палачей.

— Орлов, надо что-то делать..., — в ответ локтем толкнула друга в живот, с ужасом наблюдая, как отворяют самую дальнюю клетку и выводят моего раба. Моего собственного раба!

— О, не-е-ет, подруга! — странно, но Серега меня понял без слов, правда, как-то не так. — Я на их место не пойду, как бы я к тебе хорошо не относился, ты меня не уговоришь.

Трое бедолаг медленно поднимались на сцену, мой был третьим. Чуть в стороне послышался залиvistый свист, я бросила туда злой взгляд и возле сцены узрела недавнюю старуху, которая не предсказательница. Она, засунув в рот свои два скрюченных пальца, бодро насвистывала вслед медленно бредущим мужчинам.

— Я бы вас всех выкупила, голубки! — оповестила она их. — На последние покойного мужа купила.

Я громко вздохнула и тут же поймала на себе темный взгляд раба из дальней клетки, он почти поравнялся с тем местом, где мы стояли.

— Пора! — приказал полосатый распорядитель. Первым вывели почему-то моего, темноглазого.

Ему молча накинули на шею петлю, один из палачей, немедля дернул рычаг, пол ушел у мужчины из-под ног — толпа разом вздохнула, я — испуганно вскрикнула. Прошло еще несколько секунд, мужчина по-прежнему висел и болтал в воздухе ногами.

— Бычиная шея у него что ли, — протянул Орлов мне на ухо. — Да пристрелите его уже! — донеслось из толпы.

Распорядитель показательно вздохнул, осуждающе посмотрел на живчика и сунул руки за широкую штанину.

— Нееееет! — раздался крик. Распорядитель застыл, с небольшим мушкетом в руках. Я оглянулась: кто кричал?

Вокруг меня неожиданно оказалась пустое пространства, народ отступил на несколько шагов, кроме Сереги — он стоял за спиной.

— Ох и дура ты, Катька, — обреченно проговорил друг.

И только теперь до меня дошло, что кричала-то Я.Черт! Черт! Быстро проверила на месте ли платок, укрывающий лицо.

— Молодой девушке, есть что сказать? — приподнял кустистые брови господин торговец и посмотрел на меня. Нервно прочистила горло и под выжидательным взглядом толпы дрожащим голосом ответила:

— Простите, — поняла, что шепчу и следующую фразу почти прокричала: — Я покупаю!

Мой дрожащий палец указал на незнакомца, который все еще бодро болтался в воздухе, вздрогнула. — Я выкуплю этого несчастного! Серега продолжал мне что-то бормотать на ухо, кажется, он даже чуть присел, чтобы не возвышаться надо мной столпом.

— Катька, ты понимаешь, что мы пропали. Тебя за неуплату заберут в рабство. Меня женят. И всё! Все умерли!

Я зло толкнула его в бок. Достал.

— Бабник, — буркнула я.

Ведущий тем временем вновь заговорил со мной.

— Вы знаете, в чем повинен данный обвиняемый!

— Конечно, знаю, — прыснула я, а у самой повлажнели ладони: «понятия не имею».

— Убил кого-то и нас порешит, — пробурчал Серега.

— Этот человек, — торжественная пауза, за которую распорядитель осмотрел толпу понимающим взглядом, — вор! Он украл одну очень ценную вещь у нашего глубоко и премного уважаемого мэра!

Толстый мужик, батюшка той самой толстушки с грязными манжетами, поклонился и помахал толпе! Так Орлов еще и связался с мэром этого убогого городка.

— Это конец! — ужаснулся друг.

— Уважаемый, — я начала злиться, — давайте ближе к делу. Сколько?

Мужчина меня окинул выразительным взглядом, словно прицениваясь.

— Я не хочу смущать столь невинное создание, — ведущий усмехнулся, — но смею усомниться в вашей платежеспособности.

Толпа начала кричать, подсмеиваться.

— Я буду платить золотом, — подняла вверх золотую книжку, показала и быстро спрятала под платок.

Толпа зароптала. Я — ухмыльнулась: «что съели, гады!?!»

И тут раздался выстрел, мое сердце, в который раз за сегодня, ухнуло в пятки. Быстро бросила взгляд на виселицу — неужели не продается — оказалось распорядитель прострелил веревку и та под весом мужчины начала медленно распускаться: одна нитка, вторая — и, наконец, незнакомец свалился вниз, жадно хватая губами воздух и торопливо избавляясь от веревки. По толпе прошел разочарованный стон.

— Пройдемте-с, — по-деловому кивнул распорядитель и, облизывая полные обветренные губы, убрал огнестрел за пояс.

Не заметила как, но мужчина уже успел пройти почти половину площади.

Книгу я надежно спрятала под полами платка. Завернула бы еще в одеяло, да вот досада, где-то его выронила.

Мы пошли за ним следом, толпа не скрывала своего любопытства, расходилась в стороны.

По дороге попыталась на ощупь вырвать страницу из книжки. Получилось. Вот и хорошо. Отдам одну, и на том пусть «спасибо» скажет.

Небольшая палатка под выцветшим навесом была чем-то вроде офиса местной элиты работорговцев. Здесь стояли несколько пустых столов, лавок, пол был застелен лоскутными коврами, а стены завешаны по периметру вышитыми картинами с изображением дворцов, красиво одетых женщин и мужчин, особое внимание привлекал золотой канделябр, одиноко стоящий на краю стола господина распорядителя. На входе висели колыхающие от знойного ветра шторы, стояла охрана.

— Ну-с сколько вы мне можете предложить?

Мужичок уселся за стол, манерно вытащил из нагрудного кармана посеревший шелковый платок, взмахнул им в воздухе, и только затем протер несуществующую пыль с канделябра.

— Я не намерена торговаться, — жестко произнесла я.

Если он с таким трепетом ухаживает за слегка погнутым доисторическим канделябром, то мой выкуп покажется ему более чем щедрым.

Бросила еще по взгляду на канделябр, на выход с охраной и со всей своей легкой барской руки положила на стол один лист, он чуть колыхнулся и заблестел всеми оттенками золота.

Мужчина замер, а затем медленно моргнул два раза — хлоп, хлоп.

Трясущаяся волосатая рука потянулась к листку, но я ловко, одним пальчиком, сдвинула его на край.

— Договор купли-продажи сначала, — наклонилась к мужику практически вплотную и уперла руки в стол.

В кабинет забежал шустрый паренек и что-то начал горячо шептать на ухо распорядителю, изредка бросая взгляды то на меня, то на Серегу. Затем также шустро раскланялся и свинтил из палатки.

Пока мы с торговцев соревновались взглядами, к нам привели мое новое приобретение.

Откровенно говоря, я до сих пор и от себя, и от всей сложившейся ситуации в ужасе. Я, Катерина Макарова, которая третий год не может себе позволить купить новые зимние сапоги, решила себе прикупить раба-мужчину. Ладно, ужасаться буду потом — сейчас время торгов.

— Договор, — проговорила, глядя в глаза.

— Так забирай! — торговец отлепил свои полосатые штаны от стула и придвинулся ко мне.

— Забираю плату и ухожу!

— Повешу, — выдохнул он на меня свой ароматный аргумент, и я заметила, что у него нет двух нижних резцов.

— Вешай! — кивнула я. Кажется, со спины началось волнение.

Такого мой оппонент не ожидал и плюхнулся обратно на пятую точку.

— У-у-у-у, — протянул он и скосил взгляд на листок, который я заранее придавила рукой.

— Кинжал! Тащите сюда мой кинжал! — чуть подумав, проорал он.

И тут я, честного говоря, струхнула и отступила к Сереге под бочок. Орлов же, не упустив момент, вновь очень горестно вздохнул мне в макушку, чтобы совесть меня совсем замучила.

Старалась не дышать и крепко сжимать в руке листик.

В палатку теперь чинно входил давешний мальчишка, в руках он нес подушку, на которой лежал инструктированный камнями небольшой кинжал — я сглотнула вязкую слюну. Кажется, сегодня торговец продемонстрировал мне всю свою сокровищницу.

— Если что, бежим сквозь заднюю стенку, — прошептал друг мне на ухо и пожал руку.

— Ну, подходи, чего замерла? Договор будем заключать, — усмехнулся мужчина и махнул в воздухе лезвием.

Я даже не сразу обратила внимание на алую каплю, которая выступила на его указательном пальце.

— Давай скорей сюда палец. У меня еще дел полно.

Торговец вытянул ладонь, Серега аккуратно подтолкнул меня в спину.

— Я, Ленар Загадочный, продаю за условленную плату...

Я уже протягивала ему свой трясущейся палец, Ленар, который ну очень загадочный, сделал неаккуратный разрез, и сразу выступила алая капля, уставился на меня в ожидании.

Придется импровизировать.

— Я, Катерина Макарова, готова уплатить условленную плату.

Дальше Ленар махнул рукой, прерывая меня, и продолжил говорить сам.

— Рабов, в количестве четыре штуки.

Капли вспыхнули алым и истаяли в воздухе.

— Как четырех? — я сделала шаг на ушлого мужичка.

— Ты сама договор хотела. И я предоставил товар в пределах оплаты. Иначе никак.

Он патетично развел руками, а затем ловко выдернул из моих рук листок и крикнул:

— Заводите!

В палатку медленно запустили троих шикарнейших образцов разнузданной жизни, в сравнении с которыми мой первый раб был чистым, опрятным и идеальным примером аристократии.

Пришла в себя на столе с поджатыми к груди коленями и с кинжалом в дрожащих руках.

Глава 6

Глава 6

Пришлось собирать на экстренное совещание все нейроны в головном офисе и пытаться как-то осмысливать происходящее.

Во-первых, слезть со стола и отдать испуганному лавочнику кинжал; во-вторых, надо избавиться от лишних ртов. Приняла независимый вид, положила кинжал на стол рядом с собой и слезла со стола, принялась сразу поправлять брюки — в сторону от хлопков по ткани расходились пыльные облачки.

— Я сейчас не поняла, что это было? Зачем мне эти эм... прекрасные мужчины, — обвела в воздухе профили мужчин. — Катенька — нежно протянул Ленар, а сам принялся медленно, подхватив указательным пальцем, оттаскивать по столу подальше от меня кинжал.

— Кровный договор может быть заключен только на равных условиях со всех сторон. Вы мне ценную вещь — я вам товар. «Товар» после этого довольно заулыбался — я сглотнула.

— Но...

— Нет, Катенька! — Ленар, бросил на меня быстрый взгляд, а сам при этом любовно возвращал кинжал на бархатную подушку, которую держал подоспевший к этому времени малец. Пф... тоже мне ценность. — Кровный договор, договор — справедливости. И как-то на меня разом нахлынула усталость, да и ситуация глупая. В конце концов, спровадить их — бросила быстрый взгляд на оборванцев — труда не составит.

— Хорошо, — примирительно протянула, — хорошо, господин торговец. Наша сделка состоялась. У меня претензий к вам нет.

Ленар, словно этого и ждал, довольно хлопнул в ладоши.

— Отлично!

Тревожное ощущение накатило внезапно, пришлось сквозняком по торчащим из-под платка волосам, а затем раздалось сдавленным криком Сергея за спиной. В комнату с неожиданной для меня стороны ввалилась толстушка с рынка, она была все в том же средневековом платье. Я думала, что оно, платье-то, мышино-серого цвета, но, приглядевшись, поняла, что оно когда-то было розовым, с белыми воланами по подолу и кружевами на вороте и манжетах. А сейчас же оно полностью соответствовало образу сильно побитой жизнью барышни, которая смотрела на мир сквозь перену собственного превосходства. Покатые плечи блестели от масла, к которому налипла местная пыль и песок, густые тени на отекавших и обветренных веках, яркие румяна на пухлых щеках, прическа из редких неровно обесцвеченных волос с небольшими камешками в виде украшений, но вишенка на торте — пикантная черная мушка возле губы. Честно говоря, четко я видела

только мушку, а остальное подметила мельком.

— Розочка! — воскликнул Ленар. — Здравствуй, моя прелесть. Он бросился к ней с распростертыми объятиями, в одной руке незаметно держа носовой платок.

— Дядя, — прозвучал низкий, гортанный голос с хрипотцой. Оглянулась на Серегу и увидела в его глазах ужас. Ленар тем временем принялся расцеловываться с племянницей, при этом периодически прикладывая к носу платок и вдыхать запах, пока она не видит.

— Уходим, — пока не видит Ленар, тихо бросила я и направилась к выходу. Но не тут-то было.

Стоило мне сделать пару незаметных шагов, как словно включился в работу доселе не работающий механизм неприятностей. Пассивные охранники резко подхватили Сергея под мышки и начали тянуть из палатки.

— Что вы себе позволяете? — завизжала я, схватив Сергея за руку и начала тянуть уже на себя. Стража уступать была не намерена. Раздался треск рвущейся ткани.

— Катя, отпусти его. Его выкупила Розочка! — донесся до меня голос Ленара, а я уже была изо всех сил охранников, пинала что есть мочи и царапалась. Быстро осмотрелась: кинжал унесли заранее.

— Пустите его! — кричала до хрипоты.

— Да она взбесилась! — воскликнул Ленар, козел этакий. Наконец, охранник не сдержался и замахнулся на меня — я не успевала увернуться, его грязный кулак летел прямо в мой нос. Привет, ринопластика! Я зажмурилась, понимая, что не успеваю увернуться. Только ничего не произошло. Подождала для верности несколько секунд, а затем приоткрыла один глаз. Мой Первый раб стоял и надежно сжимал в своей ладони крепкий кулак охранника, а мерзавец, поднявший руку на женщину, старательно сохранял лицо, лишь немного побледневшие и нервно дергающиеся губы выдавали его напряжение.

— Тронешь ее, я тебе этот кулак сам догадайся куда засуну! — прохрипел спаситель, я же чуть не пискнула от страха.

Черноглазый показательно сжал плененную конечность, охранник поморщился и зашипел, принялся настойчиво вырывать, и ему позволили это сделать, после того, как чуть-чуть помучали.

Я же в итоге оказалась за грязной, но широкой спиной и испуганно таращилась на происходящее где-то из района подмышки. Как оказалось, здесь дралась и наводила переполох только я, пусть и без результатов: Сергея так и не отпустили. Охранник, который пытался ударить периодически бросал на меня горячие взгляды, мне даже раз послышалось его игривое: «цыпа-цыпа». Этот козел так ничего и не понял. Дождаться нужного момента не составило труда, я быстро выскочила из укрытия и треснула мерзавца по макушке, но тут же была возвращена на положенное место со словами:

— Стой спокойно, женщина!

— Шэн, успокойся, — испуганно проговорил Ленар, выглядывая из-за широких плечей Серегиной «невесты». — Он сам виноват. Вот женится и все будет нормально. А Розочке давно пора свою семью заводить.

Кажется, до этого Розочка могла завести только тараканов и клопов. Страшное знание о средневековых земных традициях всплыло в голове и я всмотрелась в волосы местной красотки и ахнула, закусив большой палец. У нее в волосах были не украшения-камушки, а так называемые "божьи жемчужины", или по другому вши. Нет, я все понимаю: пустыня, воды по определению нет, но... Да, черт возьми, ничего я уже не понимаю! Ленар хотел

погладить племянницу по плечу, но, бросив на него, плечо, взгляд, резко передумал и спрятал руки, от греха подальше, за спину.

— Мне ваша Розочка и за даром не сдалась, — прокричал друг, все время безуспешно пытаюсь освободить руки из захвата.

— Она тебе может и даром не нужна, — с философским видом заметил торговец, — зато ты ей, ой как, дорого достался.

— Ага, — с иронией воскликнул Орлов, — Двадцать баранов, холодильник, хороший, Финский. И почетная грамота?

Ленар нахмурил брови и задумался, а я поняла, что друг на грани, раз вспомнил фразу из "Кавказской пленницы" Гайдая. — Уводите! Надо ходильник. Найдем и ходильник! — безкомпромиссно отдала распоряжение «невеста» и Серегу вновь потащили на выход. Я дернулась за ним, готовая вновь вступить в бой, но Шэн мне преградил дорогу.

Сквозь открывшийся проем я заметила, что наша палатка полностью окружена вооруженными людьми, но стоило дочери мэра пройти мимо, как войны взяли ее в кольцо и все вместе скрылись из виду. Где-то в этой толпе был и Орлов. Я невольно всхлипнула. В палатке осталась я с четырьмя рабами, трое, как показала практика, абсолютно бесполезные, Ленар, пара охранников и юноша, забившийся в самый угол палатки.

— Идем, — тихо сказал мне Шэн и пырвым похромал на выход.

Глава 7

Глава 7

Чувствовала себя беспомощной. Словно могла что-то сделать, но не сделала, не спасла друга. Надо было взять их всех в заложники, требовать вернуть мне друга и вертолет, но с помощью чего, они даже кинжал унесли. С помощью Шэна? Я подняла глаза и уставилась на продолговатую дырку в его рубаше, прямо между лопаток, таких полос было несколько. Мог ли кнут?

— Они тебе нужны?

Я не сразу поняла кто и о чем меня спрашивает. Последние несколько минут, может, час, тупо брела следом за широкой спиной и копалась в своих непродуктивных мыслях и упивалась самобичеванием. Какими лабиринтами и куда ведет меня прихрамывающая фигура впереди, тоже мало интересовалась, может он вообще прибудет где-нибудь за углом. Да так мне и надо — не спасла друга.

— Они тебе еще нужны? — Шэн оглянулся на меня, а я с трудом оторвала взгляд от песчаной дорожки и посмотрела ему в глаза.

И с чего я решила, что он черноглазый? У него глаза... Ум... Словно карамель на палочке, в которой играют солнечные блики.

— Кто? — удивилась, не сразу сообразив, что Шэн смотрит куда-то мне за спину. Обернулась и тут же натолкнулась на три пары глаз. Мужчины держались чуть в стороне, напряженно замерев и не сводя с меня взгляда.

— А что с ними делать? Не убивать же..., — безразлично проговорила и направилась дальше, едва не задев плечом застывшего Шэна. Теперь я брела сама. Устала так, что было безразлично все, кроме тревоги за друга. Найти бы тихое место и отсидеться хотя бы пару часиков, перевести дух. Вот только стоило свернуть за угол какого-то песочного строения, как за спиной раздался отчаянный вскрик. Боже мой! Я поняла, что Шэна со мной рядом нет, он остался с этими тремя. И я сказала: «Не убивать же...» Дура! Дура! Дура! Бегом побежала в переулочек, где оставила четверку рабов. Теперь их была уже тройка и скоро

сталось бы двойка. Шэн нисколько себя не утруждая, ему нисколько не мешала больная нога, утаскивал за шкурку тело одного из рабов за угол. Как меня не разбил паралич от нервов? Вот только я зашипела и как не в себе накинута на мужчину, принялась выдерживать тело оборванца из рук Шэна.

— Зачем ты это делаешь? — шепотом шипела прямому ему в лицо.-

Избавляюсь от лишнего, — Шэн шипел не хуже меня и перетягивал тело бедолаги на себя.

— Но не таким же способом, — потянула на себя. Шэн заломил бровь:

— Предложишь лучше?

— Это грех! — дернула сильнее, послышался треск ткани.

— Пффф... — выдал мне Шэн.

— Кхе-кхе... — раздалось со стороны и мы обернулись, прервав наши переглядки.

— Я безумно извиняюсь, — протянул третий, самый последний пострадавший, который до этого лежал безвольной куклой чуть в стороне. — Но может, вы потом разберетесь с вашими разногласиями. Это, конечно, очень увлекательно, но я бы попросил вас поскорее транспортировать меня с товарищами в назначенное место. Насколько я понял, нас там покормят и обогреют.

Мужчина глубоко вздохнул, затем довольно патетично закатил глаза и приложил тыльную сторону ладони на лоб — принялся дальше изображать труп.

— Вот же мерзавцы! — сквозь зубы прошипел Шэн и отпустил наше тело преткновения, одной мне удержать его было не под силу, от чего тот кулем плюхнулся наземь и с упреком выдал оттуда:

— Осторожнее нельзя?

Я возмущенно, исключительно для проформы, пнула в бок мелкого симулянта и отвернулась.

— Оттащить вас значит? Пожрать бесплатно захотели? Поняли, что с хозяйкой не повязло? — Шэн медленно надвигался к все еще лежащему, но уже нервно подергивающему коленом рабу.

— А ну встал! — рывкнул Шэн так, что, если бы я уже не стояла, встала бы.

Раб подпрыгнул.

— Проваливай отсюда, Филимон, по-хорошему...

— Но нас матушка Клотиль не примет! Ты же к ней нас хотел оттащить и скрыться с цыпочкой сам, да? — Филимон трусливо отступал, сложив перед собой ладони в молящемся жесте и строя печальные морды на заросшем щетиной лице, если честно, смотрелось так себе.

— Ах, матушка Клотиль, значит! — значимо протянул Шэн и мне это совсем не понравилось, но Филимон, кажется, не внял.

— Да, да, — торопливо закивал он. — Если ты нас притащишь, она нас пожалует, накормит и обогреет.

— Я помогу, — отозвался Шэн и широко улыбнулся.

— Спасибо, спасибо! — радостно забормотал прохиндей и тут же принялся укладываться назад на землю.

Вот только стоило согнуться, как ему прилетел увесистый такой пендель по одному месту, Филимон пробежав по инерции в позе любопытной горничной пару метров, но все же устоял на ногах.

— Еще помощь нужна? — доброжелательно отозвался Шэн. Раб разогнулся и перевел шокированный взгляд на доброжелателя.

— Не... не... — проблеял он.

— А другу? — с такой же улыбкой поинтересовался мужчина и кивнул на второго лежащего.

— Ему...,- начал Филимон, но друг уже сам все понял и, ловко вскочив на ноги, ответил сам, умудрившись отвесить нижайший поклон.

— Благодарю сердечно, но не нуждаюсь в вашей помощи. И приятели поплелись к ближайшему переулку, все еще недобро и обижено на нас оглядываясь.

— М-да, — подала я голос. — А мы к Клотиль пойдём? Как же мне тоже хочется быть накормленной и помытой.

— Тебе у Клотиль делать точно нечего, — грубо бросил Шэн. — Но место, где можно отдохнуть, я тебе обеспечу. Идем.

Если учитывать мой врожденный топографический кретинизм, то мне впору было бы молиться на Шэна. Ведь во время нашей затяжной прогулки, по этому, так называемому, песочному городу, я чувствовала себя новорожденным слоненком, который ходит следом за своей мамой-слонихой, крепко держа ее за хвостик. Ориентировалась в пространстве я больше на уровне интуиции, и, если бы меня кто-нибудь спросил: «Эй, подскажи, где находится рабовладельческий угол в этом жалком городишке?», я бы только неопределенно пожала плечами: «Где-то там». К слову, здесь были очень интересные варианты обращений к посторонним на улице. Не европейские — мистер да мисс или советское — товарищ: здесь такое принято не было. К человеку, если он имел низкий сословный статус, обращались: «Эй ты...», если средний просто «Уважаемый...», а вот, как здесь обращаются к высшей знати, я так и не узнала.

Началось же все очень обнадеживающе.

— Готова? Нам придется немного пройдишь, — уверенно заявил мужчина, на его лице зажглась улыбка, способная затмить само солнце.

И понеслось. Я ходила в узких переходах, ползала, на трясущихся от страха, конечностях под многометровыми стенами и даже шагала по шаткому проходу, состоящему из полусгнивших строительных лесов. И вот именно после этого момента в моей светлой головушке все чаще стали мелькать мысли о скорой кончине. Но это еще ничего, дальше был местный рынок, часть которого я видела в самом начале своего путешествия. Атмосферой он был очень похож на привычный мне восточный базар, только здесь не было фруктов, цветных платков, купальников, специй — все было до жути угрюмо и тоскливо: бурдюки для воды, дорожные мешки, местные тушканчики и разная другая непонятная для меня мелочь. Никаких тебе пятидесятих Айфонов. Но напором навязчивостью местные торгаши превосходили всех, чем изрядно подпортили мои итак изношенные нервы.

Еще был момент, когда я едва не продала Шэна. Стоило мне чуть отстать, чуть зазеваться, когда ко мне подбежал ушлый торгош и начал тарыхтеть так быстро, что я совершенно не уловила нить его повествования, и в самом конце легонько кивнула, исключительно из вежливости. Торговец оттаял, на лице растеклась довольная улыбка и он начал впихивать мне в руку кривоватую, местами позеленевшую от времени монету. Спас себя Шэн сам: популярно объяснив, что не продается. В тот момент мне даже стыдно не было — просто все произошло так быстро, что я не сообразила. Еще возник вопрос: как торгош узнал про бывший статус раба или был на площади во время шоу?

Еще через двадцать минут ходьбы, когда я уже была готова продать саму себя в рабство, лишь бы отдохнуть. Клетки мне стали казаться довольно уютными для отдыха. Жара была невыносимой, что естественно для пустыни.

Шэн, сжалившись, все же завел меня в прохладное место — хорошо! Стон облегчения вырвался сам собой и первый раз за день я нашла место опоры в виде шершавой стены и расслабилась: руки повисли плетями, глаза закрылись, а лицо, покрытое испариной, подставила под небольшой ветерок, получая обманчивое ощущение прохлады.

Кажется, я на какой-то миг прикрыла глаза, а очнулась только от легкого, слегка неравномерного покачивания. Меня несли на руках. Шэн меня нес на руках. Я не стала возмущаться, бросаться в драку и делать прочие глупости, продолжала лежать и наслаждаться минутами спокойствия и тишины. От мужчины пахло потом и затхлостью, но это было терпимо, да и легкий ветерок нас постоянно обдувал, разбавляя всю терпкость исходящих ароматов. В какой-то момент приоткрыла глаза и принялась рассматривать мужчину. Во-первых, в глаза сразу бросалась многослойная грязь и черная, густая щетина, а вот что пряталось под ней, оставалось для меня все еще тайной. Возможно, там находился вполне симпатичный человек, возможно, даже не особо старый. Но гадать больше не хотелось и я вновь провалилась в густую дрему.

Глава 8

Глава 8

Упс... Сквозь дрему почувствовала прохладный камень на который меня аккуратно усадили, а ноги прямо в обуви погрузили в теплую воду, от этого на губах невольно расплылась блаженная улыбка. Послышался тихий рваный вздох, и я приоткрыла все еще тяжелые после крепкого сна веки.

Шэн, ловко работая длинными крепкими пальцами, старательно выпутывал небольшие пуговицы на моей рубашке из петель, а затем и вытаскивал руки-плети из рукавов. И все это делал с таким сосредоточенным видом, словно от этого зависел исход неизвестной для меня битвы. А я наблюдала, как трепещут короткие и темные ресницы, как внимательно он смотрит.

Кажется в этот момент я должна чувствовать отчетливый страх, но в моей груди разрастался необъяснимый трепет. Аррр... Мы находились в помещении, которое было похоже на небольшую подземную пещеру с несколькими колодцами с мутной водой в полу.

Видимо какие-то местные купальни, но почему здесь никого нет? Нет, меня это вполне устраивало и думать об этом, если честно, было откровенно лень.

Аккуратные мужские прикосновения, ленивая нега, разливающаяся по телу, я едва удерживала сидячее положение, так хотелось откинуть голову назад и... Да, черт, нельзя так. Надо собраться, хоть немного. Стоило немного начать думать, отрешиться от ощущений, как для этого сразу нашелся повод.

Шэн уже справился с рубашкой и медленно вытащил, пардон, из-за резинки моих брюк блокнот. Его реакция — Шэна, конечно, — меня удивила, он уставился на кожаный переплет шокировано, а затем просто медленно прикрыл глаза, словно собираясь с мыслями, затем трепетно прошелся пальцами по переплету и убрал его в сторону, потянулся к краю моей футболки.

— Э-э-э, не-е-ет, дорогой, — усмехнулась на это действие и легонько хлопнула по протянутым конечностям, Шэн поднял на меня удивленный взгляд.

— Спасибо тебе большое. Я действительно немного расслабилась и отдохнула, но

дальше допуск только по пропускам. Уголок его губ дернулся, точнее дернулась борода. Он смотрел на меня каким-то новым взглядом, который я так и не смогла опознать. Тревога? Трепет? Обеспокоенность? Страх?

— Тебе бы тоже не помешало, — я значимо обвела в воздухе его силуэт, — привести себя в надлежащий вид. Шэн приподнял одну бровь, его глаза странно блестели, смотря на меня. Я же все еще чувствовала ломоту в суставах и некую вялость мышц, но уже вполне могла справиться со всем остальным сама. Он молча наблюдал, как я пыталась развязать закаменевшие шнурки от кроссовок, наконец, раздраженно стянула так, слегка повредив кожу на пятке. Моими кроссами теперь можно убивать — они стали дубовыми. Пока воевала с обувью и носками не обращала внимание на сидевшего на корточках Шэна, но стоило мне положить руки на резинку брюк, его взгляд переместился следом за ними. — Эй, фьють, — я слегка свистнула, привлекая внимание, а когда это удалось, показа в воздухе направление на 360 градусов и указав на выход. Шэн улыбнулся в бороду и прошел в ближайший проем. Выждав несколько минут, услышала шебуршание ткани, а затеи всплеск воды — вразумил-таки мои намеки. Тщательно скрывая улыбку быстро разделась и осторожно прошла к колодцу. Вода была подозрительной по цвету — белесой, а когда я погрузилась в нее, она оказалась еще и подозрительной по составу, словно я нырнула в чан с теплой газированной минеральной водой. Каждый пузырек щекотал кожу, слегка массируя, и я, не удержалась от соблазна, погрузилась с головой. С удовлетворением понимая, что многодневная грязь и пот сами по себе отстают от кожи. Вынырнув откинулась на спину, разложив руки по краям продолжала наслаждаться легким массажем. На грязные вещи смотреть не хотелось, но меня привлек маленький травянистого цвета камушек, который я, видимо, задвинула за камень, когда раздевалась. Пришлось чуть вынырнуть и используя кроссовок подтащить к себе. Это было мыло.

Ай, да Шэн. Я сбилась со счета сколько минут отмокала. Впрочем, я всегда мылась быстро и такое праздное убийство времени, было мне не свойственно. Тридцать минут в ванне — полдня потеряно. Принялась вылазить, подпрыгнула и неловко зацепилась коленом об шершавый каменный край. Черт! Пришлось вновь нырнуть и теперь любоваться новой кровоточащей раной. Стало как-то нервно: вдруг вспомнила, как на мою кровь реагировали растения в пустыне. А здесь вода. Чувство тревоги нарастало и я, подгоняемая им, начала вскарабкиваться на борт. Что-то скользнуло по моей ноге, что-то гладкое и противное. Я взвизгнула и попыталась выбросить ногу, опираясь на руки. У меня почти получилось. Почти. В последний миг мою щиколотку плотно обхватили и дернули назад, с глухим ударом об воду, зацепив щекой каменный край и приложившись правым плечом меня потянуло под воду. Я чувствовала, как скользкие змеи поднимаются выше по ноге, сковывая мои жалкие попытки освободиться. С трудом, но разглядела, что же это меня убивает, оказалось — лианы. Темно-зеленые, с небольшими шипами и редкими листьями. Я успела еще раз вынырнуть и вскрикнуть, но тут же накрыла с головой мутная вода.

Резкий рывок и меня, словно репку из сказки, выдернули за волосы из воды. Но я не была в обиде, так как смогла наконец сделать судорожный глоток жизненно необходимого воздуха.

Шэн слитным движением подтянул меня к себе, быстро положил мои руки на свою талию, позволяя ухватиться за него изо всех оставшихся сил. А сам уперся ногами в противоположную сторону колодца. Я едва ли понимала, что происходит на самом деле, держалась словно безумная за мужчину и иногда поскуливала от боли — чумные растения

продолжали меня тянуть вниз.

— Держись, держись, хорошая моя.

Шэн зачем-то схватил в руки мою книгу и принялся неспешно перелистывать страницы, внимательно всматриваясь в каждый символ.

— Ох, — застонала, когда почувствовала щелчок в лодыжке, который через секунду прострелил болью.

— Нашел, — быстро проговорил он и резко выдернул одну из страниц.

Я уже ничего не понимала, мой мир сузился до твердого мужского пресса и узких бедер, как бы двусмысленно это сейчас не звучало.

— Должно получиться, — прошептал он и приложил прохладный лист на одну из моих лопаток.

Ничего не произошло. Ничего. Я по-прежнему страдала. — Катя, послушай, что было перед появлением растений? Он осторожно попробовал ослабить хватку, скрутившей меня лианы в районе талии.

— Я не понимаю... хотела вылезти, — на выдохе, сквозь зубы выдала я.

— И что-то произошло? Почему ты хотела вылезти? — Поранилась, поцарапала колено. Кровь... Я уперлась лбом в грудь мужчины и старалась не дышать. Кажется, я вновь потеряла все силы.

Шэн что-то делал с моей спиной, зажал, почувдился легкий укол — пусть делает все, что хочет, лишь бы помогло, и меня оставили в покое.

Быстрая судорога прошла по спине, плавно перетекая на все тело, отчего хватка лиан становилась не такой удушающей, и спустя несколько секунд меня оставили в покое. Шэн, почувствовав это, осторожно, словно обращаясь с фарфоровой фигуркой, затащил меня к себе на колени и принялся нежно, едва касаясь кончиками пальцев, поглаживать по спине.

— Ты как? — раздалось где-то в моих волосах. «Как, как?» — с обреченной злостью подумала я. — «Словно меня только что сняли с дыбы».

— Ты почему сразу не сказала, кем являешься на самом деле? — также спокойно, почти умиротворенно, шептал он.

— А это что-то изменило бы? — осторожно спросила я.

Просто этот мир такой странный и чужой, с неизвестными для меня законами. Как здесь относятся к инопланетянам я же не знаю. Учитывая что Серегу забрали — относятся плохо.

— Катя, это изменило бы многое. Этот мир давно ждет тебя..., — Шэн отчего-то замялся на последнем слове. — Этот мир давно ждет Вас, Хранитеница.

После последней фразы мне захотелось рассмеяться, но я как на зло громко икнула, испортив весь момент. Мы, кажется, думаем о разном. Какая я, к чертям, хранитеница, если только полей и огородов?

— Вам надо отдохнуть.

Шэн принялся медленно отстраняться и увеличивать между нами дистанцию. Ему давалась это с большим трудом. Я вцепилась в него словно клещ, боясь отпустить и вновь попасть в капкан.

— А как же они? — бросила внимательный взгляд на спокойную мутную воду колодца.

— А они теперь ваши, — хрипло проговорил мужчина и как-то особенно напряженно замер.

— Ваши слуги. Ничего не понимаю, но это очень интересно. И именно из-за того, что я

ничего не понимаю — промолчала.

Шэну я доверяла. Возможно, это его благодарность за спасение и я ее приму. Хотя он по большому счету мне ничего не стоило спасти человека от гибели — за это глупо выставить счет. А вот мысль, что он обо мне заботится в знак благодарности, расстроила.

— Поднимайтесь.

Шэн ловко усадил меня на прилегающий камень, предварительно выпутавшись из моих объятий, а затем сбежал.

И осталась нагая на камне. Подхватила мои грязные вещи и попыталась примериться как с ними поступить. Одеться так или прополоскать в воде и нацепить.

— Возьмите. Мужчина вернулся быстро, и старательно не глядя на меня протягивал сверток с каким-то тряпьем.

Я же, наконец, рассмотрела его во всех подробностях. Он побрился и теперь выглядел молодым мужчиной, едва ли намного старше меня, с впалыми щеками, упрямым подбородком и яркими глазами, отросшие темные волосы были старательно зачесаны назад и прихвачены шнурком. Свободные штаны и удобная рубашка.

Не заметила, как начала улыбаться. А он красавчик. Откормить бы только не помешало, но тут буду действовать по возможности.

Я быстро облачилась в похожие свободные брюки и удлиненную рубашку, предварительно надев нательное белье, состоящее из тонкой маячки, что с моим третьим размером было не привычно и слишком... и слишком... — и узких шортов. А на ноги мне достались смешные сандалии, я такие носила в первом классе, с розовыми бантиками и в убийственно розовом цвете. Где он такие добыл?! Свои старые вещи решила быстро сполоснуть в колодце, включая кроссы. Особой грязи на них не было, так: пыль, песок, пот. Надеюсь, они простираются, и я смогу их так же носить после сушки, а сейчас пришлось скрутить плотным влажным рулончиком и всучить в руки Шэну, книжку решила нести самостоятельно.

Глава 9

Глава 9

Меня немного знобило, и жутко чесалась спина в районе лопатки, где теперь красуется серебристый символ растений этого мира, что-то вроде жгута из шипастой лозы.

Шэн на все мои расспросы, стал внимательно ко мне приглядываться. Кажется, он стал догадываться, что я ничего не знаю о произошедшем. Но его, по большому счету, это мало волновало, а я внутренне заходила в немой тревоге. Он стал попеременно называть меня то Хранительницей, то просто Катей. В общем, бесил.

Сейчас бы сюда Серегу Орлова, он бы подсказал, что делать. Но пока до этого не дошло меня все-таки решили накормить. У Шэна, как оказалось, была возможность меня накормить, и он не торопился от меня избавляться. Чем я и пользовалась.

Шэн всю дорогу, как мы вышли из подземных купален, держал меня за руку, а я боялась вздохнуть лишний раз, вдруг отпустит — глупо, ну так я особым умом в отношениях с противоположным полом никогда не отличалась.

Один момент Шэн мне все таки пояснил. Почему, при наличии прекрасного источника для мытья, здесь все такие «ароматные». Местные жители о них знали, но предпочитали игнорировать, наращивали, так сказать, слой естественно защиты.

— И будет еще хуже. С каждым годом после ухода «души» этого мира становится только хуже. Уже все плохо: почти нет пресных источников, нет растений, нет самой жизни,

люди одичали.

Он говорил это нейтрально, а я пыталась хоть что-то понять из сказанного и какое отношение к этому имею. И, главное, что мне за это будет, но лучше б мне за это ничего не было. Ведь растения я видела, у меня от них до сих пор синяки по всему телу и припухшая лодыжка.

— А душа мира это...?

Я старательно нагнала Шэна, стараясь не наступать на больную ногу, и, словно любопытный ребёнок, пыталась на ходу заглянуть ему в лицо. Местное солнце наложило свой отпечаток на его заострённые черты, лицо стало казаться более жестким, четкие губы более суровыми, были видны даже легкие морщинки в уголках глаз. Шэн сделал вид, что не расслышал моего вопроса.

Да и я сама быстро забыла, о чем шла речь — носа коснулся аромат съестного, пришлось сглатывать полный рот слюны. — Пришли.

Вывеска местного паба скрипела и качалась от едва уловимого ветерка. Казалось, что вот-вот последняя уцелевшая, но уже основательно проржавевшая петля, на которой все держалось, раскрошится и отправит в последний полет деревянную, основательно «побитую» жизнью доску с надписью «Эйфория».

Название «Эйфория», разбередило мою буйную фантазию. Шэн проводил госпожу Целенаправленность, то есть меня, подозрительным взглядом, ведь если до этого я еле плелась за ним, крепко держась за руку, то сейчас вырвала ладошку и прошла первой, даже хромота мне не стала помехой. Такой убогой обстановки не видела даже на послевоенных фотографиях: три лавки, три стола, два стула, барная стойка, сцена и дыра во всю стену наспех забитая полусгнившими досками — всё. Вот тебе и ЭЙФОРИИИИЯ!

— Проходи, — подтолкнул меня в спину Шэн и, кивнув официантке, которая с видимым усилием «полировала» барную стойку тесаком, счищая с нее ошметки залипшей грязи, подтолкнул меня к единственному свободному столу.

Женщина бросила на нас быстрый взгляд и продолжила свое дело. Лицо красное, прядь прилипла ко влажному лбу, и пухлые груди туда-сюда, туда-сюда вслед за ее движениями. Я даже засмотрелась. Тьфу ты! Наконец, сделала последнее движение, смела фартуком на пол ошметки и ловко швырнула свое орудие труда в ближайшую стену, словно дротик — попала в яблочко, затем протерла руки о многострадальный передник и направилась к нам.

Мы сели за дальний столик с прекрасным видом на пустыню, который открывался через невероятное, отмеченное мной ранее, дизайнерское решение — дыру в полстены. Все-таки пустынные пейзажи меня увлекали, но саму пустыню недолюбливала, и я старалась использовать каждую возможность насладиться ими, пейзажами.

— Добрый день! Заказ будет подан через двадцать минут. Пить будете?

— Ааа? — выдала я, она на это утвердительно кивнула и ушла. — Что? — Шэн перевел на меня взгляд.

— Я ничего не заказала, — сказала отчего-то шёпотом и наклонившись к самому столику, словно выдавала великую тайну. Честно сказать, официантки, которые могут метать тесаки в стену, словно перечные ножики, меня довольно сильно нервируют.

— Каша с Янком, — безразлично пожал плечами мужчина, — Вкусно и питательно. А вот напитки здесь слишком своеобразны, не советую пробовать.

— Не очень-то и хотелось. Воды бы просто.

Я все еще сидела и рассматривала таверну, подмечая все новые и новые детали.

— Я скоро. Никуда не уходи. Сиди тихо и не привлекай внимания. Ясно?

— Ясно-понятно, — пробурчала, но мужчине было уже все равно, что я скажу.

Шэн просто встал и ушел! Кричать или догонять его я посчитала выше своего достоинства, вот так я осталась в одиночестве, в странной таверне под названием "Эйфория". Было бы смешно, если ли бы не так страшно. Через несколько минут в таверну начали подтягиваться посетители. Первыми и самыми примечательными были двое коренастых мужчин, которые разместились за соседним столом, стоящим прямо за моей спиной (можно подумать у них были варианты), но не это меня в них заинтересовало, а заинтересовал скорее довольно занятный разговор.

— Формий, ты уверен, что старый ключ вновь забил, — гнусавил первый.

— Вот те зуб! — шепелявил второй. — А еще там вырос оазис! Понимаешь, что это значит? Хранительница смогла вернуться! И столько восхищения было в голосе.

— Старый ты склеротик! Забыл, что эта стерва сделала? Посмотри на нас. Мы же, как крысы, сжираем сами себя и скоро подохнем совсем.

Я закатила глаза. «Мы все умрем!» — любимое выражения Сергея. А поскольку мой друг постоянно попадает впросак, автоматически все его предсказания считаются недействительными.

— Не-е, в этот раз будет все по-другому. Ставлю на кон свою шевелюру! — в этот раз я не сдержала любопытства и покосилась на оптимиста. И точно — лысый!

— За это надо выпить! — проговорил беззубый, который давал свой зуб.

— А мы не возражаем! — ответила ему до неприличия счастливая официантка, уже ставящая на стол в небольших глиняных кружках что-то шипящее.

Тесак по-прежнему торчал из стены.

Будучи голодной, словно медведь после спячки, съела и выпила все, что предложили и плевать, что Янк местная крыса, мне даже попался кусочек маленькой лапки с мелкими чёрными когтями.

Шэн говорил, чтобы я тут ничего не пила, вот только меня все еще знобило, а приятный охлаждающий чай замечательно помогал. Несколько раз пришлось просить добавки, пока полностью не утолила жажду и последнюю кружку с громким стуком не поставила на стол.

Раздавшийся стук словно сорвал заслон от некой двери, где прятался табор цыган. В роли табора была я, собственной скромной персоной. Мужчины за моей спиной уже затянули какую-то занудную песню. Я терпела, долго терпела, несколько раз сжевивая зевки в кулак.

— Уважаемые, а по веселее ничего нет? Может, танцевальное? — вальяжно положив локоть на стол, развернулась к посетителям. Обратилась именно к тем чей разговор подслушала. Остальные меня мало интересовали: чуть в стороне возле бара, сидела девушка с парнем, а еще тройка выпивох устроилась прямо на камнях, которые кто-то сложил возле входа.

Двое мужчин перестали завывать и удивленно уставились на меня.

— А музыка? — слегка заплетающимся языком спросила у них же. Я чувствовала себя на удивление легко и беззаботно. Они отставили в сторону напитки и удивленно осмотрелись. «У вас. У вас спрашиваю, милы-е-ее». Не ответили.

— Так ты нам сама спой. Мы подыграем. Правда, Тормий.

— И то правда, Формий!

И они вдвоем начали нескладно хлопать в ладоши и натянуто улыбаясь.

Слуха, надо сказать, у них не было. Зато у меня было все — и слух, и голос, и желание.

Хотела бы я на этом моменте сказать: «А дальше, как в тумане», но я все отчетливо помнила.

Началось всё с «Вдруг, как в сказке хлопнула дверь!...»

И эта песня оказалась пророческой. После того, как я забралась на сцену и начала петь, в таверне стало намного оживлённее. Во-первых, Тормий и Формий созвали людей с улицы, а кого не звали — пришли сами. Когда народ собрался у полуразвалившейся сцены, на которой произошёл мой дебют, жара шла во всю. Людям нравилось. Песочные платки внизу прыгали, кричали и танцевали в такт. На словах «В темно-синем лесу, где трепещут осины... 2» ко мне начал пробираться никто иной как Шэн. А поскольку я тщательно подражала герою Юрия Никулина и старательно размахивала ногами — а-ля канкан, ко мне он подобрался не сразу. Да что там? Я даже про больную ногу забыла. И несколько не удивилась тому факту, что как только у него получилось пробиться, он подлым приемом схватил меня со спины подмышки и начал стаскивать со сцены.

— Катя! Ты что творишь? Я сказал сидеть тихо и ничего не пить.

Я же не могла уйти со сцены просто так и всем своим двадцати почитателям старательно кричала:

— Ал би бег! Ал би бег! За что? У Шварценеггера получилось же вернуться, чем я хуже?

Прошло уже полчаса с момента, как мой концертный зал опустел и зрители разошлись. Некоторые на прощание хлопали меня по плечу или просто махали рукой. Все это время под недовольным взглядом карих глаз я давилась водой, плотно обхватив кружку ладонями и не отрывая от глиняного дна взгляд. Еще раз наиболее громко и жалобно всхлипнула и сделала большой глоток.

— Отпустило? — подал голос надзиратель.

— НЕТ! — буркнула, не глядя.

— Ясно. А я к ней торопился. Переживал! И что я вижу: оставленная мной девушка поет на сцене странные песни и фривольно, — он подчеркнул это слово, — фривольно танцует перед местными алкашами.

Оторвала взгляд от кружки и напоролась на недовольный взгляд Шэна, он сидел откинувшись на спинку стула, сложив на груди руки в замок. «Торопился?» — никогда бы не подумала, но сердечко приятно встрепенулось.

Я не нашла с ответом, и между нами воцарилась тишины, густая и тягучая. Формий и Тормий, где-то в одном с нами пространстве, продолжили банкет и поднимали кружки исключительно за благородные вещи — за мир, любовь, за будущую хранительницу и, как ни странно, за меня.

— Я знаю, где сейчас можно найти твоего приятеля, — спокойно произнес Шэн, — вздернула брови, — он в относительной безопасности и мы его вытащим.

Я просто кивнула.

— Это же не просто чай? — задала, наконец, интересующий меня вопрос, с Серегой разберемся чуть позже.

Шэн как-то устало вздохнул и поведал мне занимательную историю одного напитка, в честь которого и был назван этот трактир. Оказалось, что он состоит из корешков каких-то пустынных трав и костного порошка того самого несчастного Янка. Такой чай готовят только в этом месте по древней технологии, существовавшей еще до катастрофы. Раньше, когда мир был цветущим и полным жизни, этим напитком местные ведьмы восстанавливали

силы, а так же просматривали сущность человека. То есть я напилась местного наркотика, Bravo, Катя! Молодец! Шэн, увидев мою шокированную физиономию, поспешил заверить, что он относительно безвреден, просто дарит расслабление и раскрывает тайные помыслы и желания. Собственно, это я и показывала, отплясывая на сцене.

Видимо, мне стоит переосмыслить список своих внутренних ценностей.

Глава 10

Сытой желудок давил на мозг и заставлял того отдавать команды прочим органам на отдых.

Из-за стола в «Эйфории» я поднималась медленно, опираясь на столешницу, ноги держали с трудом. Я не чувствовала опьянения, лишь не понимание своего состояния и немного стыд.

Наконец, сделала шаг и оказалась в крепких мужских руках.

Шэн держал меня аккуратно, его губы были плотно сжаты, а на правом виске пульсировала синяя вена, выдавая крайнюю степень напряжения.

— Все хорошо, — прошептала ему и растянула губы в улыбке, отчего-то моя улыбка мужчине несколько не успокоила, и он ловко подхватил меня на руки вновь куда-то понес.

Неожиданно для самой себя я уснула, мы даже не успели пересечь порог таверны. Уснула, словно провалилась в кому. И в ней, в коме, мне виделись цветные ленты, они кружили надо мной, и я некоторые из них ловила и вновь отпускала, ловила, крутила в руках и отпускала. Станный сон...

— Нет, девочке надо приживить все оставшиеся листы и тогда она поправится. Понимаешь? — старушечий голос был хриплым и тихим, но именно он меня вытянул из сновидений.

— Я не уверен, надо ли это ей, — так же тихо говорил Шэн. — Она сегодня выпила Эйфорию и, понимаешь, она пела и танцевала...

Не уверена, но, кажется, в его голосе послышалась улыбка.

— Ой, мальчик мой, ты сам прекрасно знаешь, что отторгнуть дар не просто, да и нашему миру давно пора оживать. Может, это и есть наше спасение.

— Она не сможет, Клотиль. В хрониках все хранители были отмороженными стервами, у них не было ничего, кроме силы, расчёта, и их это устраивало.

— Да, Шэнли, и эта девочка изменится. Ты этого боишься?

Послышалось странное шуршание.

— Я ничего не боюсь, Кло, — раздалось ледяное.

— Вот и правильно! Таким как ты не стоит ничего чувствовать. Твой отец потерял все: сначала твою мать, затем тебя, а после и жизнь за то, на что не имел права. На любовь хранителя никто не имеет права, а она не имеет права любить.

— Я понял тебя, Кло.

— Надо скорее приживить остальные схемы и тогда ей станет легче.

— Да, понял я, — как-то недовольно проговорил мужчина.

— Кстати, Шэнли, — теперь голос старухи был игривым, — мои девочки тебя заждались. Предупредить Мари. Она часто о тебе спрашивает.

Мое сердце ухнуло, ну конечно! Клотиль. Отдых. Мужики. Мари. Девочки. Это бордель!

Хотела прыгнуть со своего места и вцепиться в волосы этой карге и этой — как ее? — Мари, но не могла пошевелить и пальцем. Отчего-то из всех действий получилось только начать громко дышать, словно загнанная лошадь и сжимать пальцами ткань, которая

попадалась под цепкие пальцы.

— Шэнли, — испуганно взвизгнула женщина. — Она что-то делает.

Я ничего не делала, но что-то происходило. Мое сознание словно раздвоилось. Я чувствовала скольжение в темноте, меня словно затягивало в темный тоннель.

— Шэнли! Они ко мне лезут. Шэнли!

Продолжала кричать Клотиль, ее голос срывался на кашель и визг.

А второе мое «Я» скользило уже совсем близко, рядом со мной и мое первое «Я» его чувствует.

— Кло, сзади.

Послышался грохот, словно что-то сломалось.

— Забирай ее, Шэн, и уходите отсюда!

Быстрый топот и удар дверью об косяк.

— Ну вот, что ты разошлась? — Шэн сел на край кровати, я почувствовала, как под его весом прогнулся матрац, и он осторожно взял мою ладонь в свою и легкими успокаивающими движениями начал разминать сведенные судорогой пальцы.

Это было приятно и я постепенно начала концентрировать свое внимание на этих легких движениях, и оба моих Я слились в одно. А точнее мое настоящее взяло верх над другим, которое провалилось в ту бездну, из которой выползло.

— Катя, ты со мной? — Шэн внимательно всматривался в мое лицо, у меня получилось приоткрыть глаза и улыбнуться.

— Да, — получилось хрипло, губы были сухими, словно успели обветриться за такой короткий срок.

— Катя, мы сейчас отсюда уйдем, но нам надо серьезно поговорить. Ты много услышала из нашего разговора?

Я отрицательно покачала головой. Нет, услышала-то я много, но, надеюсь, он мне все еще раз досконально пояснит.

— Что это было? — проговорила и попробовала пошевелиться. Получилось.

— Ты призвала по метке растения, и они набросились на Клотиль. Что ты такого услышала, что они сорвались именно на неё? — Шэн внимательно следил за моим лицом.

Ну почему он читает меня как раскрытую книгу? Я слегка поморщившись от неприятных ощущений, приподнялась на локтях и пробурчала;

— Что ты притащил меня в бордель и, что тебя зовут Шэнли.

Он нахмурился.

— Тебе не понравилось место или мое имя?

Нарочито безразлично пожала плечами и спустила ноги с кровати.

— Место, честно сказать, так себе, — наступила моя очередь хмуриться.

— А имя у тебя очень даже милое, мне нравится.

А про себя сказала «Шэнли», и эти пять букв, словно пузырьки шампанского, пробежали легкой щекоткой где-то под ребрами.

Шэнли почти молниеносно улыбнулся и выбежал из комнаты.

Куда это он? Мужчин вообще здесь нельзя от себя отпускать.

Я так напрягалась, что почувствовала, как каменеют плечи от напряжения. Он ушел уже несколько минут назад, а я так и не пошевелилась.

Неожиданно, словно из-под толщи воды, до меня донеслось.

— ... она изменится, только мир ее примет, — опять эта Клотиль.

— Она сказала, что ей нравится мое имя, — даже на мой взгляд, Шэнли ответил не в тему.

Кло как-то очень громко запыхтела.

— Я обещала твоей матери позаботиться о тебе.

— Мы уходим. Я хочу забрать вещи матери.

Несколько секунд тяжелой тишины и глухое Клотиль:

— Идем.

Звуки пропали, и я осталась с собой наедине. Мне надо было многое обдумать. Неужели все из-за этой книжки, что уже изрядно натерла мне под грудью. Надо найти сумку, чтобы ее там носить.

Сколько же информации для размышлений. Если предположить, что я и есть та самая хранительница и мне надо условно оживить этот мир, и я стану бессердечной, как утверждает Клотиль. Разве это реально? И тут я вспомнила, как от моей крови проросли в пустыне растения, как жуткая лиана меня чуть не утащила под воду. Сглотнула.

— Все хорошо? — Шэнли почти бегом ворвался в комнату, в руках он держал два небольших дорожных рюкзака. Легким ураганом промчался по периметру комнатки, бросая в один из рюкзаков какие-то мелочи с полка.

И тут я впервые осмотрелась. Комната была небольшой, стены оббиты чем-то наподобие вагонки, несколько деревянных полок, стол, табурет и деревянная кровать, покрытая цветным пледом, сплетенным из разноцветных лоскутков ткани, на котором я до сих пор сидела.

— Готова? — Шэнли подошел ко мне, я же смотрела на него широко распахнутыми глазами, словно видела впервые, он даже неловко передернул плечами и, не произнеся больше ни слова, легко подхватил меня на руки.

— Я могу сама...,- вставила, но он недовольно зашипел.

У него за спиной болтались оба рюкзака, а спереди удобно расположилась я. Наконец, позволив себе расслабить плечи и спину.

Мы вышли в узкий и длинный песчаный коридор, кое-где были установлены деревянные балки и виднелись небольшие сквозные окна.

В самом конце коридора я заметила женщину, если бы ее взгляд мог ранить, я бы была мертва. Она была худощавой, но статной, с черными, убранными в высокую прическу волосами.

Мы шли по коридору, а Клотиль, это была она, кинулась за нами, желая догнать. Я напряглась, но старалась не подавать вида, итак, своими эмоциями натворила делов.

Неожиданно из-за угла к нам наперерез выпорхнула симпатичная кареглазая девушка с распущенными, короткими волосами по плечи, на ней колыхалось полупрозрачное платье из органзы. Наверное, из органзы. Я не особо разбираюсь в тканях. Короче, у меня дома такая тюль висела на кухонном окне.

— Шэн, — выдохнула она, — я так скучала!

Шэнли бросил на нее быстрый взгляд и, не снижая скорости прошел мимо, проход был узким и, чтобы нам разминуться, пришлось повернуть меня к противоположной стене, а к девушке повернуться спиной, словно закрывая меня.

— Прости, Мари. Но... не жди больше, — все же успел он быстро проговорить, слегка повернув в ее сторону голову, при этом избегая моего взгляда.

— Дурак! — донеслось в спину уже от Клотиль.

А мы довольно быстро прошли по коридору и вышли на освещенную ярким солнцем улицу.

Глава 11

Состояние мое хоть и стало лучше, но ощущение, что я вот-вот разболеюсь гриппом не проходило. На Земле мы всегда говорили, что самая противная температура — 37,2. Собственно, сейчас я так себя и чувствовала.

Шэнли говорит, что все должно пройти после того, как мы вживим в меня листы из моей книжки. Вот только, как это сделать и надо ли это мне, он не говорил, а я и не спрашивала.

Мир вертелся вокруг меня и поворачивался разными сторонами, пугая и возбуждая некое предчувствие.

Шэнли на этот раз привел меня в небольшой палаточный лагерь, где нам выделили укромный уголок под небольшим навесом, с нами жила еще одна семья: супруги и трое ребятишек, она нас старательно игнорировали. Правда, изредка мать семейства бросала на меня быстрые, любопытные взгляды, при этом не давая смотреть на меня детям, притягивая их за макушку и пряча на своей широкой груди. На Шэнли и вовсе опасались смотреть, заворачивались в свои объемные, песочного цвета одежды и прятали лица.

Мы пробывали в лагере несколько дней, при этом мужчина постоянно куда-то уходил. По его словам, готовился к походу. Нам надо было выбираться из города и как можно скорее.

Сегодня я проснулась гораздо раньше обычного, первым делом бросив взгляд за спину, мы с Шэнли спали у противоположных стен, на расстоянии вытянутой руки друг от друга, уместившись на тонких циновках, положив под голову скрученные тюки с одеждой. От наших соседей нас отделяла тонкое серое полотно в проплешинах. Но сегодня Шэнли не оказалось на привычном месте и отчего-то это меня несказанно напугало, я принялась собирать вещи. Впрочем, небольшая холщовая сумка, закинута на плечо, и все, все вещи.

Он пришел ближе к полудню, местное Солнце уже стояло в зените, и воздух был максимально раскален, не вызывая ничего кроме удушения. Уже несколько минут я натужно гипнотизировала серую занавеску и чувствовала, что еще немного и не выдержу одиночества. Пойду искать сама.

Шэнли резким движением отбросил в сторону боковую ткань, игнорируя возмущенный вскрик наших соседей.

— Идем, — он быстро осмотрел меня и, удовлетворившись, что я полностью готова, скрылся из виду.

Я словно этого и ждала, спустя секунду уже стояла рядом и щурилась от яркого солнца.

Шэнли бросил на меня все такой же быстрый взгляд и двинулся в перед.

Ему вообще были свойственны быстрые и сразу бескомпромиссные решения. Наверное, он очень часто рубит с плеча, но, в случае Шэнли, это было его натурой, и не думаю, что он когда-либо сожалел о своих решениях.

— Ты уверена, что нам нужен твой Сергей? — спросил он не оборачиваясь.

Вот если бы повернулся и поинтересовался моей реакцией, увидел бы закаменевшее лицо и шокировано выпученные глаза. Я, значит, ждала его два дня, терпела странную сумасшедшую семейку, делила с ними, пардон, одно отхожее место, не мылась (ну тут я, конечно, губу раскатала).

— Это не обсуждается, — сухо проговорила, надеюсь, что прозвучало это достаточно холодно.

— Катя, у нас возникли некоторые проблемы. Обоз, который нам может помочь, ушел, а пешком бродить по пустыне не стоит.

Он говорил это всё холодно и глухо, а мне было тошно, что я сама ничего не могу, ничего не знаю.

— Ну, мы же что-нибудь придумаем? — я догнала его и торопливо пошла рядом, касаясь плеча.

Самое жаркое время дня царило на песочных улицах этого странного города, я шла, плечом к плечу, с малознакомым молодым мужчиной, которого недавно выкупила из рабства. У меня забрали лучшего друга, с которым мы перенеслись в другой мир, а еще меня все время терзает температура чуть больше 37 градусов, самая противная из всех. Про новую татуировку и странные способности вообще лучше не думать.

НО! Главная проблема — у нас нет транспорта, обоз-то ушел. Иронично пронеслось в голове.

Людей, где мы шли, было немного, видимо все прятались от жары или у них вновь было время развлечений. Казнь там какая, ярмарка рабов, ну или на худой конец...

— Что? — мои мысли прервала рука, взметнувшаяся перед моим носом.

— Слышишь? — Шэнли приостановил меня, аккуратно придерживая за плечо.

И действительно, прислушавшись, услышала глухой нарастающий шум, похожий на шум волн. Но откуда здесь волны?

— На площади что-то происходит, — спокойно проговорил Шэн, — народ волнуется.

— А-а-а..., — протянула я.

— Стой здесь, я проверю, что происходит и вернусь за тобой.

Он, подхватил меня за подмышки и оттащил в сторону, скрыв от посторонних глаз в небольшом закутке.

— Стой! — еще раз внушил и быстро скрылся из виду.

Я неловко помялась с ноги на ногу, растерла предплечье и принялась ждать.

Прошло около двадцати минут, а Шэнли так и не вернулся.

Осторожно выглянула из закутка — никого. Высунулась полностью, не было ни единой души. Что-то происходит, а я не в курсе. Отчего-то на душе возростала тревога. Кажется, у меня иссяк запас терпения за те дни, что я просидела в палатке. Пусть и ходить я особо не могла — пришлось зализывать раны. И я решилась.

Вышла, поправила на плече ремень от холщовой сумки, в которой надежно хранилась тонкая книжка и высохшие до состояния дерева кроссовки, ну и оставшиеся вещи. Гордо вздернула подбородок, немного досадуя, что платок остался у Шэнли, осторожно двинулась вперед, вдоль высоких песочных стен.

Неожиданно смутная тень мелькнула на периферии внимания, затем еще одна. Моя спина автоматически стала еще прямее. За мной следят!

Я шла не останавливаясь, впереди уже мелькали спины местных жителей. Они стояли в конце узкого прохода, некоторые сидели на самом верху, ветхие пристройки в виде строительных лесов легко их удерживали, конечно, в основном это были подростки, но и парочку возростных верхолазов я тоже заметила.

Первая, вторая, третья! Три фигуры в оборванных одеждах мелькнули со стороны, но теперь я их разглядела, и на сердце разлилась прохлада, успокаивая нервы.

Приметив перед собой небольшую колонну из какого-то барахла, ловко скрылась за ней.

— О, куда она делась?

— Только же была здесь.

— Филимон! — услышав, недовольно поджала губы. И когда эта троица поравнялась с колонной, быстро выпрыгнула и перегородила этим паразитам дорогу.

— Чего надо? — недобро двинулась на них, уперев руки в бока.

— Хозяйка, — протянул Филимон, видимо, он в этой банде разгильдяев был главным.

— Зачем идете за мной?

Быстро схватила гада за рукав и оттащила в сторону, двое других послушно последовали следом.

Мужички были ниже меня ростом почти на пол головы, и я не боялась, что они мне навредят.

Знала, что не смогут. Да и никто им не позволит. На мое возбужденное состояние уже давно среагировало мое второе "Я", те самые смертоносные лианы, пробивали себе путь в рыхлом песке под нашими ногами, выписывая длинными телами немые узоры.

— Хозяйка, ты должна заботиться о нас. Ты же нас купила. Мы теперь полностью в твоей власти и твои рабы.

Они втроем, не сговариваясь, плюхнулись передо мной на колени и наклонились.

Я лишь громко фыркнула и закатила глаза. Надоели!

— Ну, что ж. Тогда я своей милостью, — начала довольно пафосно, ориентируясь на ситуацию, но горло слегка осипло, и пришлось покашлять и проговорить уже спокойно: — дарую вам свободу, рабы мои!

Моей широкой улыбке они не обрадовались, лишь нахмурились и недоуменно переглянулись, когда от их тел отсоединилась легкая песчаная дымка и, устремившись ко мне, осела на моей протянутой ладони, которую по наитию вытянула перед собой. Чувство словно кто-то прыснул порцию духов на кожу и они тут же испарились, при этом оставляя за собой ароматный шлейф. М-да! Вот тебе и магия!

— Ну вот! — вздохнул Филимон, и они дружно поднялись на ноги. — Злая вы! И мы от вас уходим.

Я еще шире улыбнулась им в спину и помахала рукой, жаль, они этого уже не видели. И, соответственно, не оценили.

Меня же влек шум толпы и я направилась в сторону площади. Я здесь уже была в первый свой день. Если свернуть за дальний поворот, можно увидеть клетки с живым товаром, а там и палаточный офис работоторговца Ленара Загадочного. Иного выхода я не видела, придется идти туда. Да и полагаться на сильного, уверенного в себе мужчину — одно, а стараться вести себя разумно и самостоятельно — другое.

Надеюсь и Шэнли будет там.

Подходить близко не решилась, да мне и так все было видно. Слегка потолкалась локтями с самыми нелюбопытными зрителиями, стоявшими не в общей массе, а чуть в отдалении, и нашла не приметное место для дислокации. Что-то происходило, и мне было интересно, что именно.

Толпа громко аплодировала и скандировала «Ура!!!»

— Не верится, да?! — вздохнула рядом стоявшая девушка, восторжено сложив руки на груди в кулачки и прижав к солнечному сплетению.

— А что случилось? — осторожно уточнила, смотря на восхищенные глаза молодой девушки.

— Так все знают! Разросся оазис на месте старого города. Там, за стеной. Еще

несколько дней назад был лишь песок.

Я кое-как удержала улыбку на лице, но уголки губ нервно дернулись.

— И что? — надеюсь, поучилось спросить беззаботно.

— Это же первый признак возвращения хранительницы. И знаешь, что..., — шепотом добавила она, подойдя ко мне ближе.

— Что? — я тоже наклонилась к ней, замороженная загадочностью ситуации.

— Она здесь, глупая! — засмеялась она, толкнув меня в плечо маленьким грязным кулачком. — Сама посмотри. Такая красивая. Сразу видно кровь. Эх...

Девушка показала рукой на площадь с таким видом, словно ей удалась хорошая шутка.

В центре площади, окруженная людьми, стояла красивая девушка, в смоляных волосах блеснул золотой королевский обруч, лисьи глаза с лукавым блеском сканировали взглядом толпу, на алых губах застыла усмешка. Ее тело едва ли было скрыто двумя шелковыми полотнищами, которые были скреплены между собой только на ключицах и на талии широкими коричневыми лентами. Обнаженная кожа была полностью покрыта татуировками... У меня такая была, одна, на спине, а у нее... Я сглотнула густую слюну. У нее все тело было разрисовано.

Хранительница! А я?

Глава 12

Немного отойдя в сторону от своего информатора, девушка уже не обращала на меня внимания, а я, привстав на цыпочки, продолжила наблюдать за происходящим на площади.

Народ возбужденно роптал. Прошла вперед, осторожно пролезла между двух пышущих ароматом мужчин, с досадой отметив, что пришлось плотно с ними соприкоснуться. Но я держала себя в руках до определенного момента. В конце концов, чем меня могут шокировать немытые, потные, грязные мужики, один из которых вроде как невзначай прошелся ладошкой по моей пятой точке, а когда подняла на него возмущенный взгляд, раздвинул губы в широкой беззубой улыбке и поиграл кустистыми бровями. Я даже на секунду зависла от такой наглости и уже было решила принять меры, открыла рот для возмущения, и тут мой взгляд вернулся к его улыбке и зацепился за темную дыру между желтых зубов на верхнем ряду и торчащий кусок какой-то зеленой травы между зубов нижнего ряда.

Да ну его в баню! Потрогал, ну и пусть, на здоровье! Я же ловко нырнула вниз и постаралась как можно дальше удрать от столь «обходительного» мужчины.

Получилось встать чуть в стороне, в третьем ряду и на приличном расстоянии. Думаю, конспирация удалась.

Ленар на площади что-то восторженно втолковывал хранительнице, та с легким налетом одолжения утвердительно кивала и не прекращала улыбаться.

— Нет! — раздался отдаленно знакомый голос в толпе.

И к хранительнице, выбежала Роза, упав перед ней на колени, та самая Роза, которая забрала себе Орлова. Сегодня она была облачена в неплохой, по сути, наряд: шелковый легко струящийся по пышным, словно пики на взбитых сливках, формам, с полностью обнаженной спиной, на тонких бретельках, вот только одно НО! — это был фривольного вида пеньюар. Впрочем, чему я удивляюсь: здесь у каждого первого проблемы с гардеробом.

Интуиция приняла позу: «Внимание! Происходит какая-то хрень!»

— Я все отдала... За что...

В общем, я плохо слышала, какие мысли эта «очаровательная нимфа» в шелковом

неглиже пыталась донести до черноволосой красотки, но когда вывели скованного по рукам и с поникшей головой Сергея догадалась, что интуиция моя не ошиблась, в кое том веке.

- #####! — выдала нечаянно и привлекла внимание близстоящих граждан.

— Простите! — буркнула и принялась дальше наблюдать за происходящим.

Хранительница стоически проигнорировала басовитые рыдания Розы и медленно подошла к Сергею. Тот, конечно, кремень даже не дернулся, когда она медленно наклонилась к его уху и что-то ему прошептала. И вроде на лице ее играла добродушие, а на губах поселилась нежная улыбка, вот только я едва не взвыла от отчаяния, как и Розочка.

Хранительница игриво подцепила указательным пальцем наручники и подтянула Серегу к себе, к нему тут же подбежала пара крепких мужиков с красными чалмами на голове и в длинных халатах, застегнутых на мелкие пуговицы.

Что происходит? Осмотрелась вокруг: люди испытывали приятное возбуждение, и, если я выбегу в центр и попытаюсь отбить друга, меня скрутят первой.

Серега, почувствовав мой пристальный взгляд, почти незаметно приподнял голову. Он вычленил мою бестолково стоящую фигуру среди толпы и внимательно осмотрел. Убедившись, что — да — я цела, вновь смиренно опустил голову.

Я же словно навела фокус на объективе, не видела сейчас ничего кроме напряженных плеч, вздутых вен на висках, упрямо сжатых губ и нервно дернувшейся щеки.

Пронеслось паническое в голове: «Мне нужен Шэнли!»

А представление все не прекращалось, актеры не желали покидать сцену и выходить из света софитов — теперь играл свою роль Ленар.

Он что-то торжественно проговорил. Я опять плохо расслышала... Было про «дар... подлог... аферу...».

В моей голове загудело, словно там заработала неисправная трансформаторная будка, когда Ленар сделал резкий шаг вперед, припав перед красоткой на одно колено, вытянул перед собой на уже знакомой мне бархатной подушке с одной нелепой кисточкой на углу мою СТРАНИЦУ из моей КНИГИ.

Хранительница что-то сказала, засмеялась и, оглядываясь вокруг, намекая, мол, что после слова «лопата» нужно смеяться всем и люди засмеялись.

Я сделала шаг назад.

— Итак! Проходимца, который выдавал себя за хранителя, надо поймать и сдать мне лично! — теперь слова хранительницы слышались отчетливо, она брезгливо, кончиками указательного и большого пальца, подняла сверкающий золотом на солнце лист и показала всем вокруг. — Сдать! Поймать! Псевдо-хранительницу! Казнить! Отдать жрецам!

Медленно пятилась сквозь плотную толпу, спиной пробивая себе путь, иногда наступая кому-то на ноги — извинялась, видела, как Серега едва удерживает себя на месте, но он выдержал, а значит, и я смогу.

Наконец, не почувствовав сопротивления, развернулась и сорвалась на бег. Сердце бомбило грудную клетку, дыхание сперло и я не сразу заметила, когда передо мной выросла высокая худая фигура, и поймала меня за предплечье.

— Шэнли! — облегченно выдохнула я, подняв на него взгляд.

Мы стояли чуть в стороне ото всех, по крайней мере, здесь мы мало привлекали внимание.

— Там... — пролепетала я, ловля на себе его встревоженный взгляд, который почти физически ощущивал каждый сантиметр моего лица, внимательно вглядывался в налитые

слезами глаза, а затем остановился на губах.

— Я все знаю... — прошептал он и поцеловал. Прямо так, в губы.

Я не сразу среагировала, все-таки слишком разные эмоции были намешаны.

Только Шэнли целовал страстно, глубоко, не давая шанса отступить, бескомпромиссно захватывая и подавляя.

Когда он поделился со мной леденцом, я была на эмоциональном пике и эта игра с легкой перчинкой мне понравилась, даже слегка улыбнулась. Конфета была ягодная, но тем не менее чуть жгла язык. Такого пикантного поцелуя у меня еще никогда не было.

Когда конфета лопнула, и жидкая начинка разлилась во рту, Шэн прервал поцелуй, а я спустя пару секунд не смогла шевелить ничем, кроме как просто глупо и тупо моргать и шевелить глазами. Этот собачий сын меня опоил парализующим зельем. Чертов змей!

— Ну что, моя сладенькая, — он легко дотронулся до моих губ, а затем нежно провел большим пальцем по щеке, стирая задержавшуюся там слезинку.

Я же пыталась прожечь в нем дыру, желательно размером с баскетбольный мяч, но — увы — не получилось.

Мне перестал подчиняться даже собственный язык, не то что сверхестественные подземные лианы, которые были где-то рядом, но ничем помочь не могли.

Шэнли еще несколько тяжелых секунд меня рассматривал, а затем, решившись, сделал глубокий вдох и приказал:

— Идешь на площадь, следом за мной. Надо поприветствовать новую Хранительницу!

Больше не обращая на меня внимания, он сделал шаг в сторону площади, и я, к моему великому ужасу, последовала за ним.

Глава 13

Шла с таким чувством, словно нахожусь под шквальным перекрестным огнем. И, главное, не могу ни голову в плечи вжать от страха, ни гордо вздернуть подбородок. Толпа замерла и молчала, следила за каждым моим шагом в гробовой тишине.

Хранительница с довольной улыбкой и масляным блеском в глазах осматривала Шэнли, гада такого, — попадись мне только, мерзавец. На меня же она бросила быстрый нечитаемый взгляд и вновь вернула все свое внимание моему конвоиру. Сам же Шэнли не проявлял никаких эмоций, правда, я могла наблюдать за ним только со стороны, тем не менее все было не понятно. Почему у него такое лицо, как у Шварценеггера во всех частях терминатора.

— Я рада, что именно ты принял мое предложение, — черноволосая одним плавным движением, словно пересекла пространство за один шаг, переместилась к мужчине. — Стоило ли до этого играть в гордость.

— Стань там! — низко и хрипло указал мне место предатель, хорошо, что рядом с Орловым.

Я безвольной марионеткой двинулась к Сереге, стала рядом так, что мы соприкоснулись плечами. И от этого тактильного ощущения стало чуть легче, не так стало жечь разочарование в груди, и не так больно смотреть как Хранительница вьется вокруг моего каменного Шэнли.

— Подруга, я раскусил твой хитрый план, — наклонился ко мне Серега, пользуясь тем, что на нас не смотрят.

«Какой?» — спросила бы я, если бы могла, но получилось лишь пошевелить глазами.

— Ты сдалась, чтобы быть рядом со мной, — Серега громко вздохнул, — польщен.

Весьма польщен.

Наверное, хорошо, что я не могла шевелиться — хоть кому-то эта ситуация прибавила оптимизма.

— ... мы с тобой чуть позднее все обсудим, — Хранительница произнесла это таким тоном, при этом ее грудь колыхнулась, задев предплечье Шэнли, что в моем воображении сразу возникли разнообразные позы для проведения переговоров между этими двумя. Р-р-р-р... Ненавижу это чувство — быть на вторых ролях, преданной. Он с такой заботой помогал мне... Неужели это все было притворство.

Ловко откинула струящиеся черные волосы назад, Хранительница подошла ко мне. Ее быстрые пальчики пробежались по моим плечам, предплечьям, по руке и замерли на сумке, в которой была моя книга. Женщина также, едва касаясь ткани, было сунула руку в сумку, но книга огрызнулась, ударив ее небольшим разрядом — ее рука замерла напротив.

И тут она, наконец, сподобилась посмотреть мне в лицо. Хранительница была чуть ниже меня и смотрела снизу вверх, своими глазами непонятного цвета, бледно-розового, малинового? Не разобрать. Смотрела торжествующе. Словно одержала победу в непонятной для меня войне. А что могла ей противопоставить я? Безразличие? И я его предоставила, когда перевела взгляд поверх ее плеча на молчаливого Шэнли. Правда, успела заметить как возбужденно пульсирует ее зрачок, словно отбивая непонятный ритм.

— Дорогие, это, действительно, то, о чем я вам говорила, — довольно неожиданно и сразу громко она обратилась к молчавшей до этого момента толпе. — Лжехранительница поглотила силы нашего мира, но сейчас баланс будет восстановлен, силы вернуться...

В общем и целом, бла...бла...бла... очередного политика. Особо слушать мне ее не хотелось, да и книга начала подавать признаки жизни — пульсировать, я бедром чувствовала нарастающую энергию, но ничего не могла с этим поделать, руки как висели плетью, так и продолжали висеть. А энергия в книге все больше пульсировала с того самого момента, когда эта дама протянула свои загребущие руки к чужой собственности. Пульсация нарастала, превращаясь в жар, опаляя меня.

Фух... как возле открытого огня. Когда получилось оторваться от внутренних переживаний, осмотрелась: кажется, никто кроме меня ничего не чувствует. По-прежнему слышны пыхтение Сереги за спиной и судорожные всхлипы Розочки, стоящей на коленях, словно суслик среди степи, она неотрывно следила за плавными перемещениями Хранительницы по арене; восторженно вззирающие на все это зрители; Шэнли также следил за передвижениями хрупкой полуобнаженной фигуры, с полным безразличием ко всему. Одна я тут что-то чувствую, но ничего сделать не могу.

Пульсирующий жар обхватил мое тело, становилось дурно, слегка помутнело перед глазами — я чуть покачнулась, но устояла, в ушахросло непонятное жужжание и стрекот, словно толпы насекомых окружили меня. А потом, на грани восприятия — пум! — и все прекратилось. По телу прошла волна облегчения, сменяя привычной дурнотой.

Приоткрыла глаза — никто ничего и не заметил. Книга затихла. Хранительница уже успела обойти всю трибуну и остановилась передо мной, заслоняя весь вид. Мне осталось только любоваться на ее обнаженную спину всю в светящихся татуировках, почти как у меня лиана.

Неожиданно до меня донесся писк, почти такой же, как я слышала совсем недавно, — перед носом крутанулось маленькое насекомое, ну точь-в-точь комар.

Странно, до этого в этом мире мне не попадались вообще никакие мелкие твари, ни

тараканы, ни мухи...

Книга! Вот что это было, она пробудила мелких гадов! Но это не точно.

Комар чуть покружил передо мной, покрасовался. Никогда я еще не восторгалась комарами, но этот был милым и каким-то родным, земным.

Комар же, тем временем, прямехонько направился к новой Хранительнице. И сел на ее голую спину — сделал кусь! Женщина вздрогнула и рефлекторно хлопнула себя по обнаженной лопатке. Провела рукой. Комар же с торжественным писком, пролетел у нее над ухом и быстро скрылся из виду. Хранительница медленно убрала пальцы и посмотрела на ладонь. Я видела как напряглась ее спина и как она бросила быстрый взгляд на стражей, те кинулись к ней.

Что произошло до меня дошло не сразу. Возможно, я просто не ожидала такого. Ее татуировки оказались фикцией, она шлепком размазала краску на лопатке. Вот это новость!

Сереге это тоже заметил — до меня донесся его довольный хмык.

Стража быстро накинула на Хранительницу легкое покрывало и, словно фарфоровую куклу — так бережно, увела куда-то в сторону.

Слово взял Ленар, ему предстояло с должной торжественностью завершить представление, с позором увести пленников, то есть меня и Серегу, собственно, сделать примерно то, что он делает каждый день на своем невольничьем рынке.

— А как же я? — тут взвыла Розочка и упала ниц на землю, подняв небольшую тучку пыли.

— Дитя, — Ленар продолжил играть роль порядочного спасителя народа, — я обговорю это с ее Высочеством Хранительницей. Не убивайся так!

Розочка решила смириться, когда нас уже уводили, толпа начала расходиться, а Ленар принял крайнюю меру — пустил слезу. Роза встала, поплевала песок, вытерла рот краем своего одеяния и ткнула пальцем в направлении Сереге — тот аж дернулся.

— Я спасу тебя, любимый!

— Упаси, Боже! — пробормотал Орлов, и мы скрылись с арены.

Глава 14

Нас не стали пытаться, мучить, требовать чего-либо, просто отвели в небольшой шатер, который располагался на небольшой, сбитой из досок и укрытой тканью, очень похожей на палаточную, платформе.

Три больших ступени и мы вошли в сумрачное помещение. Когда я говорю — мы, имею в виду меня и Серезку Орлова. Шэнли покинул нас еще на арене, ушел почти сразу после Хранительницы, а меня отпустил паралич. Расчитал гад время действия!

Здесь было довольно свободно, на полу лежали примитивные тканые пледы, в торце стояло несколько ящиков. Они были накрыты крышками и сверху укрыты мешковиной, а я хоть уже и пришла немного в себя чувствовала жуткую слабость, которую нельзя было просто так с себя скинуть, несмотря на присущее мне любопытство решила, что проверю все позже.

Сергей же и не пытался что-либо предпринять. Он сразу с обреченным видом плюхнулся на пол, найдя опору в виде одного из ящиков и прикрыл глаза.

— Что с тобой было? — не выдержала, очень меня смутил уставший вид друга. — Надеюсь, ты там не женился без меня? Выглядишь словно на тебе пахали.

Я хихикнула и добавила: — Ночами.

— Меня старательно к этому склоняли, но я держался, — наконец, в уголках губ у друга

мелькнула улыбка. — Лучше тебе этого не знать. Маленькая еще.

Я фыркнула. Подумаешь, страсти какие.

Устало подползла к Сереге и села рядом, положив тяжелую голову к нему на плечо, мир вокруг меня вращался в буквальном смысле.

— Ну хоть не насиловали, — с улыбкой проговорила, закрыв глаза.

— Там не все так плохо было, Кать, — хохотнул он и тут же встрепенулся, когда моя безвольная голова плюхнулась ему на колени, соскользнув с плеча.

— Кать? Что с тобой?

Я все прекрасно слышала и понимала, но ничего не могла предпринять, и сама не понимала, что со мной случилось. Нормально сидела, разговаривала, тут — бац! — и ни рыба ни мясо.

— Блин, — протянул он, укладывая меня поудобней. — Только ты можешь заболеть попав в другой мир. — Я, конечно, не читал про девчат-попаданок, но у мужчин такого не было. Слышь, это не по сценарию — болеть. Если у тебя простое ОРВИ — я лично тебя отлуплю, просто из-за банальности.

У меня получилось улыбнуться. Сквозь веки видела, как суетился Сергей, проверяя все ящики, что тут стояли, как он приставал к сторожам, которые, оказываются, стояли у входа.

— Да что с тобой? — шептал он.

Мои губы сохли, и все что я могла делать — иногда выдавливать из себя слабую улыбку и облизывать их сухим языком.

Сергей поднял мои руки и принялся рассматривать сухую кожу на ладонях.

— Ты словно мумифицируешься, — прошептал он.

Несколько секунд он внимательно рассматривал мой указательный палец, затем попытался подцепить отслоившуюся кожицу.

— Ай-с-с-с...

Выдрала руку и спрятала в пледе, на котором все это время лежала. Шевелится особо не хотелось, любое движение отнимало слишком много сил.

— Катюня, надо что-то делать. Прошли сутки, а тебе все хуже...

Серега еще что-то говорил, а я переваривала — «сутки». Кажется, что мы здесь не так давно. Каких-то несколько часов назад покинули арену, прошли по серому, утоптанному тысячами ног, песку, прошли сквозь небольшой лагерь, который разбила свита Хранительницы; затем нас внимательно осматривают стражи; я чувствую, как онемение, начиная с подушечек пальцев заканчивая языком, спадает. Большой шатер, Сергей... Прошли сутки... Это плохо... Я не контролирую свое состояние, куда-то потерялись несколько часов из моего восприятия.

Сергей попытался вновь выглянуть наружу, но его тут же загнали назад, пригрозив острыми пиками копьев.

Прошло еще некоторое время, себе я перестала доверять во времяисчисление, но, кажется, на улице начало темнеть и поднялся какой-то довольно стройный рабочий шум. Сергей утомленный нервным напряжением крепко спал, чуть в стороне.

После последней вылазки Орлова занавесь, которая закрывала выход, была задернута неплотно и мне показалось, что я увидела силуэт Шэнли. Он настолько быстро промелькнул, что мне могло показаться. Но, в любом случае, по его вине я здесь. Предал. Воспоминания всплыли, и уже привычная горечь окутала что-то в районе солнечного сплетения.

Попробовала подняться, получилось. Правда, дрожащие руки, на которых я держала

свой вес, продержались недолго, и я с глухим стуком плюхнулась обратно на колючий плед. «Запрягай! На рассвете выезжаем! Чтобы все было готово» — доносилось с улицы.

Я не выдержала и начала продвигаться в сторону щели у входа. Было тяжело: кожа, которую я задевала, лопалась и кровоточила. Но вижу цель — ползу к ней.

Сколько можно лежать и страдать. Помощи ждать неоткуда. Возможно, пока сумерки и суета, стоит попробовать поискать путь побега. Бросила быстрый взгляд на Сергея. Нет, пусть пока спит. Он слишком шумный.

Люди работали: сворачивали палатки, ковры, скручивали длинные доски — каркасы палаток, подгоняли телеги. И тут меня ждал еще один сюрприз. Здесь не было лошадей. Да, что там лошадей, это же пустыня! Здесь не было верблюдов, привычных кораблей пустыни в моем мире. Стояли, переминаясь на маленьких ножках, наверное — эм — нет, не тараканы — мокрицы. Только такие пустынные, полностью закованные в броню — пустынные мокрицы. Цвета панцирей варьировались от темно-коричневого до зеленого. Сглотнула сухим горлом и перевела взгляд — не думаю, что на этом стоит акцентировать основное внимание. Седел на них не было. Значит, верхом на них не ездят, впрягают в телеги.

Наш шатер дернулся, я молниеносно откинулась на спину от прохода, прижав руки к полу, пытаясь притвориться блинчиком и слиться с плоской поверхностью. Сердце очень громко стучало, кажется, его слышат все, хотя, даже Серега от движения лишь недовольно нахмурил нос, но тут же, причмокнув губами, всхрапнул и продолжил путешествие по царству Морфея. Вот же сон у человека! Никто не собирался к нам запрыгивать — м-да, никому мы не нужны. Несколько человек прошли мимо, громко говоря на рабочие темы: как, куда и что укладывать.

Наш шалаш еще немного потрепало. До меня донеслось громкое: «Готово!» и вновь возникла тишина.

Досчитав до тридцати, высунулась наружу. Теперь были видны лишь силуэты и небольшие очаги огня, кое-где огоньки двигались, факелы. Шла масштабная подготовка. Стража так же стояла возле входа, иногда о чем-то друг с другом тихо переговариваясь.

Сколько я так смотрела. Кажется, уже скоро и рассвет, все четче стали видны силуэты, небо становилось не таким звездным, а на меня постепенно накатывало чувство безысходности.

Ее я заметила не сразу, а когда мой взгляд зацепился за массивную фигуру официантки из «Эйфории», уже не выпускала ее из виду.

Она шла, широко виляя бедрами, за ней несколько субтильных мужчин тащили подносы с кувшинами и едой. Женщина на ходу успевала раздавать указания, показывая руками то в одну, то в другую сторону и мужички разбегались по ее указке. Когда она свернула, пропала из поля обзора, я едва сдержалась от расстроенного стога. Мне надо за что-то цепляться в этой реальности. Фигура официантки казалась мне наилучшим вариантом. Возникла не обоснованная надежда, что получится попросить ее о помощи.

— Уважаемые, отведайте нашего местного чая перед дорогой.

Раздалось совсем близко и чуть в стороне. Я, к сожалению, этого тоже не видела, зато как ринулись мои стражи в ту сторону догадалась по довольному пыхтению и шелесту ткани, а затем заметила, как темная тень лихо выскочила из-под левого борта нашего шалаша и прошмыгнула в проем, ловко перепрыгнув через мое замершее у входа тельце. Нежданный гость быстро осмотрел окружающее пространство, внимательно посмотрел на меня, особенно ощутила чужой взгляд на своем лице, отчего-то почувствовав стыд. Ведь я знала,

как я сейчас выгляжу. Как...как... Как будто после желтого пилинга на третий день. Слава Богу, меня недолго рассматривали, переключили свое внимание на самого безмятежного человека в этом мире, на Орлова Сергея.

— Идиот! — легкий пинок в ногу, и друг уже сидит, жмурит сонные глаза, пытаюсь сфокусировать взгляд. — Почему хранительница в таком состоянии?

Гостья, теперь я видела, что это именно девушка, вновь посмотрела на меня.

— Вы сами нас здесь бросили, — Сергей недовольно поднялся на ноги и принялся отряхивать брюки от налипшего мусора.

Я продолжала наблюдать. На меня особо не обращали внимания. Девушка быстро раскрутила платок, за которым скрывалось молодое узкое лицо девчонки-подростка. Я видела, как зло сверкают ее глаза при взгляде на моего друга, но больше вслух она ничего не произносила, хотя мне казалось, ей есть что сказать.

Орлов не проявлял беспокойства и других негативных эмоций, и я решила не напрягаться, просто пассивно наблюдала за нашей гостьей. Она сначала сбросила деревянную крышку с ящичков, в которых раньше Серега нашел два литровых кувшина с водой, но от них остались только печальные воспоминания. Так что про воду я уже даже не думала. Зачем себя дразнить? Да и приняла мысль, что напиться вдоволь мне не суждено, даже если начну иссыхать до состояния мумии.

Меня никто трогать и тревожить не собирался и я набравшись смелости, чтобы перетерпеть боль от движений, села около входа. Принялась внимательно наблюдать за деятельной девушкой, а так же бросать на улицу быстрые взгляды, стараясь контролировать ситуацию и там. Стражи так и не вернулись на свой пост. За нашим шатром что-то, пока еще неуловимо, но менялось. Возможно, дело было в атмосфере. Народ до этого сосредоточенно упаковывавший вещи стал более расслабленным, стали доноситься, пока еще редкие, вспышки смеха, разговоры становились громче и раскрепощенней.

Не знаю, как я собиралась бежать, сейчас я понимала, что жутко ослабла и все силы уходили только на то, чтобы держать спину прямо и не завалиться на пол.

— Какая же ты бестолочь... — тихое шипение и девичий голос отвлек меня от борьбы с собственным телом.

— А что такое? — справедливо возмутился Сергей.

— Ты посмотри на нее, — девчуля некультурно тыкнула в мою сторону пальцем, — она еле сидит. Ей не хватает физического резерва, мир тянет с нее ее же жизненные силы напрямую, пока не аккумулятивана энергия и не настроены потоки.

— Да вы даже воды нам не смогли предоставить. Два литровых кувшина, — обличительно ткнул пальцем Орлов в сторону девушки.

«Так их, дружище!» — мысленно поддержала справедливые возмущения друга, а сама мотала на ус, наконец, более-менее понятную информацию про мое состояние. Все таки не ОРВИ. Если связать весь клубок информации про энергию этого мира, получается, что она не стабильна и зависит от одного человека — хранителя. В данный момент так «повезло» мне. То есть мне надо как-то апгрейдиться, чтобы мой хрупкий человеческий организм смог с ней, энергией, справиться, пока у него это получается плохо. Придя к такому выводу, устало прикрыла глаза. А когда открыла вновь, увидела устремленный в мою сторону перст, правда теперь это был перст Сергея.

— Посмотри на нее..., — он махал в мою сторону пальцем.

— Эй, вообще-то я вас прекрасно слышу, — как-то жестко и сипло проговорила,

помахав рукой.

Девушка тут же востепенелась и повернулась в мою сторону, приложила ладонь на уровне солнечного сплетения и поклонилась.

— Хранительница! Прошу прощения, очень сильно меня поглотили эмоции. Я — Ева. И я пришла вам помочь.

— Что ты хочешь, Ева? — я выдавливала каждое слово и, надо сказать, успешно — мой голос звучал не так безнадежно.

Она распрямилась, бросила недовольный взгляд и вернулась к разбору коробок. Она умудрялась отделять доски друг друга при этом пытаясь что-то мне рассказывать. В общем, она жаловалась на Орлова, при этом умудрялась параллельно ругать его.

— Ты чем слушал? Каким местом? — тут она бросила на меня взгляд, — Ему были даны простые инструкции, р-р-ребенок бы справился.

Она откинула из-под раскуроченного ящика тряпку и достала глиняный кувшин... один, второй, третий... Четвертый она впихнула в руки шокированного Орлова.

— А ты, видимо, переживал как бы тебе от Розочки избавиться и не нахлебаться чего лишнего. Дай хранительнице.

Лицо Орлова надо было видеть, когда он шел, прижав кувшин к своей груди. Бери и пиши картину.

Пока Ева разбирала второй ящик, Серега присел передо мной на колени и осторожно, придерживая голову, помог напиться. Это была какая-то особенная вода, с легкой кислинкой. Но уже после нескольких глотков мне стало легче.

Орлов, словно провинившийся щенок, боялся смотреть мне в глаза.

— Прости, Катюш. Я накосячил, — наконец, он рискнул и посмотрел в мое лицо, а я улыбнулась. Вот почему-то не удивлена.

— Ничего..., — проговорила, хотелось еще потрепать его по макушке, но я предпочла не тратить на такую ерунду силы, решила просто забрать кувшин с приятной жидкостью и напиться вдоволь.

Тут ко мне подоспела Ева, она одним взглядом отогнала от меня друга — тот отлетел от нас сразу на приличное расстояние. Я хмыкнула, поймав взгляд девушки.

В руке она держала небольшой горшочек, сверху, вместо крышки, он был закрыт плотной промасленной бумагой.

— Сейчас помажу, и кожа быстро восстановится.

Я сделала еще один большой глоток из кувшина и утвердительно кивнула. Девушка принялась шустро обрабатывать полупрозрачной гелеобразной массой мои руки. Коже, казалось, только этого и не хватало, корочка сразу становилась мягче, проходил зуд и стянутость. Позволила нанести средство на лицо, шею, все видимые участки кожи: все те места, что соприкасаются с воздухом, под одеждой кожа тоже была обезвожена, но почти не беспокоила.

Сергей сидел в стороне и страдал. Горемычный.

Вдруг наш шатер дернулся и резко тронулся с места, от неожиданности выронила кувшин, и он под наклоном укатился к противоположному бортику.

Мы набирали скорость, было слышно, как вращаются колеса. Странно, что я раньше их не заметила. Правда, я особо и не приглядывалась.

Испуганно уставилась в лицо сидящей напротив девушки.

— Что происходит? — шокировано выдавала я.

— Вас похищают, Хранительница, — губы девушки растянулись в лучезарной улыбке.

Глава 15

Наша повозка тряслась по песочным просторам уже несколько часов. Я допивала третий кувшин кислой воды. Сама себе напоминала бочку, тем не менее мне было хорошо. Силы прибавились, я начала ощущать лианы, которые были от меня скрыты. Мое тело было на грани истощения, я физически не могла поддерживать ментальную связь с этими ребятами.

Но сейчас то все шикарно.

Меня похитили!

Мы по-прежнему были втроем. Ева и Сергей сидели по разным углам, словно два борца, бросали друг на друга недовольные взгляды. Но их странные отношения меня совершенно не касались.

Через силу сделала еще один глоток. Кажется, что вода скоро польется из ушей, но я никак не могла напиться. Такое чувство, что рыбки соленой наелась. Эх, поесть бы. Бросила тоскливый взгляд за пределы нашей повозки. Менять место дислокации мне не захотелось, так и сидела у задней стенки, упрямо глотая пыль дорог. А что поделать? После пережитого я не могла налюбоваться пустыней, солнечным светом, надышаться этим зноем. Почему это не ценишь, когда у тебя все хорошо?

Я в который раз прикрыла глаза и глубоко вздохнула. Песок облепил лицо, благо тонкий слой крема этому поспособствовал.

— Ева, расскажи мне все, — повернулась к хмурой девушке.

— А у меня спросить не хочешь? — недовольно пробурчал Серега, бросив на Еву злобный взгляд.

Благожелательная улыбка возникла на моем лице, я окинула ребят благосклонным взглядом.

— Прибить бы тебя! Да люблю, — улыбаясь сказала другу и перевела на Еву свой милостивый взор.

Вот меня прет-то. Я реально отдавала себе отчет, что мое состояние довольно странное, но что поделать — лучше так.

— Евочка? — мурлыкнула, глядя на девушку — та отчего-то вздрогнула.

Она посмотрела на Сергея: мол, что делать-то? Он недоуменно пожал плечами: мол, что хочешь, то и делай!

— Хорошо, но я все не знаю, — закушенная губа и странный взгляд мне не очень понравился, вот только...

— Я выслушаю тебя, Евочка! — кивнула. — Расскажи про этот мир. Начни с магнит... с энергетического поля.

Девушка, услышав, приободрилась.

— А это я могу!

Серега тоже наострил уши.

Я хлебнула еще спасительной влаги. Теперь мне начало казаться, что от кувшина веет атмосферой Франции. Ну, то есть легким, разбавленным вином. Странно, почему я сразу не почувствовала? Возможно, мои рецепторы раскрылись только на третьем кувшине. Неплохо, что?

— Это конечно только на уровне легенд, да народных баек, — прервала мои размышления девушка. — Говорят, все местные жители пришельцы, которые скитались между мирами несколько столетий, пока не открыли эту планету.

— Минуточку! — прервала ее и назидательно подняла указательный палец вверх. — Атмосферу Франции!

Сделала глоток из кувшина. Откровенно, уже не сильно-то и хотелось, но я поймала подозрительный Серегин прищуренный взгляд и решила подразнить.

— Продолжай!

Мне хотелось смеяться, но я сдержалась и с небольшим усилием сместила внимание на девушку.

— Эта планета была дикой, с простой бешеной хаотичной энергией. Энергия была настолько яростна, что здесь ничего не было кроме гор и пустыни и те буквально стонали от природных катаклизмов. Постоянные бури, ветра, обжигающая энергия солнца. Вот только и людям надоело скитаться.

История была увлекательной, в какой-то момент погрузилась в нее полностью, что забыла и про слабость, и про друга, — что там! — даже «атмосферу Франции» отставила в сторону. Передо мной словно наяву появлялись картины безлюдных пустошей, песочных бурь и яростного ветра. И космический корабль, кружащий над поверхностью.

— Первая высадка оказалась неудачной. Несколько десятков человек погибли. Первоначально люди пытались приспособиться под окружающий мир, но мир их не принял. И тогда они решили подчинить мир себе.

— Не стоит прогибаться под изменчивый мир, — пропел Серега знакомый мотив и хмыкнул, — пусть лучше он прогнется под нас.

— Да, — подтвердила его слова Ева. — Люди, покорившие космос, в априори не могут быть дикарями с палками.

Я поражено посмотрела на девушку. Сейчас у этих людей нет даже электричества и воды. Факелы! Они ходят с факелами. А она сейчас рассказывает про космос и науку. Ладно, съели!

Девушка словно прочитала мои мысли, отчего тихо, но как-то печально хмыкнула.

— То что Сергей Орлов, — Сергей оживился и бросил на нее внимательный взгляд, — иногда называет магией. То, что у нашего мира есть Хранитель это скорее производная научного прогресса, чем магии... Хотя, смотря что называть магией. Если магия — это энергия, окружающая мир — то, да. Это магия.

— Ну и изобрели бы механизм, который поглощал бушующую энергию и регулировал ее на выходе, — вклинился в ее диалог Серега.

Девушка вновь вздохнула.

— Я не знаю почему так произошло. С того момента минуло тысячи лет. Жители стали слишком зависимы от планеты и... Да некоторые даже не знают, что такое космос...

Горячо закончила она.

— Так что с хранителем? — вернулась я к наболевшему.

— Могу лишь предположить, что взаимодействие с энергией планеты получилось наладить только через живое существо, через его ауру, жизненную силу. Постепенно эти способности стали наследуемыми. Должны быть определенные данные показатели. Хранительницами даже мужчин подбирать стали на отборе.

Тут я поперхнулась воздухом и уставилась на девушку.

— Что? — Серега был со мной солидарен.

— Да, да! — быстро заговорила Ева. — Будет отбор в виде турнира. Тебе подберу подходящего партнера, чтобы передать способности.

— Так. — четко сказала. — Где... где атмосфера Франции?

Нашупала кувшин, и сделала глоток.

— Дай-ка и мне.

Сергея поднялся и подошел ко мне, забрав кувшин из рук, сел рядом и сделал несколько жадных глотков. Я смотрела, как от каждого резко дергается его кадык.

Развивать эту тему не хотелось дальше. В конце концов, пока меня это мало касается.

— Евочка, — натужно улыбнулась, насильно возвращая себе слегка блаженный вид, — У меня есть книга. И там есть страницы...

Она сразу поняла о чем идет речь понятливо закивала.

— Это как раз эти... — она закатила глаза и начала постукивать указательным пальцем правой руки об ладонь левой, — схемы. Или как-то так. Они, каждая, по отдельности вбирает в себя нужную энергию, разбивая общий хаос, который проходит через твое тело, на разные энергетические потоки и уже, когда энергия преобразится ты..., то есть вы, Хранительница, сможете ей пользоваться. Все эти схемы надо вживлять в ваш организм иначе вы сгорите.

Мы переглянулись с Сергеем.

— Вот тебе и сказка про белого бычка, — глухо пробормотала.

Глава 16

Сейчас бы сидеть дома, пить растворимый кофе с двадцати процентными сливками, смотреть новый сезон «Триггера» и радоваться беззаботной жизни, а не это вот все.

После рассказа Евы о мире — а я была склонна ей верить — мой мозг просто попал в информационный сумбур.

Мир, космос, пришельцы, планета, откат развитой цивилизации до уровня древнего человека, благо, что вилками не разучились пользоваться, — и это все МНЕ!

Хранительница, блин. И ладно бы дело было в магии, так нет я типа киборга с подходящей аурой или энергетическим полем.

Хочу магию! Чтобы можно было колдовать. Вот, например, прошел недоброжелатель — плюнула в спину и улыбнулась, а он — раз — споткнулся и все! — нет больше недоброжелателя. А так выходит, что я кто? Фильтр? Генератор?

Более того, если я не приму на себя ответственность за энергию мира и не подготовлю свое тело, вживив оставшиеся страницы, — натуральным образом сгорю. Почему не выдали инструкцию к миру? Мол, нельзя оставлять вилку в микроволновке — а Кате нельзя, ни в коем случае, перемещаться в другой мир, ее может закоротить.

А ведь я всего лишь хотела заниматься любимым делом.

Виды бескрайней пустыни навевали такие не рациональные мысли. Да и гнала я эти, рациональные, от себя подальше.

Быть заложником безысходных ситуаций, видимо, на данный момент, мое кредо.

Не вживлю листы-проводники — сгорю. Вживлю — стану частью этого мира, вращу в него корнями. Про то, что я даже мужика себе самостоятельно не смогу выбрать, даже думать не хотелось.

Пока хочется просто выжить и остаться при своем уме.

Почувствовала крепкое пожатие ладони, перевела взгляд: Сергей сидел рядом и улыбался какой-то, только ему понятной, улыбкой. Знак поддержки, такой не значительный, но я его отзеркалила, и сжала его ладонь.

Мы вдвоем в этом незнакомом мире. Сейчас сидим на краю небольшого передвижного

штра, держимся за руки и смотрим как после нашего движения клубясь, оседают крупницы песка.

О моем похищении мне удалось узнать не так уж и много, Сергей почти ничего не знал, Ева отказывалась говорить. Одно поняла: вокруг моей персоны сколотилась определенная коалиция. Кто ее предводитель, ясное дело — не я, так и не узнала. Думаю, наверняка этот человек известный, раз за ним пошли вызволять никому не известную попаданку. И я с нетерпением ждала нашего знакомства.

В общем, я теперь в местной политической оппозиции. Борьба идет за власть. Ну и кто в этой борьбе оказался крайним? Естественно, Катя!

Наши деревянные колеса как-то резко начали звучать по другому да и движение стало более прерывистым и дерганым, до этого мы, словно корабли, шли плавно по песочным волнам, умиротворенно.

Не так давно Ева предложила нам перекусить лепешкой и местным мясом, которое крысиное.

Вот кста-а-ати...

— Ева, — развернулась я к девушке, отпустив руку Сергея, — а как ты мне объяснишь наличие грызунов, наличие небольшого количества растений? Если, как ты утверждала, все живое закручено на мне.

Я высокомерно вздернула бровь, и тут же удостоилась снисходительной улыбки.

— Ну не настолько же все плохо, — она усмехнулась. — Там была странная история с предыдущей хранильницей. Был захват власти и, вроде как, она перед смертью что-то намутила. Говорят, прокляла этот мир за предательство. Но я придерживаюсь немного иного взгляда на вещи. Наверное, с технологической точки зрения.

Она задумчиво почесала кончик носа.

— Она была лишена проводников, — я непонятливо сморщила нос, — листочков. Их насильно отсоединили от ее ауры, видимо, связь не до конца прошла... Не знаю я точно... Если коротко, она смогла замкнуть некоторые энергетические волны в контур для минимального поддержания жизни на планете. А потом умерла.

Сереге хмыкнул, но ничего не сказала. А бы сказала, что эта версия притянула за уши, но тоже решила промолчать.

А телега наша тем временем начала сбавлять скорость, пока совсем не остановилась.

— Наконец-то, — подскочила на ноги Ева и направилась мимо нас к выходу. — Сейчас ты и узнаешь своего спасителя.

Она спрыгнула вниз, а я проводила ее взглядом и что-то начала волноваться.

— Помоги, — протянула Сереге руку, чтобы он помог мне встать.

Обильное питье, мази, отдых и еда сделали свое дело — я могла стоять, правда, шатаюсь. Но рядом был Орлов, который ненавязчиво поддерживал меня за локоток. Нервы, черт бы с ними, почему руки трясутся, и ладони потеют. Протерла их об край бирючины, нервно улыбнулась Сереге и уставилась на выход.

— Катя, — я запретила Еве называть меня «хранильницей» — наш идейный вдохновитель и организатор похищения.

Боялась моргнуть, вдруг пропущу явление. И тут выходит он. Шэнли, мать твою!

— Ну, привет! — он довольно улыбается, а я чувствую, как уголки моих губ начали подрагивать от натянутой улыбки.

Организатор! Похищения!

Я выдержала, сдержалась, удержала улыбку и вежливо ответила:

— Привет!

— Как дорога? — Шэнли улыбался.

Со всех сторон начали подтягиваться люди и с любопытством следили за мной. А я улыбалась.

— Сережа, помоги мне, будь добр, спуститься вниз. Хочется очень сильно отблагодарить.

Серега поддержал меня натужной улыбкой, но осторожно подвел к краю, спрыгнул вниз, затем спустил и меня, поддерживая за талию.

Стоило ощутить твердую почву под подошвами, я отодвинула друга в сторону и направилась к Шэнли, на ходу снимая сумку с плеча и перехватывая поудобней ручку. У меня вообще выработалась привычка с сумкой не расставаться. Пусть она и не была легкой: там по-прежнему оставались вещи и книга, собственно, одни кроссовки чего стоили.

— Спасибо тебе, от души! — я размахнулась и лупанула с плеча Шэнли по предплечью.

Он отчего-то не обиделся — рассмеялся и бросился драпать, я — припустила следом. Ноги, конечно, переставляла с трудом, но упорство наше все.

Он позволит еще пару раз нагнать его сумкой по спине. Но метров через пятнадцать я все-таки оступилась и приготовилась к встрече с песком, но ее не произошло — Шэнли успел подхватить.

Он держал меня на руках, хотя мои ноги все еще оставались на земле, этокое бревнышко.

— Спустила пар? — улыбнулся он.

— Нет! — зло выпалила ему в лицо, а он взял и поцеловал.

Я насторожилась и упрямо поджала губы. Он вновь улыбнулся и просто смачно чмокнул поверх сжатого в тонкую линию рта. Я, естественно вlepила ему пощечину, так, не сильную, чисто символическую.

— А сейчас, как дела с паром? — его глаза улыбались.

— Плохо, — буркнула сквозь зубы.

— Хорошо, решим потом. Сейчас много дел.

Он поставил меня на ноги. Я стояла, правда, слегка ошалело, покачиваясь со сладкой ватой вместо мозгов.

— Ева, помоги Кате, — отдал указку Шэнли.

— Кто ты, черт возьми? — спросила у удаляющейся спины, она, ясное дело, не ответила.

— Катя, пошли, нам надо подготовиться.

— К чему?

— Будем вживлять воду...

Меня передернуло... Страшно как-то...

Глава 17

Глава 17

«Вода»

Меня поразило количество людей, которое нас сопровождало. Нет, я знала и со слов Евы, и так видела несколько запряженных тараканов с повозками. Ой, ну не тараканов, конечно, — крахенов, но одна гадость.

Сергей, видя мое брезгливое отношение, к местному гужевому транспорту то и дело

предлагал взять ботинок в руки и... «ты это... осторожно так, из-за угла, и по рыжей голове...».

— Катя, пошли. Нам надо еще пробудить местный источник.

Ева подошла незаметно, со спины, и аккуратно подхватила меня под локоть.

— Надо идти, хранительница. Действие отвара скоро закончится. Нам надо успеть.

Завернув за нашу крытую повозку, только она стояла близко к источнику, где должно пройти подселение магии в организм, другие остановились чуть в стороне. Люди не раскладывали вещи, не разжигали огонь — видимо, мы здесь проездом. К сожалению, мне никто не докладывал о текущем положении дел.

— За нами наверняка погоня, — словно прочитав мои мысли, проговорила Ева. — Мы смогли вывести максимум людей из строя, но, думаю, это задержало их на сутки, не более. Но больше источников на нашем пути не будет.

Задавать лишних вопросов не было смысла. Да и я уже поняла в чем соль нынешнего положения. Плыдем по течению, но стараемся прибиться к своему берегу.

В общем, шла я за Евой добровольно с величественным и слегка вдохновленным выражением на лице.

Три камня среди пустыни. Три серых булыжника высотой с меня.

Ева привела меня к ним и оставила один на один. Что я должна была с ними делать? Мне, естественно, опять инструкцию не выдали.

На расстоянии десяти метров от меня толпились люди, с такими лицами, словно я им сейчас буду гимнастические трюки показывать. Геть, и закинула ногу за ухо. Нет, я могу, конечно. Только кто потом меня будет разгибать в нормальное для любого человека состояние. Хотелось похихикать над своими мыслями, но я держала лицо! Вдохновленное.

Я смотрела на камни, а толпа — на меня. Так прошло примерно десять минут. Меня никто не торопил. Шэнли стоял чуть в стороне, Ева почти сразу за спиной, Серега с видом знатока геологии изучал землю вокруг местного стоунхенджа. «Дружище, найдешь включатель — свистни».

Я прислушалась к местным энерго-полям (самой смешно, но что сделать. Вернусь на землю, буду заряжать воду через экраны телевизоров). Помнится, папа в это никогда не верил, но банки всегда были наготове.

Эх, печально вздохнула и решила. Подошла к камням и положила на них ладонь. На удивление, они были приятными, прохладными и влажными. Кажется, Ева что-то говорила про озеро, которое до катастрофы было на этом месте.

Я просто устала придуриваться и отнекиваться от этого всего — и поэтому попросила шепотом у Евы нож.

Она быстро сориентировалась и достала небольшой, но острый из голенища своих сапог. Он был хорошо наточен и как раз прекрасно подошел для небольшого прокола.

Аккуратно поставила багровую точку на каждом из камней. Не стала капать, брызгать, мазать — просто точка, которая тут же испарилась.

Камни и земля вокруг вздрогнула и начала набирать влагу. Я уже не удивлялась. Будем считать, что я в некой степени познала дзен.

Вода все прибыла, подошва моих туфель пропиталась влагой, а вода все прибывала. Шэнли начал раздавать указания, чтобы люди покинули территорию озера.

Логично, если я с помощью своей мутированной крови пробудила источник — ждем, что бассейн озера наполнится в полном объеме.

Вода все прибывала, она скрывала меня уже по щиколотку. Шэнли, отправив народ подальше, принялся помогать мне.

— Катя, книгу скорее, — почему-то вскрикнул он. Получилось испуганно.

Вода вокруг меня начала закручиваться в маленький водоворот. Пришлось прикладывать усилия, чтобы не свалиться в воду.

— Да что происходит? — не понял Серега, подбегая ко мне.

Мы с ним ухватились друг за друга, а я попробовала сделать шаг, как поняла, что начала проваливаться под землю. Да что там! Я уже не могла сделать и шага.

— А-а-а-а!!! — закричала и попробовала подняться, используя для опоры плечо друга, едва не завалив его, но ничего не вышло.

Шэнли уже держал книгу в руках, когда ко мне подбежала Ева, и тоже вцепилась клещом, приобняв за талию. Я слушала ее приглушенные вскрики. Вода закручивалась, снося в сторону, иногда казалось, что это я держу Еву и Серегу, ведь я уже достаточно укоренилась в песке. Хоть бы без вывиха обошлось. Вода уже была на уровне груди, когда ремень сумки оторвался и поток воды отнес Шэнли в сторону, вместе с книгой в руке. Плохая идея была держаться за сумку.

Вода все крутилась, я — орала, Серега матерился, я пыталась перераспределять силы, чтобы без ног не остаться. О чем я думаю? Сейчас более реально утонуть.

— Держись, Шэн близко, — Ева уже откровенно держалась за меня. — Ох, нет.

— Что, что? — проорала я, мне было не видно, что происходит со спины.

— Шэнли опять отнесло от нас, — она говорила громко. — Кто-то оставил вещи, и тюк врезался в него. — А!!! Я его не вижу. Он утонул!!!

Ева орала мне на ухо. Возникло желание — заткнуть ей рот носком. Жаль нет ружья... ой, носка!

Неожиданно что-то меня облепило под водой, буквально окружив ноги, и быстро дернуло рубашку из брюк, задирая ее буквально до груди. Хотела врезать локтем на чистых рефлексах, но тут получилось отстраниться от Орлова и рассмотреть черную макушку, и все, что происходит под водой. Шэнли, обхватил меня ногами, упорно воевал с моей рубашкой, во рту он держал книгу, в одной из рук мелькнул золотистый лист.

Мне уже не было больно, в песке были скрыты мои колени, вода доходила до подбородка, чтобы вдохнуть я уже задираю голову, но и это мало помогало. Вода все пребывала.

Неверные слезы выступили на глазах, но их уже никто не видел — меня скрыло под водой.

Шэнли это заметил, страх в его глазах согрел мою душу и я, совершенно неуместно в данной ситуации, улыбнулась. Он так переживает — хотелось его подбодрить улыбкой. Но, кажется, он взбесился в этот момент окончательно.

Ударил Серегу в бок, который все еще пытался вытянуть меня из воды, усиленно таща за руки, всучил ему в руки книгу, освободив рот. Сам быстро вынырнул и вернулся назад ко мне и припал с поцелуем, в котором наполнил мой рот воздухом. Странные у нас с ним поцелуи: то ядовитые, то живительные.

Пока он воевал с моей рубашкой, я уже не могла терпеть из моего носа выскользнули несколько пузырьков и, пощекотав переносицу и лоб, растворились на поверхности. Шэнли, заметив это, вновь повторил наш «поцелуй», а затем уже не церемонясь, разорвал на мне верхнюю часть одежды.

Кажется, он приложил страницу в районе правых ребер — куда дотянулся в водовороте, туда и прицепил.

Как только получилось приживить страницу, она медленно впиталась в кожу, по мне волнами пробежали мурашки, последнее, что ощутила, как мои ноги стали свободными, и меня потоком вытолкнуло на поверхность.

К берегу добрались быстро и устало распластались на песке.

В ряд: Ева, я, Шэнли и Серега.

Небо было ясным. Мне хотелось улыбаться.

Вот, блин, сходили за хлебушком... В смысле...

— Вы это видели, — воскликнул Серега, прерывая мой странный мыслеобраз.

Мы дружно, словно по команде, сели и уставились куда Орлов показывает.

— Мы чуть в луже не утонули. Позор-то какой!

Нас так крутило и вертело в водовороте, я до сих пор кашляла от воды — а там была реально лужа, десять на десять метров, даже три камня все еще виднелись на поверхности. А говорят — нет магии.

Первой засмеялась я, а остальные подтянулись следом.

Мы так долго смеялись, утирая выступившие слезы.

Серега конечно полез проверять мою новую татуировку, прямо через Шэнли, отдавив ему все, на что попадали его острые локти и колени. Садюга! Кажется, он это делал специально.

— На месте! — заключил он, и мы вновь свалились на песок.

Самое смешное, рубашка спереди оказалась абсолютно целой, как целым остался и ворот, зато со спины зияла огромная дыра, обнажая все, до самых плеч.

— Зато теперь никто не будет сомневаться, что настоящая хранительница ты! — после нескольких минут упорной борьбы с оставшимися краями рубашки, которые болтались в районе подмышек: Ева пробовала связать их между собой на спине, но в итоге сдалась — пушай так!

Глава 18

Мы уже давно поднялись, максимально стряхнули с себя налипшие песчинки, подсушили одежду — а Орлов лежал в позе снежинки и жадно дышал грудью. Вот же гаденьш! Посмотришь на него со стороны и сразу такое чувство, словно это его чуть не засосал песок и не затопила вода. Конечно долго «любоваться» на это изваяние мне не хотелось и я про него почти сразу забыла, увлекшись бурлящей водой и уже скрывшимися под ней камнями. Сейчас я видела себя таким многофункциональным агрегатом, к которому постепенно подключаются разные функции. Допустим, несколько минут назад ко мне подвели воду.

— Итак, девочки, — бодро вскочил Серега, и встряхнул плечами. — поджимаем ягодички и топаем к остальным. А то те ребята меня начали напрягать.

Не успела я ответить на его «ягодички», как отвлеклась на «ребят» и, Боже мой, нашлись те, кого не теряли.

Кажется, у меня от них даже нижнее веко задергалось, пришлось его слегка прижать указательным пальцем. Неловко переминаясь, то и дело прячась за спинами друг друга, к нам шли «Филимон и Ко», то есть те надоедливые парни, которые рабы. Увидев, что я их заметила — среди пустыни-то — они помахали мне рукой, скромно так, на уровне груди, и уже веселей двинулись в нашу сторону.

— Шевелись сам, — Шэнли хлопнул Серегу по заду и тот по инерции прошел пару шагов вперед.

— Ну, нет, Катък, ты видела? Он меня хлопнул! Слышишь, я не такой! — активно потирал пятую точку друг и сверлил возмущенным взглядом Шэнли. — Присмотрись, Катька! Кажется в нашем мужском стане шпион.

Я закатила глаза — Серый как что ляпнет, хоть стой, хоть падай.

Но на всякий случай присмотрелась — хорош, зараза! В смысле, стоял и шурился на солнце, за одно смущал своим вниманием Филимона с компанией.

— Мы это, пришли вас поторопить! — послышался крик Фильки.

— Мы это... уже идем, — передразнила и обреченно вздохнув, подала всем пример силы духа, пошла в направлении лагеря первой, за мной побежал Сергей, а там и Ева с Шэнли.

Когда до разбитого лагеря оставалось несколько метров. Я уже обратила внимание, что вещи были разложены так, чтобы их можно было быстро скрутить, забросить в телегу и двинуться в путь. Значит отдыха в ближайшее время не предвидится.

— Катя, надо поговорить, — нагнал меня Шэнли, за его спиной мельтешила голова Евы.

— Говори! — на ходу бросила, но остановилась только, когда почувствовала крепкий мужской захват на локте.

— Нам надо понять куда двигаться дальше, — его карие глаза смотрели серьезно, словно пытаюсь своим взглядом выстроить все моих мысленных тараканов в шеренгу и те бы ему отрапортовали все: «от и до». Наивный, у меня там сплошная анархия — и черт ногу сломит.

— Какие еще способности проявляли себя? — он никак не отреагировал на мой красноречивый взгляд — «ррруки убрал!»

А почему меня смутил именно его захват. Герои во всех фильмах в такие моменты думают о поцелуях. Блин! Я посмотрела на его губы! Тараканы, шухер! Пришлось прикусить губу, чтобы скрыть улыбку. Человек мне тут серьезные вещи говорит, а я про ерунду всякую думаю.

— Угу, — кивнула я, чтоб совсем не выглядеть глупо.

Шэнли приподнял одну бровь.

— Я видела комара! — выдала первую пришедшую на ум странность.

— В купели — прижили землю, сейчас воду, остался воздух и огонь. Есть ещё одна страница — аура, она скрепляет и закрепляет всё стихии. У тебя должно остаться три страницы.

— Нет, две, — отрицательно помотала головой и почему-то улыбнулась. Меньше — это же хорошо. Или нет?

Мне кажется или Шэнли слегка побледнел, а меня бросило в холодный пот.

— Та страница, что я отдала за тебя... — прошептала, понимая, и с тревогой всматриваясь в глаза мужчины.

— Мы что-нибудь придумаем. Не волнуйся.

Его тревога передалась мне. Если я не присвою все схемы... — я вспомнила свое состояние с водой и громко вздохнула, испуганно уставилась на Шэнли.

— Катя, я серьезно.

Но я его не слышала, в ушах загромыхал пульс, заглушая все звуки вокруг. И как-то получилось выскользнуть из его захвата и сесть на песок, на влажный песок. Озеро сверкало чуть в стороне, но, видимо, вода подошла совсем близко к поверхности. Зарылась руками во

влажные крупы и почувствовала, как что-то щекочет мои ладони.

— Надо же и здесь будет оазис, — воскликнула Ева, удивленно рассматривая быстрорастущие растения.

— Вот бы это были помидоры, — протянул Орлов. — Так салата хочется. Со сметаной.

— Кто о чем, а голый о бане, — чисто на автомате упрекнула его, не особо вдумываясь в смысл.

Надо какой-то план. Но в голове, как назло, было пусто.

— Я не знаю, что делать... — обреченно проговорила, пуская из глаз пару слезинок.

— Тебе надо отдохнуть, — Шэнли помог мне подняться. — Мы останемся здесь на привал. Теперь-то нам нет смысла спешить.

Я осмотрелась вокруг: люди занимались своими делами, разводили костер, кто-то готовил, кто-то раскладывал вещи, а я продолжала страдать. Та еще героиня.

— Ай, Катя, она меня ущипнула, — пожаловался Орлов на Еву, которая уже успела скрыться за ближайшим небольшим шатром.

— Жениться тебе надо, Орлов, — как-то устало проговорила и пошла следом за девушкой.

— Вот еще! — возмутился друг. — Выпить мне надо, а то последние нервы умерли в конвульсиях при сегодняшнем купании.

И свернул в другую сторону, к особенно громкой толпе.

Я вроде бы шла следом за Евой, но вышла в совершенно безлюдное место. Здесь не было шумных ребят, костров, за моей спиной остался торец высокой палатки, впереди — пустыня, в вечернем свете словно укрытая красным бархатом. Красиво и одиноко.

Идти уже никуда не хотелось. Устроилась здесь же. Лагерь все равно небольшой, кажется даже слышен смех Сергея.

Друг просто фееричен.

Стоило прикрыть глаза, как дрема захватила меня, и я завалилась на песок, пока еще теплый.

Уже сквозь сон чувствовала, что меня аккуратно перекладывают на что-то мягкое и теплое, под голову подкладывают подушку и накрывают покрывалом.

*** **

«Чик-чик-чик!»

«Пшшш-пшшш!»

Недовольно нахмурила нос. Да что такое-то?!

Как будто с папой на отдыхе в лесу. И вроде все есть: и свежий воздух, и природа, и тишина, но эти птицы и насекомые!

Кто-то особенно навязчивый, словно воробей недоросток, проскакал у меня по лицу, пощекотал перьями нос, и я чихнула.

Открыла глаза и словно очутилась в другом мире. Отчего-то вспомнились рекламы гелей для душа, когда героини начинают ловить галлюцинации сразу после открытия крышки. Вот и я, кажется, поймала. Уснула в пустыне, а проснулась в тропиках. Где-то здесь даже журчит ручей.

Поднялась на ноги — мое спальное место единственное, что не было укутано зеленью.

Б! Безумие.

Прошла немного вперед, чтобы осмотреть чашу, в которой я оказалась.

— Ну, что, Катя, отдаю тебе должное — ландшафтный дизайнер в тебе живет

способный, но абсолютно бестолковый.

Невозможно было понять из-за какого куста донесся до меня голос Орлова, а ведь это именно он решил почитать мне нравоучения о моих способностях.

— С чего бы это, бестолковый? — пятилась и осматривалась по сторонам, даже заглядывала под крупные листья особенно приглянувшихся растений.

— Да то... мы к тебе пробраться всей нашей дружной толпой не могли. Ты заросла настолько, что приличной девушке должно быть стыдно!

У меня даже слов сразу не нашлось, можно подумать у меня здесь есть воск или, на крайний случай, бритвенный станок.

— Повозки ведь до сих пор на песке, — продолжил он.

А я так и не поняла: он надо мной издевается или нет.

— Ты где вообще? — попробовала заглянуть под еще один куст, с него станется сидеть под ним, но в этот момент на мои плечи упали тяжелые ладони.

— А! — прокричала, плюхаясь на пятую точку.

— Здесь! — довольно ухмыльнулся друг.

Не то чтобы я не нашла слов для ответа — просто, получилось сдержаться. Здесь чистый, невинный мир — надо подавать пример. Но взглядом я его препарировала знатно.

Сереге подал мне руку, пришлось принять помощь и принимать вертикальное положение.

— Что произошло? — недовольно осматривая темное пятно на попе, кажется, я угодила в лужу.

— Да вообще ничего, — патетично развел он руками, но в голосе звучали истеричные нотки.

Я вздернула бровь и дернула уголком губ — нервы.

— Значит, ты, — указал на меня пальцем, — ушла вчера вечером. Мы все тебя потеряли, а потом началось это. Растения как поперли расти. Я только сейчас понял, где ты находишься. Благо, ты всегда громко пыхтишь и материшься, когда чем-то недовольна.

И тут я запыхтела и едва не за...

— Да что ты наговариваешь?! — не удержавшись, пнула его по щиколотке.

— Ау-ч!

— Иди лучше позови остальных, раз уж мы разобрались. И еды захвати.

Сереге печально вздохнул и направился на штурм зарослей, бормоча что-то себе под нос. А говорит, что я матерюсь.

Еще на раз осмотрела пространство: мне нравится. Живенько и зелено.

Сереге уже скрылся за деревьями, а я постаралась отодрать прилипшие брюки от своего бедненького зада — не комфортно и противно.

Никакого бонуса от того, что я Хранительница нет. Одни минусы.

А если? Так, Шэнли говорил что-то про воздух.

Я сильнее оттопырила влажную ткань на нужном мне месте.

Все равно пока никто не видит. Осмотрелась вокруг еще раз, прикрыла глаза и представила, как легкий теплый ветерок проходит по моим рукам.

Вообразить себя свех-магиней было легко, чем-чем, а фантазией меня Бог не обделил.

В свое время я зачитывалась Гарри Поттером, впрочем, как и все мои сверстники. И сейчас, не придумала ничего лучше, чем вообразить, что я произношу заклинание призыва ветра.

— ФЕН ШУЙ! — сначала хохотнула от своей глупости, но, мужественно взяла себя в руки, и мысленно представила порыв ветра.

Глава 19

Почувствовала небольшое возбуждение и повторила слова.

Странный звук привлек мое внимание, и я приоткрыла глаза.

Листья шевелились и дрожали в противоположной от лагеря стороне.

Что это может быть?

Поднялся непонятный шум, словно шелест множества сухих листьев от легкого ветерка. Широкие лопухи, которые были ближе к земле, задрожали. Присмотревшись я поняла, что в них, ловно в маленьких лукошках, скапливаются небольшие лужи песка. И как только понимание отразилось в моем мозгу, я подняла взгляд на верхушки деревьев. Тяжелое коричневое облако вот-вот должно спуститься и обрушиться неподъемной волной на оазис. На меня. На нас.

— А-а-а-а-а!!!!

Сквозь листву полетели горсти песка и сразу начали жалить, словно дикие осы, соприкасаясь с кожей. Развернулась и, не помня себя от страха — быть погребенной заживо мне совсем не хотелось, припустила в сторону высоких пальм. Спрятаться и переждать.... Не сделав и пары шагов, меня сбила с ног волна песка, подсекла, и я начала заваливаться, не успевая выставить вперед руки, но следующий поток воздуха обогащенный песком, толкнул сначала в спину, а затем под ноги и, качая, словно в люльке у психопата, меня поднял над землей.

— А-а-а-а-а-а!!!! — орала, что есть мочи, когда порыв нес моё тело напрямиком в ствол ближайшего дерева. Удар получился глухим. Хотела пальму — получи!

Я, словно обезумевшая от страха обезьяна (что было недалеко от истины), вцепилась в него и ногами, и руками, а затем зажмурилась в надежде, что это скоро закончится. Воздушные потоки секли руки мелкими песчинками, но мне было гораздо страшнее выпустить ствол из объятий, как и просто открыть глаза. Хочу в свою пустую квартиру, где ещё лежат папины вещи на своих местах в ожидании своего хозяина и книги...там много книг про приключения. Лучше читать, чем участвовать.

Все гудело, ревело, мимо пролетали куски листьев, я же жмурилась так сильно, что заслезилась глаза. Старалась максимально слиться с древесиной, для чего прижалась лбом к шершавому стволу, его, кстати, тоже качало на ветру, ствол, но это уже мелочи.

— Ого! Ну, ты, мать, даешь!!! — присвистнул Сергей, откуда-то снизу.

Неужели все закончилось, а я даже не поняла.

— Тебя вообще оставить одну можно? — это уже Шэнли.

— Не оставляй, — прошептала, но, кажется, это не услышал никто.

Они что-то еще говорили, но настолько приуспела в своём желании мимикрировать под кору, что теперь ничего с этим не могу поделать. Казалось, надо бы собой гордиться, удержалась на едва ли шершавом стволе, хотя в школе даже канат осилить не могла, но — нет.

Звоните 112. Иначе никак.

Я немного запуталась во времени, но ребята внизу уже перешли от уговоров и обещаний к угрозам.

— Катерина, слезай, а то сам сниму и... — значимо угрожал Шэнли.

— А что выпорешь? — засмеялась Ева.

— Может, и выпорю. — к моему удивлению добавил он.

— Э-э-э, полегче. Это не наш метод! — возразил Сергей.

— А он так, чтобы ей понравилось, — парировала Ева.

Дружный мужской рык заставил неуёмную девчонку лишь громче рассмеяться. Совсем там распоясались без меня.

— Катя, разожди руки. Мы тебя поймаем, — уже более мягко и без намека на иронию проговорил Шэн.

Ах, если бы я могла пошевелиться, неужто сама бы не слезла. Но я не могла. Меня будто закоротило: я даже не могла открыть глаз, чтобы посмотреть на какой высоте нахожусь. Больше заклинание «Фен шуй» не буду использовать. Надеюсь, хоть штаны высушила.

— Катя, — раздалось тихое у самого уха. — Катюша, открой глаза, посмотри на меня.

Не представляю как, но Шэнли добрался до меня. Я явственно чувствовала его нежные проглаживания по спине, как шершавые ладони слегка цепляют ткань, как дыханием обдает шею. Телесный контакт немного меня отрезвил, я снова начала чувствовать свои конечности, но и это не особо изменило ситуацию.

— Ну вот и умница! — спокойно проговорил, когда я смогла открыть глаза и поймала его прямой уверенный взгляд. Он обхватил меня за талию и слегка потянул на себя. Мне ничего другого не оставалось, как ствол местной пальмы заменить на туловище мужчины.

А дальше мы, как Тарзан с Джейн, просто спрыгнули вниз. Хотела бы сказать, что это было невероятное захватывающее приключение, как всегда, мечтала будучи девчонкой, но... Но ничего не поняла. Я так крепко вцепилась в несчастного мужчину, что тот закашлял и далеко не с первого раза отцепил мои руки от себя.

Осторожно усадил на какой-то тряпичный тюк, кажется, это его собственный рюкзак и быстро отошел в сторону.

— Я схожу за едой и... вернусь, — неловко кашлянул и, бросив короткую фразу, торопливо скрылся за ближайшим кустом.

— Я с тобой! — пропищала Ева и поспешила следом.

Состояние легкого ступора не хотело меня отпускать. Я пыталась гипнотизировать песчинки перед собой. Помнится, тут не было раньше песка, а теперь вот есть.

— Ну, что ты, Кать? Приходи уже в себя. Все же хорошо.

Серега нерешительно сел рядом и так же нерешительно, едва касаясь, погладил по спине.

Золотистые песчинки складывались в странный узор, напоминающий морские волны, казалось бы, совершенно противоположные стихии: земля и вода, а так похожи. «Фен шуй», блин! Я даже дернулась вспомнив, как воздушная волна подхватила меня и подняла. Стыдно-то как!

— Феен Шюююуй! Феен Шюююуй! — послышался очень четкий писклявый голосок, а далее еще один. Складывалось впечатление, что детский хор на перебой пытался произнести мое «заклинание».

Оторвала взгляд от песка и осмотрелась. Неужели кажется.

— Фе-е-ен! Шю-ю-юуй! Фе-е-ен Шю-ю-юй! — продолжали раздаваться писклявые голоса поблизости. Сглотнула вязкий ком в горле.

— О! Говоруны прилетели! — раздался удивленный голос Сергея.

— Кто? — отмерла я, наконец.

Серега махнул головой в направлении небольшой группы маленьких, не больше

теннисного мячика, круглых серых птичек с длинными тонкими клювиками и маленькими крыльями, больше напоминающими веера. Их было десять. Они стояли, повернувшись в сторону пустыни, старательно тянулись вверх на своих тонких лапках и наподобие паруса расправляя широкие, пушистые крылья, каждый из них делал небольшие наклоны вперед и старательно проговаривал:

— Фе-е-ен Шю-ю-юуй! Фе-е-ен Шю-ю-уй!

Как-то от этих действий мне стало немного некомфортно. Такое чувство словно это неумелая пародия на одного мага-недоучку. «Сделать хотел грозу, а получил козу» — это про меня. И я решила аккуратно расспросить друга. Хотя откуда ему про них знать?!

— Что они делают?

К моему удивлению друг ответил, при этом издав странный смешок.

— Ловят ветер.

— Что?

— Я пока сидел... хм... в женихах у Розы, читал местную энциклопедию. Ну, типо, эти малыши не умеют летать. Они парят на восходящих потоках, как семена одуванчиков. Ты не смотри, что они такие круглые. На самом деле они очень легкие и стоит подуть даже небольшому ветру они его ловят и так путешествуют. А путешествовать они любят. А еще умеют повторять слова. Да и вообще очень забавные... Только посмотри на них.

Мы проследили за еще одним «Фе-е-ен Шу-у-уй!»

Птички постояли еще немного, а затем выстроившись маленькой пушистой, но бесспорно гордой колонной, направились прямиком ко мне.

Ветра не было, и Говоруны подошли ближе, посверлили меня своими темными маленькими глазками, и не дождавшись никакой реакции переглянулись. Неожиданно самый маленький из всех, вышел вперед, слегка переступил с одной лапки на другую, а затем с боевым кличем «Фен шуй!» больно клюнул меня в носок сандалии. Правда больно! И обидно.

— Ай! — воскликнула, и аккуратно отодвинула боевую птичку в сторону, с обидой проговорила: — топай, давай, отсюда, мелюзга.

Сергей, наблюдал за всем этим и трясся. Естественно, от смеха.

Круглая малышня гордо вздернула клювики и, пискляво переговариваясь между собой, скрылась в зарослях.

— Идите, идите, маленькие, а-то тетя Катя злая. Маленьких обижает! — проводил птичек утешительными слова Серега.

— Больно, между прочим было, — обиженно пожаловалась. Все Катю обижают в этом мире, даже эти мячики на спичках.

— Да ладно тебе дуться! — Серега слегка меня приобнял и щелкнул по носу. Я лишь горько-горько и печально-печально вздохнула.

Уже позже, когда, наконец, получилось плотно поесть и привести себя в порядок, я обнаружила пропажу одной из страниц моей книжки, зато на теле появился новый рисунок в виде трех спиралей.

Глава 20

— Я отправил всех наших сопровождающих вперед, — Шэн появился так неожиданно, что я вздрогнула и выронила глиняную кружку с настоем из успокаивающих трав.

Едва ли успела моргнуть, как мужчина оказался около меня и уже возвращал потерянный предмет в целостности и сохранности, осторожно, разгибая пальчик за

пальчиком, укладывал напиток ко мне в ладонь. Я шокировано смотрела на него, а он скромно улыбнулся и проговорил:

— Держи.

Немного придя в себя, похлопав глазами, закрыла рот и сделала большой глоток успокоительного. Чему я удивляюсь?!

Между нами возникла уютная тишина: чуть в стороне потрескивал костер, разбрасывая в стороны быстро гаснущие искры, и отправляя в небеса густой дым. Думаю, пришло время для вопросов и ответов.

— Зачем и куда мы вообще направляемся? У нас же есть какая-то цель? Есть же...

Шэнли бросил на меня искрящийся взгляд, вот и гадай теперь.

— Надеюсь, весь смысл не в том, чтобы разрисовать мое тело, — хохотнула я, наблюдая, как оттенки шоколада сменяют друг друга в его глазах.

— Что тебе не понятно? Ты — Хранительница, одно твоё существование уже чудо для нашего мира.

Страдальчески закатила глаза. Я уже начинала в этом сомневаться, после того, как меня хорошенько приложило об пальму.

Наблюдая за минами, которые я старательно корчила на лице, Шэнли подсел рядом, мы почти соприкоснулись бедрами, по телу пробежала нервная дрожь. О нет, он опять начинает свои игры.

— Катя, — он нежно убрал прядь моих волос за ухо, — давай, разберемся с текущими проблемами, а потом уже со всем остальным. Сейчас самое главное — это ты.

Я сглотнула: где Орлов, когда так нужен? Шэнли взял меня за руку и осторожно погладил пальчики.

— Мой род всегда был предан Хранительницам, мой отец отдал свою жизнь. И я обещаю, что буду защищать тебя и твою семью ценой своей жизни.

И тут моя челюсть отвисла окончательно, когда Шэнли плюхнулся передо мной на одно колено, приложил правую руку к груди и склонил голову.

Я сделала весьма неаккуратный глоток настойки и облилась как самый настоящий свинтус.

Что я чувствовала в данный момент — разочарование? Он так загадочно подходил к своему признанию, что я полностью была настроена на романтику, зарделась и смущалась, думала, что сказать: «я пока не готова» или «давай не будем торопиться».

— Хранительница... Примите мою верную службу... — проговорил он, не поднимая на меня взгляд. Видимо, я должна его посвятить в рыцари или сказать какую-то пафосную фразу.

Я подумала, ещё подумала, и решила, что обойдется.

— Пойду я лучше отдохнуть, — выдавила нарочито громкий зевок, поднимаясь с насиженного места (это был все тот же рюкзак) — а ты, как надоест, смени позу и займись делом.

Каким делом ему нужно было заняться, естественно, не уточнила. Сама понятия не имею.

«Гад! Гад! Гад!»

Нет, он определенно меня раздражает и даже немного бесит. Вон как дрожит рука с успокаивающей настойкой — довел. Сделала громкий глоток и вылила эту бурду к чертовой матери.

А где Орлов? Я осмотрелась вокруг: кусты, крупные листья, немного песка, трава, Шэнли в коленопреклоненной позе, костер.

— Орлов?

Чуть в стороне послышалось шуршание, и я направилась туда. Наверняка друг был свидетелем этого цирка, что устроил Шэнли. Незаметно повернула голову в его сторону, сторону Шэнли, хорошо, что он ушел. Остался только одинокий костер, пятно света и множественные блики, играющие на темных листьях.

— Ух!

Я рванула в кусты, еще чуть-чуть, убегу вот этот лист и... я уперлась носом в незнакомую грудь, широкую, определенно мужскую.

— Привет! — от удивления я сказала первое, что пришло на ум, когда увидела ухмылку на лице загорелого бугая.

— Привет, — он вздернул густыми бровями и растянул губы в противной ухмылке.

— Как дела? — я сделала шаг назад и тут увидела, как чуть в стороне лежит связанная Ева.

— Неплохо, — бугай шагнул на меня. — А сейчас будет еще лучше.

— ШЭНЛИ!!! — заорала и бросилась назад к костру, надеюсь, он бродит где-то поблизости.

— Ах! — только и успела вскрикнуть, почувствовав, как воротник новой рубашки впивается в горло и меня отбрасывает назад. Этот урод меня успел поймать.

Я упиралась ногами, хваталась руками за траву и все бесполезно — меня тащили несмотря на все сопротивление. И хрипела... Еще немного и повешусь на собственной одежде. Усердно перебирая ногами, разрывая каблуками рыхлую почву, чтобы хоть немного облегчить давление на шею. Но все было бесполезно. Мужчина абсолютно не считался с моим состоянием — тащил за собой, словно какой-то куль. Рукой постаралась придержать воротник, но в этот момент ноги потеряли опору, голову дернула и в глазах замелькали черные мушки.

«Тук!» — раздался звук словно кто-то стукнул в бонго, и удавка на моей шеи ослабла. Не знаю, откуда я нашла силы, но я смогла сориентироваться, перекатиться и с ожиданием уставиться на происходящую картину.

Бугай разворачивался медленно и плавно, словно кукла на шарнирах, я же решила не тратить времени отползала как можно дальше. Шэнли стоял с занесенной дубиной над головой — кажется, он не ожидал, что его удар не сработает с одного раза.

Что же делать?

Шэнли вновь замахнулся и треснул противника прямо в лоб, дубина рассыпалась в труху — бугай лишь знакомо ухмыльнулся и сделал шаг.

Горло саднило, голова начинала жутко болеть, но разве можно на этом сейчас заикливаться. Есть! Сквозь мелкую траву и комки земли получилось нащупать небольшой камень, который я тут же надежно сжала в руке. Резко... Хм... Почти резко, поднялась и, шатаясь, пошла к дерущимся мужчинам. Шэнли уже висел в воздухе, удерживаемый одной лишь рукой, и героически болтал ногами, пытаясь дотянуться до мужчины, а руками придерживал захват на своей шее.

«Тук!» — удар в бонго, и громила отпустил Шэнли, который тут же воспользовался предоставленной возможностью. Резкий выброс и ребро ладони врезается в широкое горло

противника. Тот пошатнулся и схватился за горло, издав рваный хрип, Шэнли, больше не тратя времени, впечатал быстрый хук в правый висок противника и тот, качнувшись, словно маятник, на этот раз завалился на спину, едва не придавив меня своей громоздкой тушей. Я кое-как успела отскочить в сторону, координация меня все еще подводила.

Мы переглянулись и, поняв друг друга без лишних слов, бросились к месту, где я ранее видела Еву.

— Она жива! — Шэнли принялся похлопывать девушку по щекам, а я была уже возле Сереги. Его упаковали, словно хрустальную вазу, и он успел отползти вглубь зарослей, используя гусеничный способ передвижения, то есть полз словно червяк.

— Серега, он был один? — спросила, пока суетливо искала узел веревки.

— Я видел одного, — Сергей пыхтел и извивался, помогая мне справиться с веревками, но на самом деле больше мешал, еще туже затягивая узлы.

— Что вы так долго? — Шэнли одним движением перерезал веревку, помогая другу тут же освободиться.

Ева уже стояла в стороне, на ее плечах висели собранные сумки.

— Быстрее там, — послышался ее тихий голос.

Мы собирались со скоростью маленькой торпеды.

Как выразился Серега: «В неведомые пустынные дали да ведет дорога!». Нам нужно было как можно скорее покинуть наше убежище, чтобы скрыться от преследователей.

Глава 21

Вещи были собраны за несколько минут, осталось погрузиться в повозку. Нас немного отпустило произошедшее. Бугай был надежно связан, тщательно осмотрен и отправлен «отдыхать» под ближайший куст.

— Как так получилось, что мы ничего не слышали? — удивилась я, но мне не спешили отвечать.

Мы уже направлялись к нашей повозке, которая находилась на другом берегу оазиса.

— Вас связали и уложили, а вы даже не пискнули.

Подтолкнула локтем Серегу, шедшего рядом.

— Вот только пискнуть мы как раз и успели, — хохотнул он. — А затем нас повязали. Евка сразу отключилась, а я еще повоевал, но не долго.

— Герой! — с ложным восхищением протянула, на что Орлов закатил глаза. Ну я так думаю, что закатил: уже стемнело, особо ничего не разглядеть. Хотя, вон, наш костер сверкает среди плотной листвы. Я остановилась: почему костер оказался впереди нас, если он должен быть позади?

— Шэнли, — подхватила мужчину под локоть. — Там огонь.

— Вижу, — сквозь зубы выдавил он. — Оставайтесь здесь, я все проверю.

Его спина скрылась среди зарослей.

Мы же застыли, пытаюсь рассмотреть, что же происходит. Может, Наши попутчики вернулись. Зная того же Филимона — я бы не удивилась. Или... Бугай был не один?

— Где там Эд? — послышался глухой мужской бас. — Эму эти молокососы на один зуб.

Не сговариваясь мы присели, и тут же показался силуэт Шэнли. Я выдохнула — он разминулся с бандитами на какие-то шаги.

— Надо уходить, — прошептал, на ходу забирая с моего плеча сумку и рюкзак. — Только тихо.

— Это не очень хорошая идея, — начала было Ева, — без транспорта в пустыне мы

долго не протянем.

Шэнли бросил на нее говорящий взгляд, и она проглотила свои следующие слова.

Голоса приближались слишком быстро и с нескольких сторон сразу. Шэн молча схватил меня за руку и повел к ближайшим густым зарослям, в противоположную от звуков сторону.

Мы старались даже дышать через раз. Меня усадили в самую глубь кустарника.

— Эти крысята вырубил Эда, представляешь, — послышалось совсем рядом.

Я затряслась от страха и тут же была прижата к широкой груди моего верного Шэнли, он даже попытался прикрыть мне уши, чтобы не услышала ничего лишнего, но я выразила свое полнейшее негодование, прикусив его мизинец. Совсем обнаглел.

— Да куда они денутся. Тащи керосин! — начнем с того края и пойдем вглубь. Десять минут и они сами выбегут.

Мужчины веселились, а я с ужасом пялилась в темноту. У них есть керосин! Мамочки!

На слух по голосам попробовала прикинуть количество врагов — около десяти или чуть меньше человек. Мы выжидали. Мимо нашего убежища постоянно кто-нибудь да проходил с факелом. Из разговоров поняли, что наша повозка уже давно была спалена, именно ее свечение пробилось к нас сквозь заросли.

Мы все ближе слышали гул и треск пожара, к нам стал пробираться густой дым от горения свежей зелени.

— Так, по одному.

Сначала Шэн выпроводил Еву, она была самой мелкой из нас, и ловко, не задевая крону, пробиралась вперед через кусты, подальше от раскатистого огня и ближе к концу оазиса, где мы будем словно на ладони — подходи и бери. Сумки пришлось оставить, они были слишком громоздкими. А всякая необходимая мелочь была всегда с собой. Единственное, Шэнли вернул мне сумку с книгой, в которой осталась последняя страница со стихией огня. А может? Я оглянулась назад, пока ждала Серегу, который пытался протиснуться у самых корней ближайшего куста, за спиной были адские всполохи, жар пожирал все живое. Вдруг раздался треск, и высокая крона пальмы начала падать и падала в нашу сторону. Мы были не далеко, нас могло зацепить. Шэнли наблюдал эту же картину, и практически пнул Серегу под зад, забрасывая меня следом, словно мешок. Пока отчаянно ползла вперед, ловко уворачиваясь от сапогов впереди ползущего Орлова, под ногти противно забивалась земля, кожу царапали ветки, волосы цеплялись, мне показалась, что Шэнли не успел нырнуть за мной и его поглотили горящие листья. Сквозь завесу дыма и зарево пожара было плохо видно, да и мало что можно было услышать.

На глазах навернулись слезы, но я продолжала упорно ползти, словно на автомате.

Так хотелось развернуться и броситься на помощь, но лишь громко хлопнула носом. И вовремя не заметила, как Орлов остановился и развернулся в мою сторону. Я практически врезалась ему в грудь. Шэнли все еще не спешил показываться на глаза.

— Дальше не можем идти, — послышался голос Евы, она довольно шумно дышала, — Там только низкорослая трава, а затем пустыня.

Я это отметила лишь мельком. Шэнли до сих пор не появился. До рези в глазах всматривалась в густую зелень и плотно сплетенные между собой ветки.

— Катя..., — позвал меня Серега, больно вцепившись в плечо. Я не отреагировала, лишь раздраженно дернулась и вырвалась из захвата. Дернулась в ту сторону откуда пришла, но тут же два не столкнулась с Шэнли. Он выпрыгнул на меня, словно хищник на добычу, но я была этому только рада. Волна облегчения тут же пробежала по телу и я, обмякнув,

плюхнулась на землю, не сводя с Шэнли радостного взгляда.

— Далеко собралась? — он улыбнулся в ответ, осторожно продвигая меня вглубь нашего небольшого укрытия.

— Мы приползли к концу зарослей, — повторилась Ева.

В ее огромных оленьих глазах был виден испуг, она с отчаянием осматривалась по сторонам, одной рукой придерживая себя на одном месте, чтобы не вывалиться на открытое пространство.

— Не волнуйтесь, — вновь улыбнулся Шэнли, ловя мой встревоженный взгляд. — Я уходил чуть в сторону. Эти шакалы прибыли верхом на ящерах. Вам будет достаточно одного. Дождемся, когда стемнеет.

— Вам? — осторожно уточнил Серега, он все время растирал плечо, видимо, умудрился где-то зацепиться.

— Вам троим, я себе добуду отдельного. Ева оставишь мне одного, остальных отпустишь, — нахмурился Шэнли, и его рука в темноте нащупала мою.

— Я...

— Катя, не время для дискуссий, еще чуть-чуть и пламя доберется к нам, тогда мы точно пропали.

Я захлопнула рот, уже забыв о чем хотела спросить.

— Шакалы находятся в южной части, они активно палят зелень за нашими спинами. Мы сейчас пойдем вдоль зарослей на север. Туда, — он кивнул, — там отдыхают ящеры. Вы не медля садитесь и мчите, что есть ходу.

— А ты? — робко спросила Ева.

— Я замыкаю. Ни Катя, ни Орлов, — надо же «Орлов»: у меня научился, — не умеют ездить верхом.

Закончил он свою мысль, мы с Серегой утвердительно кивнули.

— Поэтому Ева ты впереди, я следом. Все поняли?

Шэнли осмотрел каждого: Ева была собрана, Серега поджал губы и молча кивнул, а я смотрела и видела, что Шэнли где-то поцарапал лоб и царапина довольно глубокая, обработать бы.

— Прорвемся, — сказал Серега и первым выдвинулся вперед.

Мы все были собраны, даже я смогла взять себя в руки.

Максимально осторожно брели вдоль оазиса, перебегая от куста к кусту, иногда замирали в ожидании подходящего момента для перебежки, и пока нам везло.

Шэнли иногда нас останавливал и давал молчаливые указания: стой, иди, влево, вправо.

Когда мне на глаза попались ездовые ящеры, сначала не поверила своим глазам, но, правда, не могут наши земные вараны быть такого громадного размера. Но деваться было некуда, да и не в зоопарке, чтобы все детально рассматривать. Вот как прорвемся, тогда все и изучу.

— Ева, лучше всего быстрыми пробежками, и прыгай за спины зверюг. Беги чуть левее, тебя не будет видно. Надо будет отвязать и дождаться Сергея с Катей. Смотри, чтобы все было готово.

— А нам когда? — спросил Серега.

По мне так, можно было идти прямо сейчас — никого в округе не было.

— Жди нужного момента, затем хватай Катю и тащи к ящере. Я подам знак. Ты поймешь.

Ева не стала долго раздумывать и убежала сразу же. Легкое волнение спустя пару минут среди ящеров подсказало, что она на месте.

Шэнли избегал моего взгляда, постоянно осматриваясь по сторонам.

К нам по-прежнему долетали чужие голоса, треск деревьев и гул пламени.

— Я пошел, — Шэнли кивнул Сереге. — Жди сигнал.

Он развернулся, чтобы скрыться среди зарослей, но я успела зацепить кончики его пальцев.

— Шэнли... — выдохнула.

Мне так не хотелось его отпускать, душу рвало на части, отчего тряслись губы, и жалкие слезинки скользнули по щекам.

— Ты чего? — он обреченно вздохнул и развернулся ко мне. — Все будет хорошо. У меня все продумано.

Он положил свою широкую ладонь на мою щеку, мы соприкоснулись лбами. На мгновения я прикрыла глаза и сделала глубокий вдох, словно пытаюсь вобрать в себя часть его уверенности и силы.

— Мне пора.

Он подарил мне легкий поцелуй в губы и скрылся в зарослях.

Наши поцелуи приносят нам одни несчастья.

— Черт! Надо было его просто отпустить. Кажется, я становлюсь суеверной.

Прижала ладони к груди и села, опустив голову, уставившись на свои колени.

— Прорвемся, — Серега хлопнул меня по плечу.

Глава 22

Я повернулась к Сереге, тот уже заметно волновался и творил вокруг себя безобразие, обрывая листья и вырывая траву.

— Как ты думаешь, какой сигнал нам подаст Шэн, — не выдержала я долгого молчания.

Серега ничего не ответил, просто пожал плечами.

Ожидание вымораживало, мы сидели уже почти десять минут, и ничего не происходило.

— Думаю, нам стоит дождаться Шэнли здесь...

Серега по-прежнему мучил зелень и ничего не отвечал.

Я обижено скрестила руки на груди и тоже замолчала, но ненадолго.

— Как думаешь, Ева успела подготовить ящера для Шэнли.

И тут чуть в стороне раздались крики, и началась непонятная суета, Серега напрягся и выглянул из кустов. Я последовала за ним.

Казалось, все шакалы собрались вместе и сейчас старательно кого-то окружают, в противоположной от нас стороне, но не так далеко, чтобы ничего нельзя было рассмотреть.

Все десять человек шли медленно, друг за другом. Неожиданно один из них решил провести марш-бросок, вырвался вперед, но тут же отлетел с кинжалом в левом глазу.

— Боже... — прошептала и закусила мизинец.

С таким же успехом закончились еще несколько попыток пробраться к ... Шэнли? Теперь в дело пошли камни, но они почти не приносили Шакалам вреда.

На ногах оставалось четверо, включая уже знакомого нам Эда, когда Шэнли проделав неуловимый для глаза кульбит выпрыгнул от куда-то с боку и, сразу повалив одного из противников, попав коленом в грудную клетку.

— Быстрее, остолопы! — донесся до нас звук, словно из-под воды.

Ева, сидя верхом, видимо не дождавшись нас у стоянки, подъехала сама.

— Быстро! Руку! — кричала она.

Я посмотрела на Еву, в ее глазах стояли слезы, и тогда я поняла.

Перевела взгляд на Шэнли. Его взяли в кольцо, у него была рассечена бровь и половина лица залито кровью, он припадал на одну ногу, но в одной из его рук был зажат странный блестящий в отблесках пламени камень.

— Я не пойду, — проговорила, начиная отползать назад.

— Катя! — заорал Сергей. — Его не надо ждать. Он сам так решил.

— Я не пойду, сказала!

Сергея попытался схватить меня за руки, но я довольно успешно принялась отбиваться, почти не глядя. Один раз попав Сергею в глаз.

— Отстань. Мы не бросим!

Орлов на этот раз как-то ловко увернулся от моих хаотичных ударов, поймал мои руки, перекрестив за спиной, и в таком виде забросил на сиденье.

— Пусти! — билась я.

— Сиди спокойно. — он надавил на спину, и мне пришлось затихнуть, еще чуть-чуть и будет вывих.

Пришло успокоиться.

Я задрала голову, насколько это позволяло мое положение, и пыталась рассмотреть силуэты. Шэнли отступал к горящему оазису. У него осталось всего два противника, хотя третьей уже поднимался. Они не торопились бросаться на него, постоянно что-то говорили, а Шэнли на все их слова отрицательно мотал головой, и демонстрировал зажатый в руке камень, словно отпугивал им злых духов. Мне были слышны заглушенные рыдания Евы и молчаливая скорбь Сергея. Он в какой-то момент расслабил руку на моей спине, и я тут же нырнула вниз. Благодаря плавному и неспешному шагу ящера, упала вполне удачно.

— Куда?! — воскликну Сергей и принялся быстро что-то втолковывать Еве, та отрицатели качала головой.

Да и я время зря не теряла, бежала на все парах назад к оазису. Мы отъехали не так далеко. Ева решила ехать медленно, почти скользя, чтобы меньше привлекать внимание.

На месте стоянки почему-то оставался только один ящер. Для Шэнли — поняла я.

Кто не рискует, как говорится... Чем не лошадь.

Я быстро вскарабкалась на загривок животного, взяла в руки узды и замерла.

— НО, что ли?

Животное осталось стоять, и тогда я разозлилась.

— Тупое существо! — воскликнула и от души треснула его по спине, так, что зазвенела рука и, я перестала чувствовать свою ладонь, а ящер взвизгнул и сдвинулся с места. Получилось пустить небольшой силовой импульс, вряд ли от простого удара по плотному чешуйчатому телу была бы такая реакция. Ну хоть какой-то бонус к статусу Хранительницы.

Кажется, на ящера я определенно произвела впечатление, и сейчас стоило только потянуть повод вправо, он сразу разворачивал неповоротливое тело куда нужно.

Оазис стал напоминать громадный пылающий костер. Языки пламени рвались вверх, в объятиях густого дыма, от огня чернели, ломались и погибали деревья, при каждом падении издавая приглушенный страдальческий стон.

Я проскакала по рубежу между песком и пламенем, от жары вся правая часть тела начала щипать: пришлось прикрывать лицо рукавом, по спине уже бежали струйки пота.

Как же страшно всматриваться в этот адский костер, было такое ощущение, что убивают мое творение, мое детище, мою картину, в которую, при написании, вложила не только талант, но и душу. Я и не смотрела. Больно и страшно до оупения. Но все эти чувства затмевало одно — ощущение ускользающего времени. Мне не хватало каких-то секунд. Вечная охота за Белым Кроликом, как по Алисе в Стране чудес.

Обогнув одну сторону оазиса, увидела Шэнли, пришлось поторопить ящера. Он балансировал на самой грани огненного ада, что-то говоря надвигающимся на него убийцам, показывая на блестящую, черную сферу в его руке. Тянет время. Идиот. Неистовое биение сердца отсчитывало не секунды, а какие-то доли секунд, и это биение заглушало все вокруг. Ящер был слишком медленным. Шэнли с Шакалами были слишком далеко. Всё вокруг было слишком!

Такими темпами меня догонят и обгонят Ева с Серегой — уже слышались за спиной их тихие переругивания.

План был прост: я неожиданно выскакиваю перед Шэнли, между ним и его противниками, он запрыгивает на ящера сзади меня, и мы быстро скрываемся в голубой дали.

Направила в зад ящера еще один импульс, он взвизгнул и наконец ускорился.

Пока нас не замечали — все шло, как надо. Да и где в таком мареве пожара что-то рассмотреть, тут кое-как получается глаза держать открытыми. Копоть, дым, пот, слезы — приходилось постоянно протирать лицо рукавом рубахи. Плевать на жжение и неприятный зуд.

Неожиданно Шэнли споткнулся и уставился на меня страшным, испуганным взглядом, это придало мне сил, но и привлекло все внимание ко мне.

Между нами оставалось около двадцати метров, когда один из Шакалов бросил в мою сторону что-то на подобии короткого копья, у меня получилось увернуться, и оно пролетело в нескольких сантиметрах над головой.

Подстегнула ящера и тот ускорился, нам предстояло пробежать совсем близко к пламени.

— Пшел! — пнула ящера в бок.

Несколько секунд не могла собраться с духом и приподнять голову, ящер шел куда-то на свое усмотрение, я ощущала его подвижное тело подо мной, ощущала свою неуверенность, всепоглощающий страх, дрожь тела.

Но что я могла сделать?! Говорят, удача любит смелых.

Резко выпрямилась — мы продолжали движение в сторону Шэнли.

Что произошло дальше не поняла. Моргнула, и тут же что-то вроде камня или металлического диска промелькнуло перед носом и неудачно врезалось в грудь. Меня сбросило со спины ящера, и я кубарем свалилась на песок. Резкая боль в плече, на которое пришлось мое приземление, и сбившееся дыхание. Корчась от боли и от невозможности сделать элементарный вдох, плюс к горлу подступил комок непролитых слез — все шло не так.

Перевернулась на живот, что позволило мне немного осмотреться вокруг. В отблесках пламени видела, как ко мне несутся Ева и Серега: Ева прикрывает рукавом лицо, а Серега держит в руках какую-то палку. Шэнли, заметив меня, начал осматриваться, видимо, решая что предпринять.

Собрав остатки решимости, соскребла себя с земли и поднялась. Дыхание еще не

восстановилось, но пролившиеся из глаз слезы принесли небольшое облегчение. Слегка прихрамывая я рванула к Шэнли.

Шакалы удовлетворившись тем, что выбили меня из седла, оставили в покое, сосредоточив свое внимание на Шэнли. Тот из них, который Эд, заряжал неведомую для меня штуку и дерзко ухмылялся.

Неожиданно одному из них в плечо прилетела палка, это Сергей и Ева добрались на достаточно близкое расстояние. Ева с диким воплем бросилась на мужчин, в руках она держала камень, Сергей на бегу подхватил еще одну палку и замахнулся для броска.

Господи, на что они рассчитывают? Неожиданно до меня дошло — они отвлекают внимание.

Мой ящер ушел недалеко, лишившись наездницы. И я было рванула к нему, пока не заметила, как серебристый диск летит в сторону друзей, и попадает Евке в грудь — и та с громким всхлипом падает и больше не двигается. Стрелявший срывается с места и бежит на Серегу, в его руке блестит кинжал, а Сергей по-прежнему с палкой несется к нему навстречу; второй противник бросается к Шэнли, тот ловит мой взгляд, успевает грустно улыбнуться, отшвырнуть темную сферу прямо в пылающий огонь за спину и встречает противника ударом в солнечное сплетение.

Я не знаю, что делать, меняю траекторию и бегу к дерущемуся Шэнли. Закрывать, сохранить, сберечь... Перед глазами до сих пор стоит прощальная улыбка...

Со стороны зелени начинает нарастать сильный треск, такой громкий, словно где-то рушится многоэтажка.

Шэнли резко, из последних сил, отбрасывает от себя бугая и бросается ко мне навстречу.

— Беги, Катя!

Мгновением его прыжка можно измерить сразу несколько событий: бугай догоняет Шэнли метким броском ножа в спину, Шэнли валит меня на песок, в уголках его губ видны капли крови, Серегу скручивает шакал и заворачивает его руку за спину — и всех нас накрывает огненная волна. Шэнли в последний момент накрывает меня собой и целует в губы, я чувствую металлический привкус крови на языке.

Глава 23

Из темноты меня выбросил свой собственный болезненный стон. Попробовала пошевелиться и не смогла: кто-то туго перебинтовал правое плечо, примотав руку к груди. Через какое-то время упорных попыток, получилось почувствовать остальное тело. Пришлось потрудиться, чтобы разнять отекавшие и занемевшие пальцы.

Да и вообще все тело было словно чужое, совершенно не слушалось, а это означало только одно — в такой позе я провела не один час.

Помещение, в котором я очнулась, было темным. Лишь небольшой луч света пробивался из-под входной двери, которая располагалась напротив кровати, еще виднелся шкаф, комод и небольшой столик.

Соображать получалось плохо и в один момент показалось, что все произошедшее привиделось, и я очнулась в своей комнате, куда сейчас войдет папа и скажет: «Опять свалилась с дерева, моя маленькая обезьянка! Говорил же...»

Получилось перевернуться на спину и уставиться на мутный силуэт входной двери.

С моим зрением творилась какая-то ерунда. В глазах то и дело мелькали черные мушки и пробежали белые зайчики.

Один из таких зайчиков медленно спускался с потолка прямо на мою перебинтованную грудь. Он привлек мое внимание, ведь не спешил исчезать, как все остальное, что я видела.

— Чик! — проговорил белый шарик. — Фе! Шу-у-у!

— Господи! — проговорила всхлипнув. — Мне это не приснилось.

Горький стон вырвался из груди, из глаз побежали слезы. Было плохо и больно понимать, что это никакая не моя комната, не моя планета, не мой мир, иллюзная надежда рухнула.

— Не хочу, не хочу... — шептала, мотая головой из стороны в сторону. — Верните меня назад.

Воспоминания нахлынули потоком и не хотели испаряться, как бы я этого не хотела и не молила.

Не знаю, но кажется, если бы мне хватило сил подняться с кровати и выбежать, я бы добежала до ближайшего окна и...

Ко мне никто не спешил приходить, успокаивать, уговаривать, угрожать, похищать и постепенно я вымотала саму себя. Слезы уже не душили, позволяя уставшему мозгу немного успокоиться. Лишь жжение в глазах и редкие всхлипывания напоминали об прошедшей истерике. Мне до сих пор было плохо. Мир словно выщвел, стал черно-белым, а уголки губ, кажется, никогда больше не смогут растянуться в радостной улыбке. Да и зачем мне улыбаться? Из-за меня погибли все мои близкие. Из-за моего эгоизма и глупости. Но больше всего меня отравляло сейчас то, что, если бы был выбор, я поступила бы так же.

Спина затекла, и я перевернулась на левую, здоровую, сторону тела. Правая рука уже выпуталась из плотной повязки во время моей бурной истерике. Ей я вполне могла шевелить, медленно и сквозь боль, но могла.

Положила тяжелую голову на бок, руки вытянула перед собой. Удивительно, но в моем новом, черно-белом мире, я стала лучше видеть в темноте. И сейчас отчетливо видела рисунок огненных лепестков, который поднимался от ладони и выше, пропадая под рукавом.

Меня вновь начало трясти. Ненавижу!

— Фсе-е-е! — на мою ладонь приземлился говорун.

— Привет... — прошептала, осторожно погладив пушок на его спинке.

Одуванчик, серый мех с белыми кончиками окружал птичку светящимся ореолом, словно за маленькой серой тучкой спряталось солнышко.

— Фе-е-ен шюуй! — пропищал малыш, легко клюнув мою ладонь и уставился на меня своими умными глазками-бусинками.

— Да, малыш, — устало проговорила, — ветер все еще дует, а где-то даже светит солнце...

— Приии..., - пропищал комочек и распахнул веером крылышки с хвостиком.

— Красавец, — мне сначала показалось, что он красуется, но, как оказалось, я совсем не понимаю по-птичьи.

— Феее... шуууу! — птенчик пропищал и приподнялся на своих тонких ножках, словно пытался оторваться от моей ладони, качнулся туда-сюда, но у него ничего не получалось.

— Думаешь, надо попробовать встать, — мои глаза уже закрывались. — Тебе я помогу.

Дунула на пушистого парня так, что он вспорхнул над ладонью, и его унесло куда-то за кровать.

Прикрыла глаза и начала проваливаться в сон, как услышала: в комнату с противным скрипом открылась дверь.

Ярко вспыхнул свет. Послышались шаги и приглушенные голоса, дверь осторожно захлопнулась. Я не спешила открывать глаза, лежала не шевелясь в той же позе. Надеюсь, маленький говорун успел скрыться с виду.

— Поднимай ее!

Моя спина, предчувствуя беду, напряглась и не зря. Меня подхватили подмышки две сильные руки и резко сдернули с кровати. Покачнувшись я устояла на ногах, лишь вздернула подбородком и посмотрела наглым взглядом.

Что эти твари еще могут мне сделать, а?

Я знала кого увижу перед собой — псевдо-хранительницу и ее прихвостней. Но первое, что бросилось в глаза, это не сверкающий наряд и не стервозный взгляд этой гадины, а одежда, в которую были облачены ее сподручные, — она полностью соответствовала тем шакалам, которые напали на нас и спалили оазис.

— Р-р-р-р... — бросилась вперед, не прибью, так подрихтую холеное личико. Ненавижу!!!

Не получилось, к сожалению. Меня слишком крепко держали.

— Ну, что ты, лапочка? — эта мерзавка подошла совсем близко и приподняла меня за подбородок. — Не стоит так убиваться. Сегодня все закончится.

Я вновь дернулась, чисто из упрямства и желания вырвать свой подбородок из ее пальцев. Получилось, она не стала меня удерживать, лишь издевательски хмыкнула.

— Тащите ее в подвалы! — повернулась ко мне спиной и направилась к выходу. — Надо привести это убожество в порядок, а то я брезгую.

Перед тем как скрыться в дверном проеме с глаз, она еще раз осмотрела меня пренебрежительным взглядом и вышла.

Стерва!

— П-шла, — меня подтолкнули в спину, от чего я едва не свалилась на пол.

Что тут говорить: самостоятельно идти я была не в состоянии, и этим шакалам пришлось меня тащить — вот и поделом.

Меня пронесли, а точнее неаккуратно протащили, по длинным коридорам, кое-где висели гобелены, мечи, рыцарские доспехи.

Но больше меня поразили гобелены. Не то чтобы ими можно было удивить студентку исторического факультета, просто, они были выцветшими, местами стертymi до нитей, но были, и висели не для каких-то бытовых целей, как в том форпосте для выживания, а для украшения.

Еще несколько похожих коридоров, лестница вниз и странная, наполненная удушающим паром, купальня.

Меня встретили несколько девушек в скромных, полностью прикрывающих тело и волосы серых платьях.

Они молча указали моим конвоирам на низкую лавку, стоящую у стены. Через мгновение я уже сидела на ней и удивленно осматривалась вокруг.

Комната казалась прямоугольной и большой, сквозь пар в центре был виден силуэт странной печи — до меня доносилось ее низкое гудение. Несколько круглых, на вид медных, тазов стояли вокруг этого странного сооружения, кажется, в них нагревалась вода. Лавок было немного и они все были расставлены по периметру помещения.

Девушки-купальщицы осторожно принялись меня раздевать. Я все еще была в своей старой рубашке и брюках, правда обуви на мне не наблюдалось. На рубашке была кровь.

Странно, что я раньше на это не обратила внимание. Хотя куда мне... Первой неудачнице этого мира.

От девушек не чувствовалась агрессия или негативные эмоции, и я молча терпела. От влажного воздуха кожа стала зудеть, а местами и щипать.

— Вас ожидает ритуал передачи... — неожиданно начала говорить одна из девушек.

— Мира, ты что... — некоторые зашикали на нее, но она продолжила натирать мою руку напеченной губкой.

И тут я вынырнула из своих мыслей и обратила внимание на купальщиц. Не знаю. Но мне было проще отрешиться от действительности и принимать все, что происходит с моим телом лишь краем сознания. Ко мне уже поднесли несколько исходящих паром тазов и пять девушек, раздев меня до нога, натерали пенной водой.

— Будет передача магии. — вновь сказала та самая девушка. Она была худой и какой-то серой, на меня глаз она не поднимала, впрочем, на меня здесь никто не поднимал глаз. — Говорят, это больно. Мы натрем вас специальными притирками... они облегчат.

— Что ты знаешь, — сквозь зубы протянула, — говори!

— Ваша кожа должна отторгнуться...

— Тихо... — прошептал кто-то из купальщиц и меня вновь окружила тишина. В комнату вошла, даже вплыла, статная женщина. Она несла себя величественно, ее красное платье, видимо, из шелка при каждом движении обтекало худое тело, золотая лента через плечо — думаю, показатель статуса. Уж слишком была заметна разница между девушками и ей.

Она остановилась чуть в стороне и принялась наблюдать. Вуалеристка какая... Девушки под ее взглядом как-то сразу уменьшились и скукожились, я же наоборот распрямила плечи и вздернула подбородок, несмотря на прострелившую боль в плече — на моем лице не дернулся ни один нерв, ни один мускул. Я вела какую-то непонятную войну внутри себя. Кажется, что битвы шли одна за одной и только в моей голове. Другим же со стороны казалось, что я уже окончательно сдалась.

А я сдалась?

Меня готовят к ритуалу. Это надо быть чайником, чтобы не догадаться, что «отторгнуть» планируют мои рисунки, и я даже знаю, кто с удовольствием возьмет на себя роль хранительницы, вместо меня.

— Масло не использовать! — отдала команду эта мадам и развернувшись на пятках, поплыла из купальни.

После ее ухода девушки больше не спешили со мной заговаривать.

Лишь раз, уже после купания, когда меня на сухо вытирали, используя для этого большие полотна ткани, девушка, которая ранее не побоялась поделиться информацией, попыталась сказать: «Девочки...», но ее быстро оттеснили от меня.

В итоге на меня нацепили длинную рубаху, которая доходила до самых пят, дали странные тапочки, хорошо, что они фиксировались завязками на щиколотках.

Через миг меня уже вели под руки стражи.

Глава 24

Мы передвигались длинными каменными коридорами. Я не сопротивлялась. Меня, наоборот, захватили трепет и некое ощущение, что все идет так, как надо.

Ритуал! Легко! Снимайте с меня скальп, кожу, что они там еще планируют... Уроды...

Вера, что ничего у них не получится надежно обосновалась в душе. Обосновалась, но

мигом покинула насиженное место, когда меня ввели в большой зал для ритуала. Это было понятно сразу. Позолоченные стены сияли от свечей, огромная купель под ногами с какой-то странной светящейся водой, ее цвет был неоднородным, словно там не вода, а разные виды масла или эпоксидная смола — краски смешивались и вновь проявлялись. Это было завораживающее зрелище, даже гипнотическое.

На миг оторвавшись от созерцания жидкости, осмотрелась вокруг. Здесь повсюду стояли нарядно одетые люди, мужчины и женщины. Женщины в легких платьях с широкими завязками под грудь, мужчины же, словно явились на бал к Николаю II, были облачены в форму на которой было все: звезды, ленты, ордена. В общем, оделись по праздничному протоколу.

Время шло, меня поставили перед бассейном, через который был перекинут мостик, странно, что я его сразу не заметила. По идее, все действие должно проходить по другую сторону от воды, там виднелся какой-то алтарь, лежали странные атрибуты и ходили девушки в жреческих одеяниях: их лбы были перетянуты черной лентой, да и одеты они были в черную рубаху, почти как у меня, только... Думаю, им все-таки выдали нижнее белье. В таких только ритуалы и проводить

Надеюсь. Я сейчас выглядела так, как и хотела — величественно, осматривающая все происходящее вокруг с легким пренебрежением, выглядеть жалкой, после всего — уже не могла себе позволить.

Что же я чувствовала на самом деле? По сути, ничего. Наверное, я в какой-то момент перегорела. И, честно, гореть больше не хочу. Не хочу. Я выполню все, что мне выпадет на долю, но не более. Мы попали в этот мир с Орловым, моим другом, веселым и иногда совершенно несерьезным — его не стало. Ева милая и решительная девочка, она следовала своим идеалам, хотела вернуть миру хранителя и возродить его. Шэнли... каждый его поцелуй заканчивался катастрофой, но каждый остался напоминанием о нем.

Я пережила предательство, гнев, страх, смерть. Что же у меня осталось?

После каждой мысли, после каждого воспоминания мои плечи распрямлялись, подбородок каменел в гордой позиции, я даже видеть стала иначе. Какие они все жалкие. Те, кто сейчас меня окружает с наполненными бокалами. Боже, они пришли повеселиться, разделить минуты триумфа со своей госпожой.

Ну, знаете ли... Меня зовут Катя, и я попала на ваш праздник жизни неслучайно. Словно незримой поддержкой на теле вдруг ожили рисунки, они слегка покалывали и делились теплом.

Все представление началось с движения на другом берегу. Появились девушки в легких струящихся платьях и с золотыми лентами на лбу. Там, я не поняла, кто из них кто.

Вышла строгая статс-дама, мы с ней не так давно виделись в купели.

А вот после нее: плавно неся себя между девиц на свет вышла псевдо-хранительница. На ее лице играла загадочная улыбка, глаза горели фанатичным огнем, но особо хочу отметить она была облачена в белую рубаху, почти как у меня только с перламутровыми пуговицами. Шучу, там не было пуговиц, — шнуровка.

Девушки в черном накинули на голову темную вуаль, девушки в золотом — белую. И весь этот ансамбль выстроился в две шеренги, разбившись по цветовому признаку.

Кикимора (думаю, понятно кого я имею в виду) прошла мимо, бросила на меня странный взгляд и направилась к алтарю.

Девушки-жрицы, отвесив небольшой поклон, направились в мою сторону. Нас разделял

мост шириной около метра, но они довольно ловко и неуловимо его пересекли и оказались рядом. Справа девушка в черном подхватила меня под руку, осторожно вытянув ладонь вперед, слева девушка в золотом повторила ее жест.

О, да это действительно какой-то серьезный ритуал!

Итак, меня сопровождали две девушки по краям, остальные шли следом, слегка склонив голову.

Мы пошли по неверному мосту, он оказался довольно хлипким — от каждого шага его заметно прогибалось, затем остановились чуть в стороне от алтаря, около которого сейчас и проходило основное действие.

Псевдохранительница развернувшись к купели передом к алтарю спиной, возвела горючие в потолок, туда же подняла руки да так и замерла. Статс-дама подошла к ней со спины и начала бормотать какие-то слова.

До меня доносилось что-то вроде:

«Отрекающаяся от даров этого мира Катерина и принимающая дары этого мира Мириам...» чего-то там...

Ну в общем, все понятно — что и требовалось ожидать.

Под это бормотание с Мириан (как я поняла, зовут эту амбициозную леди) начали медленно стаскивать рубаху, которая плавно скользила вниз по гибкому загорелому телу, обнажая все пикантные подробности. Пошла тема восемнадцать плюс, всем впечатлительным и несовершеннолетним прикрыть глазки. Оглянулась на присутствующих — здесь таких не оказалось: ни впечатлительных, ни малолетних. Некоторые, напротив, очень даже увлеченно прихлебывали что-то вроде шампанского из бокалов, в которые, возможно, стекала тонкая ниточка слюны — это я про мужчин.

Пф... — перевела взгляд на обнаженку.

Рубашка неровной лужицей лежала у ног девушки, но она по-прежнему держала позу «призывающего дождь».

Ритуальная тарабарщина между тем подошла к концу, жирной точкой стала фраза «... да будет так!»

За время чтения к происходящему присоединились еще два действующих лица в костюмах жриц, которые осторожно, используя кисточки, намазали главную героиню этого представления каким-то маслом и теперь она стоит вся такая блестящая и масляная, но позу так и не сменила.

В какой-то момент, не удержалась, и взглянула вверх, но ничего особенного, кроме отражения не увидела. Потолок был из темного глянца и прекрасно отражал происходящее безобразия. Ну что ж, кое-что это может объяснить, например — как Мириам удается так долго концентрировать внимание на нем.

Особо хочется отметить девушек с кисточками, ведь большую часть времени я рассматривала именно их. Сказать, что они были одеты как-то не так — не скажу — одежда была такая же. Только они выделялись своим контрастом: одна высокая, под метр восемьдесят где-то, и худощавая, а другая маленькая и очень быстрая. Именно вторая крошка и выполнила большую часть работы, пока первая шпалина медленно водила по спине. От этого вида такое странное чувство поселилось в душе, что пришлось сдержать всхлип внутри и сконцентрироваться на сохранении безразличия. Наверное, это предчувствие нехорошего.

Ничего, Катюха, крепись!

Постаралась вновь сосредоточиться на происходящем.

Теперь на голову обнаженной хранительницы торжественно водрузили золотой венок, затем довольная гримза поднесла к ней широкий поднос и старательно дунула, в сторону обнаженной красавицы полетело пыльное золотое облако; темные волосы тут же покрылись легким блестящим налетом, и тело начало еще больше золотиться. Кажется, народ восхищенно вздохнул и больше не смог выдохнуть, растянулось такое ощущение, словно все замерло.

На плечи Мириам накинули легкую накидку, а в руки дали уже знакомый мне лист из моей книги, последний лист. Стоимостью этого листа я когда-то оценила жизнь Шэнли.

Мириам теперь улыбалась всем. От нее буквально фонило уверенностью и чувством превосходства. Каждый шаг медленно ее нёс ближе к купели и, когда она неожиданно бросила лист в воду, я дернулась, но меня удержали крепкие руки. О да, меня ни на секунду не выпускали из виду, несмотря на все происходящее вокруг. Я даже в какой-то момент расслабилась и забыла, где нахожусь и что я тут схожу за жертвенную овцу.

Меня держали крепко за предплечья, пока я пыталась вывернуться из захвата — лист тем временем уже погрузился на дно, лишь раз блеснув в свете свечей золотым боком.

И тут я сдалась. Пошло оно все! Начала вырываться и пробовать лягнуть, но меня скрутили и медленно поволокли в сторону купели.

Паром обдало лицо, и только сейчас я заметила, что вода кипит. Вся купель теперь была похожа на кипящую кастрюлю.

Мариам улыбалась, чертова садистка, она переместилась на мостик, по которому не так дано шла я, и с распростертыми над водой руками была похожа на ведьму.

Увидев испуг в моих глазах, Мариан расплылась в улыбке.

«Да чтоб ты лопнула от радости!»

— В купель ее! — отдала она приказ и меня потащили в воду.

— А... — воскликнула я, но мои силы были не равны, и меня уже подталкивали к воде.

Я почувствовала, как загорелось лицо.

— Я не пойду...

Упиралась стоя на самом краю этого небольшого водоема, еще шаг и получится из Кати наваристый бульон.

— Да не сопротивляйся ты, дура!

Послышался со спины знакомый голос, даже мое сопротивление как-то схлынуло, и в этот момент, кто-то ловко подставил мне подножку и я, развернувшись в воздухе, спиной вперед, полетела в бурлящую воду.

Голос! Ева! Боже, надеюсь мне не послышалось.

Глава 25

Ожидая боль, беспощадную от резкого погружения в кипящую воду, я смотрела во все глаза на отдаляющиеся силуэты моих родных друзей. Легка щекотка радости, поселившаяся в душе, казалась неуместной. Мне оставались считанные секунды перед погружением. Но время словно замерло, часы остановились, при этом сердце продолжало отбивать свой неестественный, испуганный ритм.

Интересно сколько будет длиться боль? Секунда, две, а может несколько минут адской боли...

Пока хаотичные мысли роились в голове, я уже преодолела прегду в виде поверхности с кипящей водой и огрузилось. Но боль так и не пришла. Ощущение, словно я спрыгнула с самолета — бесконтрольное падение в пространстве.

Надомной бурлила поверхность, были видны расплывчатые фигуры жриц, Мириам, стоявшая на мосту, кажется, она что-то пафосно вещала — ее руки вновь обращены были к небу.

Конферансье вещает — цирк продолжается.

Странное свечение привлекло мое внимание, отвлекая от поверхности. От моей кожи начали отставать полупрозрачные нити в виде фантомов моих рисунков. Бросила быстрый взгляд на руку, где еще несколько часов назад красовался рисунок огня, сейчас остался едва заметный серый след, а сам огонь пархал словно дымка вокруг меня.

Рисунки действительно стирались. Ритуал в действии. Провела кончиками пальцев по чистой коже. Еще совсем недавно меня раздражало то, что именно я стала носителем этих способностей, а сейча я ощущаю целую гамму чувств, но главное из них — сожаление. Сожаление, что не приняла и, быть может, не поняла до конца, какой подарок мне сделала судьба.

— Нет, нет..., — интенсивно принялась растирать почти очистившуюся кожу. Но тут же замерла: это ведь шанс вернуться домой, теперь я буду не нужна миру.

Я парила и мне казалось, что я попала в какое-то загадочное место.

Вокруг меня кружили расплывшиеся силуэты, а я лечу в водяном пространстве, наблюдая их забавную игру.

Мне не требовался воздух, мне не было горячо — наверное, в такие моменты и начинается искренняя вера в существование чего-то сверхъестественного и более могущественно, чем жалкое существование одного человечка. Это как пытаться представить, что вселенная бесконечна, и что при всем своем воображении мы, люди, можем ухватиться лишь за кончик этой нити.

Небольшой всплеск привлек мое внимание, чуть в стороне от меня что-то большое упало в воду. Тело Мириам окружало множество пузырей, образовавшихся в результате ее прыжка, и когда они немного разошлись она показалась прямо передо мной во всем своем великолепии: волосы разметались, накидка слетела и теперь медленно, словно скат, поднималась к поверхности. Женщина казалась золотой статуей, которую сбросили в океан.

Ощущение нереальности продлилось недолго, через миг ее лицо исказила маска боли, кожа начала краснеть и покрываться мелкими волдырями, ее руки, словно жили своей собственной жизнью, то хватались за горло, то неистово взбивали воду вокруг, а глаза жадно рыскали по сторонам не находя себе мишени, за которую можно зацепиться. Всплывать она даже не пыталась.

Это длилось каких-то пару секунд, пока по воде не прошла волна света. Свечение, в ореоле которого все это время находилась я, стало меркнуть, а плавающие рисунки тонким ручейком полетели в сторону Мириам. И чем дальше они от меня отдалялись, тем хуже становилось мне.

Дыхание перехватывало, вода начинала пощипывать кожу, попробовала всплыть, но у меня не получалось. Решила двинуться в сторону Мириам следом за свечением. Широко загребая руками и интенсивно работая ногами, но я словно стояла на месте.

Тем временем с Мириам происходило нечто странное, сияние уже подплыло к ней и начало окружать. Ритуал начал действовать.

Могла бы, разрыдалась. Мириам же заметно расслабилась и блаженно прикрыла глаза. Ее уже окружил золотой кокон, она плыла в пространстве словно какое-то божество. Мне даже начало казаться, что тени татуировок начали проступать на ее руках, но тут

неожиданно она вздрогнула всем телом и вновь беззвучно закричала — я отшатнулась.

Боже, что с ней происходит?

Кожа, в местах соприкосновения с золотыми узорами, начала бугриться и отслаиваться. Она резко распахнула глаза и меня окунули в океан ненависти и бешенства. Ее абсолютно нечеловеческий взгляд. Такие глаза я видела, разве что у ящериц.

— Аааа! — заорала и теперь упорно погребла назад, стараясь как можно больше увеличить между нами расстояние, но у меня и это плохо получалось, в отличие от Мариам. Она гребла ловко, быстро сокращая между нами расстояние.

Мое сердце колотилось, словно у зайца за которым гонится хищник. Мне не сбежать. Клянусь, в какой-то момент в ее лице я рассмотрела страшные звериные черты: рот словно криво повело, уголки губ разъехались, обнажая острые клыки, на скулах свисали остатки плоти, под которой была видна чешуя.

Она резким движением схватила меня за шею и крепко сдавила.

— Кех... — вырвалось с последним выдохом.

Я не видела ничего, кроме ее нечеловеческих глаз. Они словно в душу смотрели. И что они хотели там увидеть?

— Жалкая... мелкая... убогая...

Гулко раздалось у меня в голове.

— Трусливая... недостойная.

Я вцепилась в ее руку, державшую меня за горло, но все было бесполезно.

— Все вы людишки такие. Пришли на эту планету, возомнили себя хозяевами...

Она сильнее сжала мое горло, кажется, там что-то начало хрустеть, а в глазах темнеть.

— Смотри, смотри за что ты сдохнешь...

Перед глазами проносились картинки безликой пустыни, затем странного вида корабль чем-то напоминающий дирижабль, люди в скафандрах...

Женщина в космическом костюме, которая стоит на дюне и что-то шепчет, подняв руки к небу. Ее волосы до этого трепал сильный ветер, теперь, словно успокоившись, он мягко опустил эту золотую волну на плечи и спину, затем девушка к кому-то поворачивается и радостно кричит. У неё получилось!

Далее всплывает странное поселение ящериц, кое-где уже видна трава. Ящерицы были человекоподобными, но сейчас они умирали... И поселение больше напоминало могильник.

— Мам... — раздалось в голове шипение, и я увидела рядом с собой маленького ящерека. Из его пасти свисал абсолютно сухой язык, а безвольные лапы были сложены на груди. Белесая пленка уже затягивала веки. — Ма... — смог прошептать он, и я почувствовала боль.

— Вы всех убили! Мелкие, эгоистичные тварриии...

У меня получилось приоткрыть глаза, и теперь я видела боль. Те люди не просто поселились на этой планете, они ее изменили, сделав не пригодной для проживания коренных жителей.

— Девять дней... Все племя... А ты и столько не проживешь.

Она зло приложила меня спиной об край купели.

И тут я заметила, что рисунки вновь вернулись на мою руку, и теперь ничего у этой ящерицы не получилось.

Это словно придало мне новых сил, вселило уверенность. Получилось вывернуться и упереться ногой в ее стальной живот. Это то, что меня спасло, — раз и оттолкнула Мариам

и всплыла на поверхность, словно сама вода мне помогала и я вынырнула не хуже русалочки Ариэль из мультика, и тут уже не подкачали мои помощники — подхватив подмышки и выдернули на бортик.

— У тебя получилось, — довольно проговорил Серега, помогая прийти в себя, постукивая ладонью по спине.

От этих слов меня обдало облаком радости, и я бросилась другу на шею. Жив, гаденьш!

Серега, мой дорогой. Пусть он сейчас и с кокетливой, дамской вуалью на голове, и в платье, и с синяком на половину лица, главное — живой, главное — рядом!

— Осторожно, коза. Я еще не до конца восстановился.

— Тихо вы, — шикнула Ева, толкнув меня в плечо.

На удивление, к нам никто из окружения Мириам не спешил, они все словно сдулись, стояли в стороне и смотрели, никто уже не пил и восторженно не охал. Пробежалась по ним пристальным взглядом — вроде, запомнила всех. Мой интерес не остался не замеченным, многие зашевелились и потянулись к выходу. Ничего, пусть бегут — дальше планеты все равно сбежать не получится. А кто у нас хранительница планеты? Правильно, Я!

Пусть Серега был рядом, Ева тоже крутилась тут, жрицы все, как одна, стояли у стенок на коленях, вот только Мириам не спешила выныривать из купели. Вода все это время бурлила и теперь больше напоминало содовую в бутылке. Множество пузырей, пена на поверхности — ничего сквозь нее не разглядеть. Хотя, мне иногда казалась, что я улавливала мечущуюся тень в глубине.

В какой-то момент мне надоело выжидать, и я отошла в сторону. С задумчивым видом рассматривала это странное помещение. Теперь, когда отсюда убрались лишние люди, оно не казалось таким торжественным: позолота поблекла, каменные стены стали просто серыми и никакой мистики в них не оказалось. В задумчивости прошлась по помещению, заглянула в одну из внутренних комнат, за плотной ширмой нашла двух связанных девиц в нижнем белье. Кажется, теперь я знаю, откуда у Евы с Сергеем взяли наряды. Ничего предпринимать не стала — посидят связанными, ничего страшного с ними не случится.

Заметила несколько знакомых лиц из нашего сопровождения, когда был еще Шэнли — в груди привычно заныло. Тут же ногой задела какую-то железяку и с удивлением обнаружила, что это обоюдоострый меч.

С мыслями, что в хозяйстве все пригодится, подняла и покрутила. К моему удивлению, он оказался легким и удобно лежал в руке. Думаю, в будущем стоит научиться пользоваться оружием.

Обошла помещение по периметру, краем глаза наблюдая за водой в купели — там по-прежнему творилась какая-то чертовщина, после моего фееричного спасения прошло уже минут десять, а ящерица не спешила покидать водяное пространство... или не могла.

Среди присутствующих здесь людей я все чаще узнавала тех, с кем мы убегали из песочного города. Многие были замаскированы под местных, некоторые уже в наглуую праздновали, без особых церемоний, оставив фужеры в сторону, чокались бутылками. Я нисколько не удивилась узнав в них Филимона с приятелями. Их напомаженные лица, волосок к волоску уложенные прически и беззубые, шальные улыбки вызвали какой-то когнитивный диссонанс в моем сознании, и я поспешила отвести от них взгляд.

Самое важное, что заметила: большинство приспешников Мириам сбежали, остальных свалили связанными возле алтаря — ребята не скучали, пока я находилась в купели. Какое облегчение чувствовать себя не брошенной и не одинокой.

Получилось немного выдохнуть.

Мы ждали, что Мириам вот-вот появится, но такое появление было совершенно неожиданным. Вооруженные люди, что окружили воду, бросились в рассыпную, некоторые, не устояв на месте, попадали на спины. То, что выпрыгнуло из воды, выплеснув тем самым половину воды, совершенно не напоминало человека — это был серокожий монстр, полностью покрытый чешуей, с мордой ящерицы и горящим безумным взглядом. Она отбросила когтистой лапой подбежавших к ней стражей, те улетели к стене, и направилась напрямиком в мою сторону.

Народ, которого застали врасплох, быстро пришел в себя и на ящера напали несколько человек разом. Она, словно не чувствуя боли, продвигалась вперед, ко мне. Я же замерла, держа меч наготове.

Еще чуть-чуть... За ней уже тянулся широкий кровавый след. Сначала она шла, затем ползла на меня — я трусливо отступала.

Нас сейчас разделяло какая-то пара шагов, когда чудовище, бывшее когда-то Мириам, упало. Она снизу вверх смотрела на меня своими дикими глазами, ее грудь глубоко вздымалась и, клянусь, я слышала гул ее сердца.

— Госпожа, добейте тварь! — слышалось со стороны. — Об этой победе будут слагать легенды.

Несколько мужчин стояли рядом, держа на изготовке оружие. Стоило ей только дернуться в мою сторону — они бы тут же нанесли решающий удар. Но это должна была сделать Я. Должна решиться и... Нашла глазами Серегу, он стоял прислонивший к стене, с болезненной миной на лице и придерживал здоровой рукой больную. Ева была рядом с ним.

Подняла меч, замахнулась...

Глава 26

Глаза в глаза... Моя рука дрогнула. Меч с глухим звуком раскрошившегося камня воткнулся острым концом в пол и завалился плашмя с диким грохотом, аккуратно рядом с зелёной мордой. Опустив голову, так, что распущенные и все еще влажные волосы, пеленой упали на лицо.

— Уходи... — глухо проговорила.

Я не хотела смотреть в лица окружающих меня людей, не хотела видеть в их глаза непонимание или осуждение. Я планирую выпустить на волю монстра, наплевав на мнение других...

Уже на периферии я улавливала возмущенный шепот.

— Я не хочу ничего слышать! — подняв голову громко оповестила всех. — Мы ее отпустим в пустыню, откуда она пришла.

Вслушалась в возникшую тишину, добавила, встретившись уверенным взглядом с ящерицей.

— НО! При малейшем намеке на угрозу нападения я без раздумий отсеку тебе голову. И поверь, у меня для этого есть множество причин.

Говорила вкрадчиво, чтобы даже самый тугой на ухо понял и внял.

— Уходи... — вновь проговорила.

Ящерица не спешила, еще несколько тяжелых минут пыталась сканироваться меня взглядом, но затем сделала легкое движение в мою сторону.

— Вож-ж-жми... Придет вре-е-емя-я-я... поймеш-ш-ш, — она передернулась всем телом, и из ее пасти выпал небольшой алый камень, напоминающий рубин, а, возможно, это

он и был. Поднимать его не спешила.

Ящерица бросила на меня еще один нечитаемый взгляд и ловко поползла к выходу.

Я кивнула паре вооруженных ребят проследовать за ней и проследить, чтобы эта тварюшка покинула замок. Ребята, не тратя понапрасну время, сразу бросились за ней следом. Вряд ли, конечно, они ее упустят — за ящерицей по-прежнему тянулся видный алый след.

— Думаю, ты поступила правильно, — чуть дернулась, не ожидая, что кто-то подойдет со спины. Хотя чему удивляться — Орлов свои привычки не меняет.

— Я в этом не уверена...

Но что сделано, то сделано.

Я увидела, как к нам весьма бодрым шагом спешит Ева. На ее лице сияет широкая улыбка.

— У нас получилось! — воскликнула она, а затем, спохватившись, отвесила мне быстрый поклон: — Хранительница.

Я закатила глаза:

— Давай, не сегодня, а?! Лучше скажи, что нам сейчас делать?

У кого мне еще осталось спрашивать. Не у Филимона же, который, кажется, пытался пристроиться возле алтаря, под боком у одного из пленных стражей, чтобы подремать.

— Вы правы, Хранительница, — она опять поклонилась. — Думаю, нам стоит сначала отдохнуть.

— Хорошо, — я задумчиво почесала кончик носа. — Найди тех, кто сможет накрыть на стол. Нет, надо сначала найти продукты и место для небольшого торжества. Как я понимаю, это замок, да?

Ева утвердительно кивнула.

— Значит, в главном зале организовать застолье, но без лишнего шика. Люди должны отвлечься, а я за это время чуть осмотрюсь. На празднике придется сказать какую-нибудь речь... Серега, а ты, наверное, полежи.

Я уже не обращала внимания на шедшую рядом Еву, она очень внимательно меня слушала. Значит, будет моей помощницей, Сергей поправится, и уже втроем мы придумаем, куда двигаться дальше. Нам надо развиваться.

А чуть не забыла — вернулась и подобрала алый камень, удивительно, но он был теплым и невероятно гладким на ощупь.

— Хм...

Он мне понравился, решила убрать в карман, а там уже найду место, куда его положить. И даже в набрючном кармане он излучал тепло, мягко грея мое бедро. Забавно. Надеюсь, не радиоактивное излучение и я не откину лапки через пару недель.

— Вы, — передо мной предстали жрицы.

— Хранительница, — они поклонились, а мне, видимо, по привычке, захотелось закатить глаза.

— Слушаю, — холодно бросила.

— Простите нас, Хранительница.

Мы с ними не были знакомы, они меня не знали, а я их — за что бы мне их прощать. Я даже растерялась. Но и отпускать просто так нельзя.

— Мы поверили этому монстру пустыни в человеческой коже, — начала говорить одна из девушек, чей голос мне казался немного знакомым, — она могла управлять землей... Но

теперь мы понимаем почему... она хранитель пустыни. Мы не поняли...

Неожиданно до этого стоявшие девушки упали на колени, я же растеряно посмотрела на Еву с Сергеем, они все еще шли со мной рядом. Мол, что делать, а?

— Она пустынный монстр, — продолжила причитать девушка, в которой я, наконец, признала одну из купальщиц, самую разговорчивую — она меня еще пыталась предупредить о ритуале. — Одурманила.

— Так, милые, — Серега купился на мой жалостливый взгляд и выступил вперед. — Хранительница вам бесспорно верит.

Девушки возбужденно завозились на полу.

— Но вы же понимаете, что вам придется доказать...э... свою преданность настоящей Хранительнице, — осторожно протянул Серега, подбирая слова.

— Да...Да... Конечно... — зашептали девушки.

— Оглянитесь, во что превратился этот замок. Мы хотим получить вам привести его в подобающий вид, навести чистоту. Ой...

Запнулся Орлов и посмотрел на шокированную Еву.

— Это жрицы, а не уборщицы — начала шептать она ему на ухо, но я ее хорошо слышала.

— Милая Ева, — Орлов с видом великого знатока поправил воротник на ее рубашке, — труд сделал из обезьяны человека. Думаю со жрицами сработает эта же схема.

После его слов я едва не засмеялась: ну-ну, поговори мне еще, обезьяна-человек. Ну, Орлов!

— Вы все поняли? — обратилась я к девушкам.

— Да, — кивнули они синхронно.

Мы же двинулись дальше. Если честно, мои ноги меня едва держали, и я поймала себя на том, что выискиваю глазами ближайшую горизонтальную поверхность, на которой можно расположиться и отдохнуть.

Примерно в эти минуты включится мой личный автопилот. Я умудрилась ещё продержаться на ногах до самой поздней ночи, обойти несколько комнат, где мне предложили обосновать свои покои, поприсутствовать на небольшой пирушке, и даже произнести речь. Речь в моей голове носила неприметное название «Ни о чем и побольше пафоса!».

Я говорила, как нам будет хорошо, что я приложу максимальное количество усилий для воссоздания нашего мира, но мне потребуется каждый житель, вклад каждого не менее важен, чем мой личный... Ну, и все в таком духе.

Затем наскоро перекусила за общим столом, парочка сердобольных граждан меня под ручки сопроводили в комнаты, и я уснула почти на двое суток.

Пусть и мой перегруженный информацией мозг сначала совсем не хотел отключаться. Я долго лежала, прокручивала в голове произошедшее, иногда почему-то перед глазами всплывали страшные картины пожара, мертвых ящериц, Шэнли...

В какой-то момент мне захотелось подняться и вернуться в зал, где сейчас бурно веселятся мои подданные, где рекой льется вино, даже подхватила в руки брюки, собираясь их натянуть на ноги... как из кармана выпал красный, чуть сверкающий в темноте, камень. Отложила вещи в сторону, взяла его в руки, покатав между пальцами.

Теплый... хорошо... Вернулась на кровать, продолжая держать камень в руке, да так и уснула, зажав его в ладони.

Черед пару суток, когда я проснулась камня нигде не было, зато появилось странное красное пятно на ладони в виде круга. От этого было очень дискомфортно, да еще и Орлов подлил масла в огонь, когда я ему показала. Не сразу показала, а спустя несколько недель. Наверное, мне надоело вариться в своих переживаниях в одиночестве, захотелось их разделить на двоих. А с кем мне еще делиться, как не с лучшим другом.

— Помнишь, — говорит мне лучший друг, — «Пиратов черного моря» у Джека Воробья была черная метка так же на ладони, кстати, и его потом сожрал этот... — как его? — А! Кракен! Или это было в другой части?!

Впрочем, пока Орлов с умным видом чесал затылок, вспоминая все части известного фильма, мне от его выводов легче не становилось. Единственное, что я ему смогла ответить:

— Спасибо, мил человек, но ты мне совсем не помог, — поднялась с постели, на которой и происходил наш «задушевный» разговор, подошла к широкому окну.

Сереге я не могла рассказать обо всем, что со мной происходит. Иногда, мне действительно казалось, что я понемногу схожу с ума.

Каждую ночь мне снилась бескрайняя пустыня, причем я знала, что вижу одно и то же место, снились голые скалы странной формой в виде сердца, небольшой ручей и никакой зелени. Если сейчас за моим окном начал разрастаться настоящий тропический сад, пели птицы, появились мелкие звери, а, главное, никакого песка и скал.

Устало прикрыла глаза и отвернулась от прекрасного вида, прислонившись бедром к каменному подоконнику. Почувствовала легкий ветерок и тут же мне на ухо пропищали: «Фен Шу-у-уй».

— Привет, дружок, — растянула губы в радостной улыбке, повернулась к птенцу, который ловко приземлился на мое плечо.

— О! Явился, блудный сын, — к нам подошел Серега. — И где его носило почти неделю?

— Фи... — возмутился малыш.

— Действительно, что ты к нему прицепился? Он же путешествует.

Осторожно подцепила малыша на указательный палец и аккуратно поднесла к щеке — он пах солнцем и песком. А на моем плече остались небольшие крупинки песка после его лапок. Я старательно выдохнула: надо собраться.

Глава 27

Время летело с невероятной скоростью, я все реже видела моих друзей, по процессу обустройства замка и территории, меня все сильнее захватывали дела.

В какой-то мере это меня и спасало от глубоких переживаний и затяжной депрессии, как говорили бы на Земле.

Сколько времени прошло после того, как я стала «настоящей Хранительницей»? Полгода? Больше...меньше... Все слилось в бесконечное принятие решений и решением текущих проблем. Никогда бы не подумала, что буду заниматься обустройством. Очень радовали местные жители и облегчали мне работу, у них было такое рвение, такое желание начать просто жить, а не выживать, что невольно эта волна захватила и меня.

Первым делом мы разобрались с преданными людьми Мириам. На удивление, никто из них не выражал ни малейшего сопротивления, соглашались со всеми претензиями и были согласны на любое наказание. Мне приходилось только недоуменно качать головой и обмениваться взглядами с окружением. И это после того, как я не могла уснуть несколько ночей подряд — нервничала из-за необходимости выносить решение: казнить или миловать.

Вспоминая, что в этом мире прилюдная казнь что-то вроде развлечения.

Приходилось то и дело напоминать себе, что Я тут образец для подражания и, если трусливо запрუსь в какой-нибудь комнате, это точно не сделает мне чести. Что уж там говорить: я приняла свою ношу, что так неожиданно свалилась на мои плечи и старалась делать все от меня зависящее для благополучия моего народа. И, когда передо мной свалились на колени те, кто не так давно гонял нас по пустыне, те, чьи братья виновны в гибели Шэнли. (Все, не думаю об этом! Пришлось проморгаться, чтобы мокрые предатели не выскользнули из глаз).

Я должна превозмочь чувство потери, и постараться быть объективной. Убийцы погибли там же, на пепелище; Ева и Сергей спаслись лишь чудом — стояли слишком далеко от эпицентра взрыва, — их просто отбросило взрывной волной и оглушило, моим чудом... (глубокий вздох... задержать дыхание...) оказался Шэнли, он прикрыл меня своим телом, да и в тот момент я прошла слияние с огнем — вот такой я везунчик. Черт возьми! Везунчик же! Ну, а взрыв подстроил сам герой, Шэнли, та сфера, что он держал в руке была чем-то вроде динамита на Земле. Пуф! И нет ни врагов, ни самого героя. Но тут я решила вернуться и нарушила его «гениальный план» по моему спасению.

«Он же твой рыцарь! Он был обязан это сделать, иначе даже я бы его не поняла и перестала уважать. — с вызовом сказала мне тогда Ева.

Что я почувствовала после ее слов — не описать, смогла только спросить.

— А сейчас уважаешь? — я смотрела на нее мертвым взглядом, она на меня предельно серьезным.

— Сейчас уважаю. — кивнула она мне.»

Кажется, после этого разговора что-то, похожее на дружбу, возникшее между нами, умерло.

Нет, мы, конечно, общались, она делала восемьдесят процентов всей работы по организации «нормальной жизни», но в глаза я ей больше не могла смотреть.

Что же касается бывших подданных Мириам.

Ничего умнее не придумала, как взять кровный договор почти со всех осужденных и принять их в наш штат. Стражи псевдо-хранительницы были хорошо тренированы, если сравнивать с простыми жителями, а хорошие бойцы мне были, ой как, нужны. В это же время одной из самых актуальных проблем была проблема неизвестности, мне нужны были свежие данные о состоянии земель: что уцелело, какие города, какие форпосты еще действуют, количество жителей и их локализация. И вот, что я сделала: собрала несколько экспедиций — что-что, а это я умела здесь лучше всех, — распределила помилованных стражей и некоторых самых сообразительных, и отправила в путь-дорожку, вручив карандаш и старые карты, образно говоря.

Из старых карт я узнала, что эта планета намного меньше моей родной Земли, здесь в наличии был только один океан, он и занимал половину местного глобуса, остальную, до прихода сюда людей, занимала пустыня, после это уже больше напоминало тропический лес с небольшими речками. Но, как мы уже знаем, этот мир уже почти вернулся к исходному состоянию — Мириам очень постаралась. Были здесь и горы, они углублялись в единственный материк почти до середины с одной стороны, а затем вращались в океан, образуя там небольшой полуостров и несколько небольших отдельных островов. В общем, члены экспедиции должны пробежаться по основным «старым» важным местам, указать есть там что или нет, состояние флоры и фауны и дружно вернуться. И вчера последняя из

экспедиций вернулась. Сегодня мне предстоит невероятная работа — уникальный ритуал. И я волновалась, словно перед первым свиданием.

Кстати о свиданиях! Мне иногда стало казаться, что Орлов мне и не друг вовсе — вражеский засланец (можно вместо «л» подставить «р» — сути не изменит). Помнится, когда-то давно, кажется, уже в прошлой жизни, Ева мне рассказывала, про турнир для хранительницы для поиска лучшего партнера. Вот, Орлов взялся его, этот турнир, проводить в тайне от меня. Естественно, ему в этом активно помогала Ева. Но я-то уже навела мосты с подчиненными и вчера Гелла, моя личная помощница из жриц, сдала «все их пароли, явки». Вот даже не стала вызывать Сергея «на ковер». Все, что он мне может сказать, знаю наперечет:

«Весело же будет, Катюха!» или «Когда за тобой еще мужики драться будут, а, мать?», или «Мы можем придумать им такую униформу, что даже тебе понравится, — подмигивает, — выберешь какое аромасло использовать!»

Решила ему не мешать — должен же человек быть при деле, пусть и таком бестолковом. Разгладила плотную ткань платья на юбке и бросила еще один взгляд на огромное зеркало в тяжелой золотой раме, такого помпезного вида, словно ее стащили из Букингемского дворца, хотя в целом мой замок был примером аскетизма и умеренности. Описать состояние вещей в нем можно одной известной фразой из фильма «Операция Ы»: «Все украдено до нас!».

А что тут удивляться? Людям надо было как-то выжить. Вспомнить ту же Розочку в ее странном средневековом наряде, а она дочка мэра, местная мажорка и светская львица. Собственно, какая местность — такая и львица.

Мое зеркало это один из «приветов» от Мариам, один из полезных «приветов». Благодаря ему я могу спокойно себя рассматривать и каждый раз удивляться, как за такой короткий срок смогла так измениться. Я словно стала выше ростом, стройнее, грудь обозначилась более выраженной — на троечку, но и куда больше? — лицо приобрело четкий овал, глаза стали больше, а волосы словно на мой каштановый пролили несколько ручейков золота, удивительный эффект. Кожа оставалась такой же белой, но я никогда за загаром и не гналась. Сегодня надела синее платье с золотой окантовкой по краю юбки и на манжетах узких, длинных рукавов, еще повешу пояс-цепочку с символическим ключиком.

Развернулась и уже хотела покинуть свои комнаты, когда натолкнулась взглядом на рисунки — чуть не забыла.

Осторожно присела на край кровати, опасаясь замять платье, начала собирать рисунки. Мне за них было стыдно, но теперь это был мой новый, тайный фетиш. Сны, в которых я видела пустыню и странные скалы, не прошли, а, так сказать, началось осложнение. Я видела эти картины перед глазами постоянно, только стоит отвлечься от дел. Иногда казалось, что пейзажи из снов предстанут передо мной, стоит просто посмотреть в окно — бросаю взгляд и тут же испытываю странное разочарование — не то. Зелень, в которую я вбухивала половину своих сил каждый день, не радовала.

Приходилось пока так, изливать свои видения на чистые листы, становилось легче, но надолго ли?

Быстро собрала всю изрисованную бумагу, тем временем с трудом отводя жадные взгляды от картинок, и дергаными движениями, едва не свалив на пол покрывало, засунула под матрац.

В дверь тихо постучали и я, спохватившись, подскочила на ноги, осмотрелась — все в порядке, никаких следов не осталось.

Гелла заглянула и улыбнувшись, заметив, что я застегиваю на талии цепочку, сказала:

— Пора.

— Идем, — уверенно махнула головой, и несколько прядей скользнули обратно на спину.

Мы шли по неприметным коридорам замка. В древне-шотландском стиле. Я его сама так называла, стиль. За годы разрухи здесь осталось только то, что прибито к полу или настолько громоздкое, что не вынесешь в целостности. Пф... Стены были выполнены в эко-стиле, натуральный камень и ничего более, пол в длинных переходах был засыпан песком и только в комнатах и залах, где проводились культурно-массовые мероприятия, на полу был гладко отполированный камень. Вся мебель была какой-то большой, словно здесь жили настоящие богатыри. Впрочем, мне ли жаловаться. Мы старались, как могли, обустроивали все. Мусор за это время был вынесен, все блестело чистотой. Создавали максимальный уют.

Особенно моей гордостью было восстановление древнего дерева, которое раньше росло в главном зале. Я его видела еще в первый день, когда произносила свою дебютную речь, но тогда эта странная кучка деревяшек посреди огромного зала не особо привлекла мое внимание. А потом, когда мои работники расстарались и вычистили эту огромную комнату показали мне трухлявый пенек в огромной клумбе из белого мрамора. К слову, только в этой комнате остались следы когда-то процветающего государства. Пол был выложен керамической плиткой, остался виден своеобразный рисунок в виде развесистого дерева, стены также были гладкие, из белого отполированного камня, с красивым выбитым узором вдоль потолка. Так вот, с деревом я провозилась почти сутки, и оно выросло. Теперь мой взгляд радуется красивая Плакучая ива, вокруг которой бьет настоящий фонтан — его починили уже мои рабочие. Сантехники, как я их про себя называю.

Мне вообще было легче со всем справляться называя (про себя, конечно) предметы, вещи, людей привычными для меня названиями. Итак, в моей голове мы, жители этого замка и мои подчиненные, проделали генеральную уборку; сантехники, плотники, портнихи, ткачихи — все присоединились к общественно полезным работам. Чем не «субботник». «МИР! ТРУД! МАЙ!» — как говорить.

Что касается ткани, то здесь у нас образовался настоящий дефицит. Это оказался слишком трудоемкий процесс: мы вырастили растения пригодные для ткачества, я выделила целое крыло для мастериц. Постепенно наши запасы пополняются, но хочется, как минимум, получить шерстяные ткани, как максимум построить отдельное предприятие. Конечно, от ручного труда до автоматизации нам, как и до электрического освещения. Но первые шаги сделаны. Первая экспедиция пригнала целое стадо диких овец, мы построили им настоящие загоны и организовали должный уход, на это были выделены рабочие.

Это меня особо радовало: люди обучались, получали профессии, начинали зарабатывать, получать оплату в натуральном виде, содержать свои семьи. Пока всех размещали в замке, но у нас под боком уже разросся настоящий лес теперь есть материал для постройки. Я уже подумываю придумать первую «пятилетку». Но нужны рабочие.

Вопрос с рабством стоял очень остро, можно сказать, у меня на этом моменте был свой пунктик. Для себя решила, что буду решать его силовым способом. Но для этого мне надо, чтобы все мои боеспособные войны вернулись назад, ну и, конечно, нужны актуальные данные для этого: где, сколько, в каком количестве и как защищены. Нет, если такие, как

Ленар, согласятся освободить людей добровольно — мы их пощадим, но в остальном пусть не ждут милости.

И армия. Мне нужна армия! Но для этого мне нужен человек, который будет ей управлять. Мне нужен министр обороны. Мне нужны министры. А-а-а-а!!! Все, достаточно! Иначе мне потребуются новые мозги, эти закипят. В конце концов, у меня есть Ева. Чем ни первый министр!

Итак, мы с Геллой в сопровождении нескольких стражников, шедших далеко позади — я категорически не терпела, когда мне дышат в затылок, — успевала переговорить о насущном.

— Все готовы. Как вы просили: народу собралось по минимуму. Сергей Александрович сказал, что опоздает. Ева уже там все перепроверяет.

— Называй его просто Сергей.

— Но Сергей Александрович просил...

— Гелла, — строго сказала, но увидела только поджатые губы девушки.

Орлову явно скучно. Ой, то есть, Сергею Александровичу, конечно.

К алтарю вела уже знакомая дорога, когда-то именно по ней меня тащили двое сподвижников Мириам, а теперь я спускаюсь туда на правах хозяйки. Есть в этом какая-то ирония судьбы.

В помещении уже горели свечи, вода в купели привычно золотилась, жрицы стояли по краям бассейна в привычных вуалях, закрывающих лица. Как я ни старалась переубедить девушек, что для проведения ритуалов не нужно так вырывать, да и, по правде, и они мне не особо нужны. Я все проводила с помощью своей силы воли и умения чувствовать и управлять стихийными потоками. Но, нет. У них так принято! Послушав их слезные аргументы, решила не снимать их с довольствия. Хотят зрелищности — пусть получают. Это, как инаугурация президента — имеющая чисто символический смысл, хотя прошли выборы и были оглашены результаты.

Кивнув всем в знак приветствия, сразу направилась к алтарю. Мне нужно было запустить эту древнюю машину. Пусть местные и воспринимали алтарь как магический артефакт, и доказывать им обратное оказалось бессмысленно, кроме Евы и Сергея — они были со мной заодно. Но, честное слово, когда несколько месяцев назад я на этом камне нашла несколько искусственно созданных швов, они были настолько ровными и похожими на земные, я в своем предположении убедилась и излазила этот монумент вдоль и поперек. В какой-то момент натолкнулась на небольшое углубление наверху и сунула туда палец, а почувствовав небольшой укол, не спешила его вытаскивать, уже зная, что предшественники очень успешно использовали вместе биологию и технологии.

И вот сейчас почувствовав укол, чуть надавила, чтобы кровь впиталась, убрала руку. По поверхности алтаря прошла едва заметная вибрация, и широкая боковая часть начала отъезжать в сторону, пришлось отступить, чтобы не задело.

— Хранительница, — послышался тихий голос, — а ритуальная молитва?

Я горестно вздохнула:

— Начинайте, — дала задание, и девушки, упав на колени, забубнили.

По идее, я должна была зайти в воду, затем они прочли бы свою ритуальную молитву, и только потом мне надо было активировать алтарь.

Подала молчаливый знак, чтобы не отвлекать жриц от занятия, пяти мужчинам, которые мялись в стороне с объемными картами в руках — подойти. Те меня абсолютно

правильно поняли и тихо, почти на цыпочках, двинулись в мою сторону.

На выдвигном столе, или раскладном алтаре — как угодно, был довольно схематично отражен наш мир, каким он был раньше. И сегодня я планирующую его возобновить. Взяла первую протянутую карту, это оказалась нижняя левая часть суши. Всего три больших поселения, несколько перевалочных форпостов, четыре источника пресной воды, небольшой молодой оазис. Не густо.

— Люди бедствуют, нет еды, вода на вес золота, животных почти нет, только мелкие грызуны, — шептал мне на ухо представитель этой экспедиционной группы.

— Поняла, — кивнула и взяла в руки следующую карту.

Всего карт было семь. Особо радоваться было нечему. Пустыня, если и было что раньше до нее процветающего, — все сгубила.

Я осторожно вырисовывала на карте рельеф. Это очень напоминало рисование песком по плоскому камню. Приходилось чуть выпускать свою силу для того, чтобы небольшие песчинки мне подчинялись. Я словно вытягивала их из потайного отдела под столешницей и возвращала обратно. Собственно, менять рельеф мне особо не надо было, лишь кое-где добавить песка и убирать зеленый мох, который тут изображал зелень, а также испарять капельки воды изображающие воду.

Горы трогать не пришлось — высокие песочные горки никак не изменились. И именно ребята, вернувшиеся оттуда, пригнали небольшое стадо горных баранов. Есть с чем работать. Чуть позже, наверное, стоит туда отправить более подготовленных людей для того, чтобы они прочесали весь горный хребет, сейчас же они прошли только вблизи, но уже вернулись с хорошими результатами. А горы — это металлы и камень. Вот о чем не стоит забывать. Поставила в голове еще одну галочку. Хотя, тут же повернулась к стоявшей рядом Еве, в своих руках она держала привычные листки бумаги, которые были скреплены в верхнем левом углу бечевкой. К слову, изготовление бумаги полностью взяли на себя девочки-жрицы, у них для этого осталась и технология, и знания, и умения. Раньше именно на их плечах лежала ответственность за хранение знаний и письменность. И я этому была только рада — одной проблемой меньше.

— Ева, напиши на долгосрочные планы — освоение гор.

Она кивнула, пролистала несколько листов вперед и быстро настрочила заметку в конце страницы. М-да, долгосрочная перспектива развития у нас уже полностью расписаны.

Вернулась к карте. Сейчас у меня в руках был последний фрагмент, мне его только предстояло рассмотреть. Остался только полуостров и ближайшие острова. Если честно, я особо не рассчитывала на какие-то новости с этой стороны. Но побелевшие губы и испуганный взгляд этого представителя привлекли мое особое внимание.

— Что с вами?

— Х...хранительница, — спотыкаясь на каждой букве промямлил он. — Вам передали.

Он протянул мне небольшую свернутую в тугой рулончик тряпицу, я удивленно вздернула брови, зажала карту под мышкой и уже потянулась развернуть ткань, когда его небольшая, полноватая ладонь накрыла мою руку.

— Умоляю, не здесь. Опасности для вас там никакой нет. Но не здесь.

Немного, чисто для страдания, посверлила взглядом низкорослого, черноволосого, черноглазого — ну, чистый южанин, — мужчину и убрала рулончик потайной карман на юбке.

А вот на карте меня ничего нового не ждало: населения — ноль, зелени — ноль, каких-

то предположений и приятных сюрпризов — ноль. Единственный момент, когда мое сердце ухнуло вниз и предвкушающе затрепетало, — это изображение скалы в виде сердца: оно существовало на самом деле и находилось на том самом полуострове. Но я быстро взяла себя в руки и ни словом, и ни движением не показала, что что-то не так. В конце концов, моя шизофрения и мне с ней бороться. Мало ли, что я вижу странные места, теперь хоть знаю, что они существуют. Чем не повод для радости?

Вся карта была готова. Передо мной теперь находился довольно объемный материк, состоящий почти полностью из пустынной местности и лишь в немногих местах виднелись зеленые заросли. Странно, мне казалось, что я так много озеленила за все время, что, наверное, скоро надо будет все убирать.

Ага, озеленила! У себя под носом!

— Ну, что ж, приступим.

Осмотрелась вокруг. Жрицы уже давно перестали причитать, и стояли в стороне весело переговариваясь, словно простые девчонки. Были бы всегда такими.

У меня теперь было две карты: до исчезновения хранильницы, где все предельно зелено и обжито, и после, настоящее время. Я решила не мудрить и то, что было «до» перенести на современную карту.

Нет, на самом деле этот алтарь прекрасная вещь. Мне, как Хранильнице, не нужно ездить по всей земле, капать кровью, делиться энергией, перенаправлять, допустим, потоки ветра — у меня есть универсальный пульт. И это алтарь. По крайней мере, так говорится в древних свитках, которые мои умницы-жрицы сохранили до лучших времен.

Решила действовать постепенно. Начала с озеленения. Наростила "мох", где он раньше был, почти без изменений. На этих местах вскоре вырастет настоящий лес. Убрала лишний песок, сделала ландшафт более удобным для перемещения. А вот с водой пришлось повозиться, и некоторые русла рек чуть скорректировать, иначе пострадали бы люди, которые решили в них обосноваться на ПМЖ. В любом случае у них будет время подстроиться: изменения будут происходить постепенно. — Хорошо? — повернулась к Евке. Она стояла, теребя бежевую плотную юбку одной рукой, второй крепко прижимала бумаги к груди. На ней сегодня была хлопковая белоснежная блузка с завязками на груди, рукава-колоколом, а волосы убраны в высокую прическу. Стоило нам немного обустроиться в замке, как Ева из ушлой пацанки превратилась в хрупкую выпускницу пансиона.

«Пансионатка идет!» — шептал мне на ухо Серега, стоило той появиться у него на глазах. А у самого глаз уже горит, и слюни бегут по подбородку, фигурально, конечно. Искренне надеюсь, что выпускницы пансиона для благородных девиц не были его любовно-эротической фантазией.

— Катя, — она показала ладонью на карту, — а это еще?

— А это... потом... доделаю... — легко, даже нарочито небрежно, отмахнулась и под удивленным взглядом девушки, повернулась к жрицам.

— Я в бассейн. На этот случай будет молитва?

Уже успела разуться, присев на специальную скамью, когда до девушек дошло, что я спросила. Они тут же засуетились и вернулись в исходные, коленапреклоненные позы, черные — слева, золотые — справа.

Пришлось заходить в воду по щиколотки и с досадой опускать край подола в воду, отчего он сразу намок и потяжелел. Распростерла руки над водой и выпустила потоки энергии. Вода начала потихоньку бурлить и нагреваться, по лицу пробежал легкий сквозняк,

а я направила потоки энергии. Алтарь вбирал столько, сколько ему необходимо. А сколько ему необходимо я ранее нанесла на карту. Алтарь теперь сам распределял количество энергии и куда ее надо направлять. Древние люди были гениальны.

Осталось совсем немного, и я почувствовала, как скручивается от слабости желудок, и по вискам бегут ручейки пота.

Жрицы взяли какую-то совершенно отвратительную и высокую ноту и, как раз на ней, у меня подкосились ноги и я была готова плюхнуться в воду, но крепкие руки меня подхватили и быстро вытащили на бортик.

— Я вовремя, — улыбнулся Серега.

— Еще бы, — пробурчала и обхватила его за шею.

— Получилось, кажется.

Действительно, я чувствовала, что агрегат генерирующий и распределяющий энергию заполнен полностью и скоро начнет действовать. Осталось только...

— Ты вообще ешь? — Орлов, как ребенка, покачал меня на руках и направился прочь из подвального зала.

— Подожди надо закрыть алтарь, — потянула я его за воротник рубашки.

Серега бросил быстрый взгляд на мои босые ноги, которые были плотно облеплены мокрой тканью, с нее до сих пор стекала вода, затем перехватил меня поудобней, и под взглядами всех присутствующих, подошел к алтарю и, не мудрствуя, пнул выдвижную столешницу в бок, а она, чуть качнувшись, с легким жужжанием начала заезжать в «камень».

— Ты что? — возмущенно зашипела на ухо.

— Там доводчики, — бросил он как в порядке вещей, словно мы разговариваем про дверцу шкафа.

— Орлов, ты не исправим. И это начинает утомлять, — получилось устало, словно на последнем выдохе.

— Утомляйся на здоровье, — разрешил он, утвердительно кивнув. — Но в тепле, в сухости и сытая.

Я фыркнула. Тоже мне мамочка!

— Тебе надо мужик, который будет обо всем заботиться и брать часть обязанностей на себя. Я уверен, ты сегодня даже не завтракала. Да?

Да, не завтракала. Не до этого было, но вслух ничего не ответила. Знаю я его, стоит только заикнуться вслух, время для чтения нотаций увеличится вдвое.

Орлов не дождавшись от меня ответа, продолжил распекать.

— Уже и обед прошел. Понимаешь. Ты дошла до ручки. И я намерен все это исправить в ближайшее время.

Все это время он нес меня на руках и я очень сильно жалела, что не надела туфли. Сейчас бы не пришлось все это выслушивать, спрыгнула с рук и спокойно дошла сама.

— ... И заканчивай эту глупую. Просто глупейшую самостоятельность. Почему не позволила жрицам приготовить все, как надо? Одежду ритуальную не надела. Катя, хватит! Гелла сказала, что ты запретила ей входить в твою комнату и наводить там порядок. А еще готовить тебе еду и приносить в комнату. Что ты творишь? Зачем ты себя доводишь?

Господи, как же хорошо, что, наконец, подошли к моей комнате, и Серега как раз сгрузил меня на кровать. Я молча забралась на нее с ногами. Было холодно и все еще мокро.

— Это из-за него? — Орлов пристал, как банный лист. — Из-за его гибели? Но жизнь идет, понимаешь?

Он просто так не уйдет — поняла я.

— Может хватит? — устало подняла на него глаза. — Я делаю все, что в моих силах, чтобы восстановить эту планету. Разве этого мало?

Последняя фраза прозвучала подозрительно немного визгливо и истерично. Сергей, кажется понял, что перегнул палку, замолчал.

Глава 29

Разговор с Орловым все не выходил у меня из головы, крутился, крутился, словно чертово колесо. Я была с другом согласна и несогласна одновременно. Но что точно могу отметить — его частичная правота не дает Серёге права решать за меня. Да, раньше были традиции и Хранительница им слепо следовала, но я не ВСЕ! В некоторых хрониках которые мне любезно предоставили жрицы, упоминалось, что мои предшественницы были холодны как арктические льды, и смиренны как... как... рабы в тех клетках у Ленара Загадочного. Эти их пустые глаза. Вспомню — вздрогну. Ну, ничего мы с этим еще повоюем. А пока меня ждут более насущные дела. Так вот, я не такая холодная рыбина. Да, куча ответственности, да, кажется, у меня шизофрения в лёгкой форме, но и она уже притихла. Я со всём справлюсь. А куда деться?

Привела себя в порядок, сменила платье, на скорую руку перекусила и отправилась на поиски Евы и Сергея.

Действовала скорее интуитивно, после ритуала меня обхватило какое-то чувство предвкушения и даже возбуждения. Хочется, чтобы все скорее было подготовлено, был четкий план относительно замка, относительно производств и сельского хозяйства, окружающей территории, и дальних уголков, и главное, мне нужны управляющие, которые будут курировать все эти сферы. Раньше я старалась вникать во все. Сейчас, я хочу просто получать ответы.

Попаданка я или нет?! Мир надо менять под себя. Хотя я практически никогда не читала и не смотрела фильмы на эту тематику, кроме «Кин-дза-дза», но тут уже понятно, что это совсем другая история. Надо писать свою.

Прихватив с собой пачку пустых листков, направила в зал с ивой, где, как я уже знала, проводили свое время нужные мне товарищи.

— Так, народ, — я влетела словно метеор и прямиком направила к небольшому овальному столу, стоявшему чуть в стороне, — у нас экстренное совещание.

Сергей и Ева недоуменно переглянулись и направились к столу, где уже были разложены листы в несколько стопок, для каждого вопроса.

— Катя, с тобой все в порядке, — Серега сел по правую от меня руку и каким-то раздражающим меня взглядом принялся вглядываться в мое лицо.

— Все отлично. Вот план, что нам нужно обсудить и, думаю, заверить.

Я протянула Еве исписанный лист с моими записями и пометками, та принялась тут же внимательно вчитываться. Почерк у меня был ровный, каллиграфический, я любила писать местными иероглифами — это воспринималось почти как рисование. К слову, писать и читать мы с Орловым умели по умолчанию, оказавшись в этом мире. Думаю, такую возможность мы получили при перемещении с помощью книги, но кто нам на это даст ответ. Википедии здесь нет.

Ева внимательно прочитала все записи, немного позависала над написанным, Серега все это время сверлил меня взглядом, но я его стоически игнорировала.

— У меня есть все кандидаты для каждого из пунктов, — наконец выдала Ева, Сергей

же, наконец, заинтересовался делом и выхватил листок у Евы из рук принялся его бегло просматривать.

— Давай начнем с животноводства, — я достала карту местности, Ева из своих записей выудила какие-то свои пометки и так же положила перед нами на стол.

— Может, сразу пригласить будущего ми-ни-с-тра? — последнее слово она прочитала по буквам, Серега хохотнул: ну, не придумала я другого названия этой должности и теперь поняла свою ошибку.

— Давай, это будет «руководитель»? — решила переобуться на ходу.

— Да, руководитель лучше, — кивнула Ева, исправляя угольной палочкой запись.

Быстро пробежавшись по остальным записям, пока дожидались семью животновода Игнара — все это время именно он занимался нашими овцами: на нем лежало все, от строительства загонов до выпаса, а сейчас мы расширим его полномочия, и он сможет сам нанимать персонал и решать определенные проблемы на своем уровне. Согласно нашему плану, конечно. Это все будет прописано в его должностных инструкциях. Подобные инструкции и планы мы составили и для всех остальных сфер. Но тут мы натолкнулись на одну непредвиденную проблему, когда протянули Игнару его должностные бумаги — он просто тупо на них уставился, не понимая зачем мы ему дали эту бумажку.

Господи, как все запущено. После этого мне захотелось вырвать себе пару клочков волос. Какие к черту планы, когда они читать не умею, хорошо, что считают до двадцати.

Решение пришло неожиданно и мне оно очень даже пришлось к душе. У меня есть стайка чудных девушек, которые довольно образованы и начитаны. К тому же, меня изрядно раздражают своими молитвами и ритуальными традициями, а так приставлю их к каждому из руководителей, пусть просвещают народ и ведут учет. Глядишь, и выбросят свою ритуальную блажь из головы и дадут мне нормально, в тишине, без всех этих танцев с бубном, работать с алтарем и потоками энергии.

После этого решения я даже как-то приободрилась и принялась с удвоенным энтузиазмом делегировать полномочия.

Мы приглашали к себе то одного, то другого. Рассказывали, назначали секретарей из жриц, показывали на картах, слушали и принимали коррективы. Мы все-таки не всезнающие и многие особенности просто не понимали, но, как говорится, задание дано, а дальше будет только спрос.

Конечно, это все длилось не один день, а несколько. После «руководителей» мы вызвали строителей, с которыми тщательно изучили карту страны и наши планы по застройке. Ну, здесь выше головы, как говорится, не прыгнешь — и строить мы все будем по примеру средневековья: от центра к периферии, дела территорию под поля и под разведения животных. Я параллельно отмечала на своей личной карте, что нужно будет подправить через алтарь.

Если за неделю мы худо-бедно определились с замковой территорией, то что делать с другими городами. Основные данные у меня есть. Развивать в текущей ситуации решили по вновь введенному принципу. Каждый будущий город будет развиваться самостоятельно, но со стандартных, разработанных нами, планов. Вот, как в замке. Пришлось повторно снаряжать ребят с визитами к местным мэрам, но уже с письмом-вызовом: мол, Хранительница изволит лицезреть своих граждан. Я требовала к себе «на ковер» по представителю от каждого города или форпоста. Не самой же мне колесить по всем этим местам. Тем более передо мной стояла цель — как можно быстрее отладить системную

работу всех отраслей и жителей.

В этот раз мои представители вернулись раньше, управились за неполный месяц, выполнив все мои наказания.

И мы принялись ждать гостей. Заодно наблюдая за воплощением в жизнь наших планов. Все шло хорошо, но не блестяще, иногда случались мелкие неприятности, но руководители их решали самостоятельно, жрицы писали отчеты и приносили Еве, а она, если нужна была моя помощь, уже мне.

Сергей немного притормозил коней с организацией турнира. Кажется, до него дошло, что есть другие проблемы помимо моей личной жизни. Хотя и моя личная жизнь — не его проблема, уж точно.

*** **

Как-то в таком дурном темпе пролетела еще пара месяцев. У нас уже побывали все градоначальники самых крупных городов, я рассказала им свои условия, показала уже план. Многие из них были знакомы с грамотой, как правило, это были потомки знатных семей, которые все эти годы хватались за возможность более-менее достойной жизни, у кого-то это получалось хуже, у кого-то лучше. Помимо планов развития на них ложились обязательства по ликвидации рабских рынков, переписи населения, а так же они были обязаны предоставить людям возможность на переезд в замок. Развитие шло полным ходом, не хватало просто рабочих рук. И мне все еще нужна была хорошая армия. Нет, стражники у меня конечно были, и все нанятые по кровному договору, но мне этого было мало. Во-первых, не все представители откликнулись и приехали ко мне, а во-вторых, не всем понравились условия, по которым я позволяла им существовать, например: отмена рабства — у некоторых были такие лица, словно впервые глотнули спирта без закуски.

Так-то, мальчики! Хотя была и одна девочка. Ну как девочка. Взрослая, довольно объемная женщина, на, удивление, очень объективная и разумная. Она управляла одним форпостом, перевалочным пунктом для путников. Но она мне запомнилась не только своей половой принадлежностью, а тем, что не одобряла рабства и полностью, буквально с лету, поддержала мою инициативу. Приятно.

— Как быстро пролетело время...

Раздалось на фоне моих мыслей и воспоминаний и беспощадно меня из них вырывая.

— Что? — переспросила, развращая свое внимание зеркалу.

— Говорю: время быстро летит... — Серега подошел со спины и приобнял меня за плечи, теперь мы смотрели друг на друга через отражение.

— А? Да, быстро. — подтвердила с неудовольствием отметив, огромные синие круги под глазами, впалые щеки и общий нездоровый вид. Хотелось немного пощипать себе щеки до румянца, только как это сделать при Сергее, который так внимательно меня разглядывает.

Надела я сегодня синее платье, которое чаще носила на ритуалы, но вот именно сегодня захотелось. Оно село на удивление слишком свободно и довольно плотная ткань не помогала скрыть худобу.

— Так и будешь смотреть? — раздраженно повела плечом, пытаясь выпутаться с дружеских объятий.

Он хотел что-то сказать, но встретившись со мной взглядом — передумал, закрыл рот, просто недовольно покачав головой, отступил назад.

— Я хочу взвалить на тебя должность главнокомандующего армией... — проговорила

поправляя пояс, который тут так хорошо смотрелся — золотой с декоративным ключиком. Неожиданно, когда ладонь оказалась на уровне кармана красная метка, с которой я уже свыклась — она меня не трогает, а я — ее, запульсировала. От неожиданности даже замерла, но тут же сунула руку в карман, нащупав небольшой тканевый рулончик.

— То есть, — где-то на фоне усмехнулся Серега, — до этого ты назначила Еву своим главным заместителем, а теперь меня главнокомандующим. Ловко, ничего не сказать.

Я его не особо слушала: рука пульсировала, а в висках стучали молоточки. Что это?

Мне не хотелось, чтобы друг меня видел в таком состоянии, и поэтому я быстро достала свое распоряжение относительно его назначения и, пока он не опомнился, сунула в руки.

— Иди, там начали прибывать первые ребята, которых отправили наместники. Надо их разместить и поставить на довольствие.

Серега вновь глухо засмеялся, добавив:

— Что у там, госпожа! Как я могу послушаться.

Нарочито небрежно поклонился и быстро покинул мою комнату.

Я же вынула крепко сжатый кулак из кармана и уставилась на него со смесью страха и трепета.

Дорогие читатели, история подходит к закономерному финалу. Осталось еще немного, еще чуть-чуть. Последние несколько глав, до 29-й, в основном содержат описание ситуации, самой планеты, замка, территории и планов героев — для полной картины, так сказать. Не все же им по пустыне бегать:) Остались последние метры, главы, и будем финишировать.

Глава 30

*** **

Мерно покачиваясь я ехала на спине огромного ящера, замок со всеми своими планами и проблемами остался далеко за спиной. Яркие лучи дневного светила уже старательно освещали все вокруг, включая меня. Захотелось отклониться назад, широко развести руки в стороны и просто насладиться свободой. Что я, собственно, и сделала.

Вдох — выдох. Хорошо.

Вчера я еще не могла себе это позволить, а вот утром взяла и позволила. Все оказалось проще, чем я могла представить. Возможно, крыша моя окончательно съехала, пусть я и старательно это скрывала от окружающих.

Немного освободившись от своих мыслей, достала рулон ткани с которого вчера все началось и развернула. Эта была карта, которая вела в сторону того самого полуострова, к той самой скале из снов. И, не знаю, моя ли это человеческая интуиция, или магия Хранительницы, но я сорвалась, за ночь собрала все необходимые вещи, одежду, продукты, выбрала самого пригодного для длительных путешествий на мой взгляд ящера — и никем не замечанная сбежала. СВОБОДА! Самое сложное из всего было улизнуть от охраны и придумать, что написать в прощальном письме Орлову. Собственно, стражникам я просто приказала остаться на месте — они не посмели послушаться.

Гелла как раз меня поймала в коридоре сообщив, что начали прибывать потенциальные женихи для турнира. Пф... Вот пусть сам Орлов замуж за них и выходит. А я уехала по своим делам.

Рассмеялась в голос от своих мыслей, слегка закинув назад голову. Точно чокнутая.

Зачем я вообще еду к этому полуострову. На скалы посмотреть? Ведь я даже зелень там

не стала стимулировать, вообще ничего с этой местностью не стала делать.

И вот теперь еду сама, ориентируясь на подозрительную по всем признакам карту. Да и метка на ладони ощутимо пульсировала.

Что мне сейчас осталось удивляться своему поступку, бояться будущего, представлять лицо Орлова, когда он будет читать мое послание...

«Дорогой друг, отбыла по срочным делам. Не ищи. И отправляй женихов в обратный путь. Тренируй войско.

Целую, Пух.»

Прекрасный и содержательный текст. Хи-хи.

Если судить по карте, путь должен занять у меня чуть больше недели. Но они должны быть приятными. Поселения решила избегать, отдыхать раз в день, давать ездовому ящеру отдохнуть два раза в день. Чем ящер лучше лошади? Самое главное, что может добывать еду себе самостоятельно, и мне не надо привязывать к крупу мешок с овсом, хотя в моем случае мешок с овсом — дело двадцати минут. Конечно, если взять с собой семена. Зелень, как оказалось не может появиться из воздуха, а я интуитивно угадывала места ее возможного прорастания. Точнее не я, а мое подсознание, которое уже настроилось на эманации этой планеты, и принялось ее «обслуживать». Где когда-то была жизнь — возродить, где вода — стимулировать, дать энергии.

Время моего путешествия летело быстро, я проехала мимо нескольких городов, но заезжать не стала. Что там сейчас происходит? Надеюсь, все идет как надо, ведь я дала им возможность для развития — прекрасные, правда еще совсем молодые, леса росли рядом с каждым поселением, ярко-зеленые луга.

Усмехнулась. Как там: плодитесь и размножайтесь.

Скалистая местность появилась неожиданно, и у меня захватило дух с первого взгляда. Хотелось впитать этот вид, запомнить это зрелище и это ощущение — я почти на месте.

Подстегнула ящера на быстрый бег и он рванул на задних лапах, мне пришлось немного сместить тело, чтоб удержаться, но это не помешало рассматривать окружающий пейзаж.

Все это было мне до боли знакомо, до щекотки узнаваемо. Каждая трещинка, каждый выступ. Сны и видения не прошли даром — здесь я знала все. На глазах навернулись слезы.

Мы быстро промчали по предгорью, поднялись на первую сопку и я всмотрелась вниз. В окружении скал была песочная равнина, довольно большая, ее вполне хватило для... поселения... ящеров.

Пока я медленно спускалась, зеленые твари выползали наружу, они зло шипели, обливая меня своей ненавистью, но нападать не торопились.

Мой ездовой ящер наотрез отказался подходить к ним близко, пришлось спешиться и идти пешком. Незаметно пошевелила пальцами, проверяя со мной ли моя магия. Зеленые потоки энергии, которые я визуализировала в лианы (да-да я сама придумала те подземные лианы, на самом деле, это голая энергия, которая могла становиться как проницаемой, просто двигаться сквозь толщу земли, так и плотной, способная крошить камень).

Прошла почти до центра, попав в полное окружение, остановилась.

Ящеры не спешили что-либо предпринимать, и правильно делали. Справа от меня началось легкое движение, после нескольких минут переглядок, я не могла упустить это из виду, и повернулась туда.

Стараясь держать равновесие на двух ногах ко мне шла уже знакомая ящерица бежевого цвета.

— Мириам... — утвердительно кивнула в приветствии.

— Приш-ш-шла, — прошипело это чудовище.

— Пришла.

Метку неожиданно пробило молнией, и я не сдержавшись вскрикнула, схватив больную руку за запястье и уставилась на то, как место с меткой начало дымиться, словно об нее только что кто-то погасил окурок.

Мириам сорвалась с места, и пока я трясла рукой пытаюсь сообразить, как облегчить боль, она высунула длинный раздвоенный язык и просто слизнула с ладони само пятно. Облегчение пришло моментально, осталось лишь брезгливо стряхнуть на песок слюни. Ну, что за гадость?! Внимательно всмотрелась в ладонь — не осталось даже намека на красное пятно.

Бросила на нее подозрительный взгляд.

— Моя кроф-ф-фь — прошипела она. — Она. Прифела те...бя...

Ее глаза указали на ладонь. Вновь вернула взгляд на руку, поразминала пальцы, сжала и разжала, — никакого дискомфорта не ощущалось.

— Что ты хотела? — обратилась к ящерке.

Почувствовала некое разочарование. Я-то думала меня сюда и вела какая-то миссия, а тут... кровь. Но, кажется, этот мир меня уже ничем не сможет удивить.

Ящерица тем временем развернулась и направилась в сторону ближайший гор, видимо, мне предстоит проследовать за ней. И я пошла.

Передо мной открылся низкий вход в пещеру, пришлось нагнуться. Это рептилии удобно, плюхнула на четыре конечности и ползи себе на здоровье, а вот мне пришлось идти гусиным шагом. Ох, и сложная эта работа! Знала бы, больше уделяла внимание тренировкам.

Наконец, когда сдало мое терпение, а хвост ящерицы скрылся за очередным поворотом, я решила: с меня хватит — разворачиваюсь и... и... Мой взгляд уперся в длиннющий темный тоннель за спиной, уходящий далеко в сторону. Хорошо, что стены этого прохода были покрыты какой-то странной светящейся пылью, — было видно практически все. Как я умудрилась пройти так далеко, ума не приложу.

— Мириам... — пропыхтела, падая на четвереньки и начиная ползти в ту сторону, где недавно видела светлое тело ящерицы. Эти тоннели явно не для человеческого роста.

Волосы растрепались, и навязчиво лезли в лицо.

— Мариам, имей совесть. Пошли обратно...

— Шей — я... — холодный нос уперся в мою макушку, поднимать голову не стала, не очень хотелось, с этой ящеркой становиться нос к носу.

— Шей, значит, — перекатилась на пятки, получилось удачно — теперь я хорошо различала все тело ящерки.

Она немного просканировала меня своим взглядом, развернулась, продемонстрировав удивительную гибкость, спрыгнула в темноту. И только тут я заметила, что дальше тоннеля нет, непроглядная темнота это наглядно демонстрировала.

Пришлось ползти. Я совру, если скажу, что мои колени не тряслись. Да я вся тряслась: мышцы от полученного напряжения, колени от страха, губы от холода. Не добавляло комфорта стоящая здесь влага: одежда намокла и противно липла к телу.

Подбородок позорно задрожал, когда я подползла к краю, заглянула вниз. Ох — ё!

Шей была уже внизу и выжидательно смотрела на меня, недовольно переминая всеми лапами по мелкому песку. Это была довольно большая площадка, откуда-то сбоку

освещаемая красным светом.

— Ш-ш-ш... — поторопила меня ящерка.

Высота была метра полтора, казалось бы немного, но очень страшно.

Развернулась и свесила ноги вниз — что тянуть.

Прыг! И уже приземлилась. Шей уже успела ухватить меня за брючину и потащила куда-то в бок. Я была дезориентирована и поэтому пошла без сопротивления.

Красный шар, размером с баскетбольный мяч, мягко светился, освещая всю небольшую пещеру.

Свет завораживал. Сделала шаг вперед.

— Прикас-с-ни — сь...

Шей стояла чуть позади и внимательно следила за мной и за моими движениями. Мне очень хотелось ее послушаться, более того, я интуитивно стремилась к этому. Крепко сжала руки в кулак и резко развернулась к ящерице.

— Объяснись, — отдала приказ.

Она, чуть склонив голову, сделала от меня шаг назад. Несколько секунд просверлила взглядом песок, словно раздумывая о чем-то. Но меня эта мнимая покорность не убедила.

— Я покаж-жу. Шсядь...

Ничего другого не оставалось, как сесть и, собрав волю в кулак, уверенно уставиться на Ящерку. Медленно передвигая своими округлыми ногами, она довольно близко приблизилась, по спине пробежали трусливые мурашки, но я не пошатнулась, а так же осталось сидеть на пятках, опираясь на колени.

Миг и место зрачков ящерицы, в которых отражалось алое свечение камня за моей спиной, возникли уже знакомые схематические картины из снов. Они мелькали как в диапроекторе, одна за одной.

И послышался фоновый голос.

«Мы исконные жители этого мира, были поработены и почти уничтожены. Уничтожены. Десятилетиями наблюдали, как гибнут наши дети от непонятной болезни. Мы пытались сражаться» — картинка показала людей с огнестрельным оружием в руках, — «Мы хотели договориться, чтобы нас не трогали», — картинка показало огромное поле, усеянное телами, по которому уже ходили знакомые мне птицы-падальщики.

«Нас не хотели слышать. И тогда мы выкрали душу этого мира у людей и спрятали глубоко в горах. Душа — это первый вариант алтаря. Она слабая... Она находится у тебя за спиной. Мы выжили. Точнее выжили из нас единицы. Мы приспособили эту местность для себя. Остальное забирайте! Это не трогайте! Горы! Эти НАШИ!»

Я почувствовала, что ударилась копчиком. От угроз в голосе Шей отшатнулась назад и упала.

Теперь она надвигалась на меня. Я принялась отползать. И ползла пока не уперлась лопатками в подставку с шаром.

— Наша. Оставь нам!

— Воу, зубастая, полегче, — с трудом сохраняя спокойствие, поднялась с земли и выставила ладони перед собой.

Ящерица сделала еще один шаг ко мне.

— Если ты сейчас меня схарчаешь — придется искать новую Хранительницу. Ты уже поняла, что сама ты не сможешь занять это место.

— Не могууу, — выдохнула эта гадина. — Ш-ш-шкуру сменила и не могууу... Не

могуу...

Она завертелась на месте, неужели это так истерика проявляется.

«Ага, — про себя подумала, — шкуру она сменила, краской разукрасилась светящийся, понятно теперь, где она ее взяла — пыль со стен соскребла. А сама как была тварью, так и осталась».

— Алтарь сильнее души... — выла она. — Ты сможешь-ш-ш управлять обоими.

— Хм... Уверена? — почесала подбородок и оглянулась на камень.

Если присмотреться, в нем действительно видны разноцветные нити стихий, которые словно провода переплетались между собой.

— Я не могу... Просто ничего не меняй-й-й... Оставь низину нам.

Угрозы от камня не чувствовалось. Что ж, рискнем. Ящерам я зла не желала, хотят низину. Попробую им ее дать.

Надо закрыть все гештальты, перед конечной целью.

Глава 31

— Нам больш-ш-ше... не надо. Только это-о-о мес-с-сто...

Ну прям, как демон-искуситель поёт эта ящерица. Все то время, что я кружила вокруг шара, пытаюсь рассмотреть, что же там скрывается внутри, и будут ли какие подводные камни, — она ходила следом на расстоянии метра, ни больше ни меньше и вешала мне на уши угрозы вперемешку с подкупом.

— Будет награда-а-а...

— Чудно...

Награда, так награда, лишь бы не отвлекала. Ничего нового в переплетении силовых полей я не увидела, все это было в структуре алтаря.

Ну, рискнем! Положила руки на теплую поверхность шара.

Все-таки мышление современного человека с земли довольно сильно отличается от мышления местных жителей. Если они при каждом проявлении энергии готовы падать на колени и кланяться проявлениям всевышней силы, то мы, попаданцы с Земли, относились к этому более практично и наш подход, буду откровенной, намного продуктивней. Взять к примеру ту же Шею. Что она сделала: прикинулась человеком, для чего вылиняла пару раз, нарисовала рисунки на теле и принялась проводить ритуалы уповая на силу молитвы. И ведь делала все по инструкции: то что надо намазать на тело — намазала, что надо выпить — выпила и ничего у нее не получилось, а потому что она не знала сути происходящего. Я вот, например, знаю. И Орлов знает. И Ева... Но Ева нечто среднее, она скорее догадывается и знает теорию, но, если расспросить ее о деталях — это, по ее мнению, будет воля высших сил.

Шар действительно оказался мини алтарем, и работать с ним оказалось еще проще. Стоило коснуться, как передо мной предстала 3-D картина энергетических потоков на планете: две явно статичных точки и одна нервная — это была я. Моя энергия переливалась всеми возможными цветами — ну, что сказать — живенько.

Как помочь ящерам и оставить годням для жизни этот кусок земли, представляла с трудом. Есть два источника, сильный и слабый, я могу воздействовать на оба. А если?! Так замкну потоки энергии на малом источнике и оставлю подпитку от большого. Оставила в покое и принялась рассматривать. Эм... нет. Надо алтарь вообще отключить от мелкого. Да, так и сделаю. Надеюсь, от моих манипуляций нигде там наводнение или землетрясение не случится. Было бы не очень хорошо. Понаблюдав за энергией. Все осталось без изменений.

Волны, идущие от камня, относятся только к одной территории, а энергия из алтаря не касается этого участка. Оставлю пока так. При необходимости, я смогу все изменить.

С трудом оторвала руки от гладкой поверхности, как меня сразу повело в сторону. Не ожидала такого оттока энергии. Ну, ничего — восстановлюсь.

— Как? — раздалось из-за спины.

Шей была все еще здесь.

— Пока не знаю. Сделала, что смогла, если будет меняться обстановка, придется тебе со мной связываться — перенастрою. И..., - я почесала кончик носа, — Шей, я не хочу гибели твоего племени. Помогу вам выжить, но и людей обижать не позволю. Понимаешь.

— Да-а-а... Хранительница устала... Шей отвезет ее. Сюрприз-з-з... ждёт хранительницу...

Она ловко крутанулась вокруг своей оси, подползла ко мне со спины, тупым носом подсекла под колени, и я, не ожидавшая такого подвоха, так удачно завалилась назад, что через секунду уже сидела верхом на этой ящерке. Ловко.

Шей понесла меня к выходу иным тоннелем, не тем, по которому мы сюда добирались. Этот был еще уже и без освещения. Вот где я натерпелась страху. Лежать плашмя на, честно сказать, довольно дурной ящерице, и пробираться по узким проходам в полной темноте, иногда слегка цепляясь рубашкой за каменные стены, такое себе удовольствие. Хотелось зажмуриться и скулить, словно щеночек. Но я же кремень — поэтому просто материлась, про себя, конечно.

Мы выползли совсем не в том месте, где я ожидала. Передо мной теперь лежало большое плоское плато, где-то внизу, метрах так в ста пятидесяти, шумел океан. Чуть в стороне склон был более пологий, наверняка если я пройду в ту сторону — найду спуск к воде. Но мне пока не хотелось. Хотелось стоять наверху и смотреть на весь этот простор.

В данный момент хотелось напомнить себе, что я землянка и это место не может вызывать таких чувств, словно я очутилась — дома.

За спиной зашуршали камни, и я оглянулась. Ящерица смотрела на меня не отрываясь. Хотела сказать: не моргая, но, черт его знает, моргают ли ящерицы вообще.

— Это твое место на наш-ш-шей земле-е-е... — вкрадчиво проговорила она.

Вот же чертовка! Уговорила, когда дойдут руки, официально выделю эту землю ящерам, но это плато и прибрежную зону оставлю в свое владение.

Но! На ее заявление лишь кивнула — мол, услышала.

И тут за спиной у Шей я увидела небольшой трехэтажный дом. Его стены выложены из крупного камня, арочные окна, небольшая мансарда на третьем этаже, и покатая черепичная крыша.

— Твое-е-е...

Я это поняла и без ящериц, но молодец, что сказала вслух.

Направилась было к дому.

Удивительно, как сюрпризы бодрят. Пока выбирались из туннелей думала, что стоит остановиться — усну. Сейчас же я полна энтузиазма и бодрости.

— Ш-ш-ш..., — отвлекла меня ящерица от своих мыслей и махнула своим носом чуть в сторону от дома.

Я последовала ее совету исключительно из вежливости. Что может меня удивить сильнее, чем шикарный вид на океан или дом мечты, с шикарным видом на океан, но...

Мои ноги подкосились, я едва не упала — просто замерла. Пыталась сказать хоть слово,

но не могла выдавить из себя ни звука. Сколько уже прошло, почти десять месяцев? Прожить десять месяцев с чувством потери и горечи одиночества. Эта горечь впиталась в меня, въелась в кожу, из-за нее я трудилась, как проклятая, чувствуя эту горькую вонь повсюду.

Стала избегать друзей, не могла видеть их лица. Они живы, и я была жива... Это казалось сродни проклятию, так жить... И понимать, что Они могут, а у меня получается лишь дышать и существовать. И, Боже, как хотелось их за это ненавидеть, но это было бы неправильно и мелочно.

Его лицо было скрыто привычным для этого мира головным убором, или по-нашему, земному, арафаткой. Он вышел из-за стен и осторожно пошел по направлению к нам. Шел медленно, непривычно осторожно, раньше его движения были резки и порывисты. На мгновение засомневалась — может, ошиблась. Но, нет, это же Шэнли. Мой Шэнли.

Хотела рвануть сразу к нему на встречу — обнять, зацеловать, — но Шей преградила мне путь, бросив предупреждающий взгляд.

Шэнли приостановился и наклонил голову, словно прислушиваясь, но мы больше не издали ни звука, и он, чуть постояв, двинулся дальше. Его удлинённую рубашку и широкие штаны трепал легкомысленный ветер, а вот его кулаки были сжаты. Я с удивлением заметила разбитые костяшки пальцев.

Я жадно впитывала каждое его движение и каждый его шаг. Вот он поравнялся с нами, чуть наклонив голову, видимо, опять вслушиваясь, но не стал останавливаться, плавно двинулся дальше. Мои губы дрожали, а по щекам струились ручейки слез. Мы дождались, когда Шэнли подойдет к самому краю обрыва и усядется в позе лотоса, расставив руки в разные стороны, словно буддийский монах, его плечи расслабились, он сделал глубокий вдох и приподнял голову, мне хорошо стала видна повязка закрывающая глаза, подставляя лицо или океаническому ветру, или скромным солнечным лучам.

Когда я оторвала свой взгляд от такой родной фигуры заметила, что Шей уже нет рядом, а солнце довольно низко приблизилось к горизонту.

Старалась сделать все сразу: восстановить дыхание, справиться с ненормальным пульсом, с чокнутыми слезами, с нервами. Решительно двинулась в сторону мужчины, стараясь ступать мягко и бесшумно, но в какой-то момент Шэнли меня услышал, я это поняла по вмиг напрягшимся плечам и застывшей позе.

Не помню, как подошла, как села на корточки против его и как осторожно поцеловала сначала лоб, затем нос и легкий поцелуй достался губам. Шэнли отшатнулся, но я уже его крепко прижимала к себе, приговаривая: — Нашла. Я тебя нашла.

Не сразу, кажется, ему нужно было время осознать, но он осторожно обнял меня за талию и аккуратно, словно я вот-вот могу рассыпаться, притянул к себе.

Глава 32

— Не верю, что это ты...

Я осторожно, едва касаясь, водила дрожащими пальцами по подбородку, по бороде, заросшим щекам, но стоило только приблизиться к повязке, закрывающей глаза, как Шэнли отстранялся.

Мы все еще сидели над самым обрывом, под нами гудел океан, и мы молчали. Шэнли не стал ощупывать мое лицо, как это делали все киношные незрячие, а я хотела, чтобы он ко мне прикоснулся. То, что он держал меня за кончики пальцев левой руки меня совершенно не устраивало. Поэтому трогала его сама, и мне совершенно неважно, что он думает о моих непослушных пальцах. Но женская интуиция говорила, что ему нравится.

— Зачем ты здесь, Катя, — он не поворачивал голову в мою сторону, просто слегка наклонял, давая понять, что внимательно меня слушает. Я уже стащила с его головы тряпку и сейчас любовалась отросшими волосами и улыбалась, ей Богу, как идиотка. Он может говорить все, что угодно, но больше я его не отпущу.

— Я тебя искала, — тихо проговорила, и погладила его кисть, сбитые костяшки стараясь не задевать.

— Зачем? — уголок его губ дернулся, ну, то есть ус дернулся. Вот, что с мужчинами происходит в одиночестве.

Что я должна ему ответить на такой вопрос? Что у меня все внутри дрожит от того что он рядом, трясутся колени. Хочется обнять, пожалеть, а потом расцеловать, что мне его не хватало, словно я дышала в половину своих легких. А сейчас дышу и мне больно и страшно. Но как ему это все сказать? Между нами только и были-то довольно странные поцелую.

— Мне тебя не хватало.

Я крепко сжала его ладонь двумя руками, и внимательно всмотрелась в лицо. Боже, как же мне хочется посмотреть в его глаза.

Он тоже сжал мою руку, но проговорил обратное:

— Уходи Катя. Ты... здесь..., — он сглотнул, я увидела, как быстро дернулся его кадык. — Ты здесь лишняя, Катя.

Быстрый страх пробежал по венам, на этот раз мне пришлось сглатывать, в горле было сухо.

— Ты... У тебя кто-то есть?

Казалось, до него не сразу дошел мой вопрос. Он нахмурил брови, и воскликнул:

— Что?... А? Нет. Я один. Не в этом дело.

Фух... Ну это всё меняет.

— Шэнли... Шэнли, позволь мне остаться. Пожалуйста.

Изначально хотела выложить перед ним все карты, но, чуть подумав: у меня же есть еще время, не буду торопиться. Одно только то, что он сидит рядом и держит за руку — чудо.

На мою просьбу он не спешил отвечать согласием, но и прогонять не спешил, просто держал руку, поглаживая мои пальцы большим. Посмотрела на свои руки, затем на одежду — мать моя женщина, да только за один мой вид любой нормальной мужчина меня бы прогнал. Долгое путешествие и прогулки по туннелю с ящерицами не пошли мне на пользу.

— Хочешь спуститься к океану? — неожиданно спросил Шэнли.

Он умеет читать мысли? А на вопрос решил не отвечать. Ну, ок! Поиграем по твоим правилам.

— Хочу, — улыбнулась, уверена он очень четко ощущает мои эмоции.

Пусть лучше эмоции, но только не запах. Я не только выглядела, как кикимора болотная, но и источала соответствующие амбре.

Он поднялся первым, и помог подняться мне, придерживая за руку.

Мы пошли как раз в ту сторону, где я ранее заметила место для спуска. Рядом с ним, спуском, заметила свои вещи, которые я не стала снимать с ездового ящера по прибытию. Видимо, Шей подсуетилась и принесла их сюда.

Захватила сумку, в которой хранила чистое белье, и которую мой джентльмен тут же перевесил на свое плечо.

Здесь была довольно пологая, вырубленная из камня лестница и, к моему стыду, именно здесь я чувствовала слепым бегемотом, неуклюже перепрыгивая с одной ступени на другую.

Если бы не Шэнли, свернула бы себе шею уже на третьей.

Чувствовала себя влюбленной дурочкой, постоянно цепляясь за мужскую руку и улыбаясь. Мы сбросили обувь и остались босыми почти сразу как достигли песка. Хорошо.

Немного побродив по берегу. Все время держались за руку.

Когда уже нагулялись, я отпросилась поплавать, а заодно и ополоснусь. Вода была... эм... освежающей. Мылась быстро, но максимально тщательно, на несколько раз.

Обтерлась чистой рубашкой и надела смену нового белья. Шэнли все это время сидел в стороне, и его слегка наклоненная голова подсказывала, что он внимательно вслушивается в окружающее пространство. Надеюсь, его позабавили мои вскрики, когда я влетела с разбега в ледяную воду.

— Взбодрилась, — смеясь, подбежала к Шэнли и, пока он ничего не понял, потихоньку отжала свое «полотенце» над его макушкой, несколько холодных капель упали прямо в его черную шевелюру. Я замерла, ожидая реакции, и она последовала незамедлительно. Он умудрился поймать мою ладонь и усадить рядом с собой на песок, а затем просто стукнуть указательным пальцем по носу со словами: «Больше так не балуйся!», но я видела, что он улыбается. Шалость удалась!

Уже совсем стемнело и мы направились в логово холостяка.

Шэнли обустроился в том самом каменном доме, который мне так понравился. Здесь все было, как я хотела. Простая сбитая из досок мебель, столы, стулья, буфеты, полки, огромная печь, в общей комнате был огромный камин, огромная шкура размером с медведя, только серого цвета, еще один стол и пара стульев; на втором этаже все комнаты были закрыты из-за ненадобности, а вот на третьем была обустроена спальня с огромной кроватью, от которой к потолку поднимались массивные балки, думаю, здесь в лучшие времена висел балдахин. Прикрыв глаза, я видела эту картину как наяву. Массивный комод, кровать, большие окна, небольшой самотканый коврик на полу, и белые развивающиеся от океанического ветра шторы.

Шэнли ориентировался в интерьере легко и непринужденно. Пару раз ловила себя на мысли: может, он притворяется. Только зачем ему это надо. А сколько раз я себя хватала за руки в желании ему поднести, открыть двери, что-то подать. Думаю, Шэнли мне бы этого не простил. Просто печенкой чувствую, что его гордость не позволит терпеть жалость рядом с собой. А я очень хотела быть рядом.

Удивительно, как поменялось мое восприятие после утраты. Мне выпал еще один шанс, и я не могу позволить себе его упустить. Пусть и в флирте с противоположным полом раньше я не была замечена, но надо с чего-то начинать. Да и не особо-то Шэнли сопротивляется моему здесь нахождению. Ну, а молчание — знак согласия.

Подкрепившись местной яичницей, Шэнли собрал со стола посуду и отнес в деревянный бак припрятанный за небольшой ширмой, но опускаемая глиняная посуда загремела не сразу, я так и чувствовала, что он взял небольшую паузу, чтобы вновь выйти ко мне, перевести дыхание, так сказать.

Пока он на местном аналоге печи готовил яичницу, я заваривала чай из ароматного мха, и сейчас самое время нам его испробовать. Сняла с широких деревянных полок два громоздких бокала и, осторожно разлила напиток. Шэнли молча сел напротив, но пробовать мое варево не спешил.

— Катя, давай серьезно..., — он опустил голову, и я представила, что он смотрит в пол.

— Давай серьезно.

— Ты, наверное, не знаешь, но тебя, после восстановления коронуют, ты станешь королевой. Шей иногда ко мне приползает... говорит.

Так, он знаком с этим кривоногим динозавром. Надо не забыть расспросить об этом подробнее.

— И говорит, что двор почти весь сформирован. Мир оживает. К тебе направляются самые достойные из достойных мужчин, что у нас только есть на земле.

Он сцепил руки в замок, а я же безразлично бросила:

— Да, так оно и есть.

Шэн вновь вздохнул.

— Я... Я, Катя..., — он замолчал. — Я не могу покинуть это место и не могу быть рядом с тобой. Да, я твой рыцарь, мой отец тоже был... и дед, и... Все мужчины моего рода. Но какой из меня личный рыцарь сейчас? Один смех. Одно радуется, что я смог тебя спасти тогда. И это меня хоть как-то поддерживает, иначе зачем это все?

Он неуверенно развел руками, но его, обычно гордая спина, сейчас словно надломилась. Кисти рук, пальцы, которые он во время своей речи нещадно мямлил, теперь были сжаты в плотный замок до побелевших костяшек, ранки на которых начали кровоточить.

Господи, что у этого мужчины в голове? Но меня, как-никак, воспитывал тоже мужчина, папа, и я знаю, что в таких случаях делать. Хм, а точно!

Ловко спрыгнула со своего стула и подошла к Шэнли, сначала осторожно, а затем более решительно погладила по спине.

— Позволишь? — и не дожидаясь ответа взяла его за руку, и принялась осторожно стирать кровь по краям ран своим платком. Пусть в этом и не было большого смысла: раны давно зарубцевались и закровоточили только от движения. Но, в моем случае и это хлеб.

— Шэнли, — проговорила нежно и немного растрепала его шевелюру, стараясь избегать плотной повязки, которой были замотаны глаза.

Кажется, его мои осторожные действия немного успокоили, и он принял менее напряженную позу, чем я успела воспользоваться и уселась ему прямо на колени. Он, откровенно признаться, обалдел.

— Шэнли, я не хочу быть королевой, — я продолжала наглаживать его по плечам, кажется, так мои слова мягче ложатся на его убеждения. — Там, в замке, я сделала все, чтобы люди могли работать и от меня не зависеть. Понимаешь?

— Но так нельзя, — убежденно проговорил этот упрямый осел.

— Шэнли, мне все можно.

Сказать или не сказать?!

— Я вообще не из этого мира, понимаешь? Мне далеки ваши ценности, короли, титулы.

— Не из этого? — он нахмурил брови, я была готова к любой реакции, вплоть до негативной, вроде: «Фу, гадость. Поди прочь!», но нет мне попался адекватный мужчина: — Я что-то подобное и предполагал, и это теперь многое объясняет. Но все равно, так нельзя.

Я закатила глаза. Достал.

И поцеловала...

Помнится, до этого он целовал меня без моего разрешения: «Лови ответочку, дорогой!»

Глава 33

Так упоительно было его целовать и чувствовать ответные поцелуи, что я потеряла счет времени и, когда наконец смогла оторваться от его губ, решила глотнуть чай — он был холодным. С его колен спрыгивать не собиралась, мы так и продолжали сидеть вместе, я по-

прежнему в его крепких объятиях, и пить остывший — признаюсь, невкусный напиток.

— Вот теперь ты понимаешь, почему я не хочу уходить, — я его еще раз быстро поцеловала в губы, ну чтобы не заводил по новой старую песню.

Он из тех людей, которые слушают, слушают, а потом все равно делают все по-своему. Вот я и решила, прожужжать ему все уши, что без меня "ну, никак", а мне без него. Не знаю, это ли называется пресловутой женской хитростью, но кажется, страх потери стал частью моей сущности.

— Я уберу со стола.

Поднялась, быстро собрала кружки и направилась за ширму. Вода была холодной, но это не помешало мне быстро ее помыть и вернуться.

Шэнли не было. Сердце пропустило удар, я выбежала к лестнице, испуганно вскрикивая:

— Шэнли... Шэн...

Кажется, наверху послышался грохот, и я бросилась туда, но мне на встречу уже выскочил мой мужчина. Как он ориентировался — не понимаю, но он быстро схватил меня за предплечья и притянул к себе.

— Катя, ты чего? — удивленно проговорил он, прижимая меня к себе.

— Думала, ты ушел... — словно в детстве отца, сейчас я обхватила Шэнли за талию и крепко прижалась щекой к его плечу.

— Глупая... — усмехнулся он и, взяв меня за руку, повел в комнату. — Спальня у меня одна, как-нибудь уместимся на одной кровати. Ты ж не против?

«Я? Еще спрашиваешь!», а сама тихо добавила, скромно:

— Нет, не против.

В комнате мы быстро привели себя в порядок, я ополоснулась в лохани, которая располагалась в специальном закутке, там же, за ширмой был пристроен местный, деревянный аналог унитаза и стояла большая ванная — роскошь, по местным меркам. Затем, подумав, переоделась в свободное платье, подобранное специально для сна.

Шэнли на время моих сборов куда-то ушел и вернулся только после того, как я самостоятельно расстелила постель и, укутавшись в покрывало по самый нос, ждала его с упорством всматриваясь в темный прямоугольник дверного проема.

И он пришел. Тихо разделся, так же поплескался в «закутке» и присоединился ко мне. Поцелуя на ночь я так и не дождалась, но мне и вечерних вполне было достаточно.

Наверное, впервые я так хорошо выспалась, без сновидений и волнений. Проснулась в полумраке от легких поглаживаний по лицу, едва заметных.

Не сразу, но стоило глазам привыкнуть ко мраку, рассмотрела как Шэнли лежит на боку, полностью развернувшись в мою сторону и гладит. Повязка на глазах слегка сбилась и я увидела небольшие шрамы от ожогов на висках и под волосами, словно паутинка, но она была настолько не заметна, что я сразу перевела свое внимание на что-то более увлекательное — нежное проглаживание и затаенную в бороде улыбку.

— Ты похудела... — прошептал он, проводя по моей скуле большим пальцем.

Я не нашла что сказать, просто продолжала пятиться на него.

— И волосы стали другими... и я тоже... скучал...

Последняя фраза была настолько тихой, что вполне могла послышаться, но последующие крепкие объятия развеяли все сомнения. После этого я вновь уснула. Кажется, я в таком положении готова поспать вечность.

В следующий раз проснулась резко и не могла понять, что меня разбудило. В комнате было светло, значит, уже день.

Через некоторое время тишины до меня донесся грохот и сдавленное ругательство. Вскочила — что-то случилось, — и босиком по каменному полу побежала в направлении ванного уголка, откуда доносились эти звуки.

Резко остановилась в дверном проеме. Шэнли стоял ко мне спиной руками опираясь на уже знакомую мне лоханку, и раздраженно сжимал ее края. Я не спешила к нему подбегать с криками, остановилась, оперевшись плечом об дверной проем, принялась с любопытством рассматривать его спину. А там было все грустно: те же паутинки шрамов, что слегка коснулись век и кожи на шее, покрывали практически все спину, неудобно стягивая кожу. Прошло уже достаточно времени и все ожоги уже зажили, но, Боже, какую боль он, видимо, тогда испытал. Бедный мой, бедный.

Он слышал, что я нахожусь здесь, только не спешил предпринимать никаких действий, по-прежнему стоял в напряженной позе, давая мне в подробностях рассмотреть свою спину. Может, надеялся, что сбегу. Ага, разбежалась — бегу и тапки теряю.

Тихо подошла к нему и заглянула за плечо.

— Могу помочь — вкрадчиво сказала. Конечно, это же Шэнли — откажется. Но я могу собой гордиться: мой голос звучал довольно обыденно без дрожи, без слез жалости. Расту, однако!

— Помоги, — он уверенно кивнул, а затем, не поворачиваясь ко мне лицом, выбежал из комнаты. Я растеряно опустила руки и с шоком уставилась на слегка мутную воду в лохани, где на дне лежал опасный нож для бритья. Достала и покрутила его в руках. Он, конечно, не точь-в-точь как на Земле, но очень похож.

В этой комнатке так же было продолговатое окно на уровне потолка, но его света вполне хватало, чтобы все рассмотреть в подробностях. Тщательно выравненные каменные стены, ровный пол, принадлежности для купания — здесь явно обустроивали все с заботой.

— Принес, — Шэнти внес в комнату деревянный табурет на трех ножках, на сиденье сверху были уложены какие-то тряпочки.

Молча наблюдала за быстрыми, четкими движениями мужчины — поставил стул возле меня и лохани, взял тряпочки, сел на табурет, резко наклонился, схватил мою ступню — я охнула, но удержалась, — поцокал языком, осуждая мои ледяные ноги, немного их растер своими большими шершавыми ладонями — тут уж я хотела сказать: «Шэнли! Я хочу от тебя детей!», но с таким наслаждением промолчала, — и принялся наматывать портянку на мою ногу. То же самое было сделано и со второй ступней.

— Если не согрелись — ставь на мои ноги, — серьезно проговорил он.

— Хорошо.

— Мыло, — он где-то сбоку нашел небольшой темно-зеленый кругляш и протянул мне.

Я заметила на его щеке, едва заметный, свежий порез — вот, что это был за грохот, которой меня разбудил.

Управилась на удивление споро, около часа, я думала, буду день возиться с его бородой, даже бородищей. Плюсом чуть подравняла волосы, теперь они едва ли доставали до плеч и удобно убирались в короткий хвост, а так же зачесывались назад.

— Можно? — в какой-то момент я потрогала повязку, и Шэнли с небольшой заминкой кивнул.

Осторожно стянула ткань наверх и затем сняла вовсе. Что с облегчением отметила

сразу: глаза были на месте, но прямой взгляд более блеклых глаз, сейчас они были почти кофейного цвета, говорил, что Шэнли смотрит в пустоту. На веках и вокруг глаз была сеточка ожогов, неровно отросшие темные ресницы — и все это я со щенячьей нежностью принялась целовать.

На финише долго гладила его шею, щеки, обнаженную грудь кажется, немного увлеклась, ведь ничем иным не объяснишь то, что мы пришли в себя на разобранной кровати, мое платье было наполовину сдернуто с плеч и теперь болталось на локтях, одна грудь вывалилась из разреза, но Шэнли на этот произвол не жаловался, а с упоением ее целовал.

— Они прис-с-шли...

Глава 34

— Кто? — Шэнли, словно ошпаренный, соскочил с меня и принялся дрожащими руками возвращать полы платья на положенные для них места.

— За Храни-и-те-е-ельницей. Мы не пустим с-сюда.

Мужчина, склонившийся надо мной, замер. Его темные волосы упали на его лицо, закрывая мне весь обзор. А так хотела видеть всю его мимику.

— Мы выйдем, — наконец, выдал он и принялся подниматься.

Я же осталась, как брошенная любовница, одна на кровати — обидно, пока Шэн не протянул мне руку для помощи.

— Собирайся, Катя, нам надо будет выйти.

Собиралась молча. Шэнли то и дело наклонял голову в мою сторону, прислушиваясь. Ну и что, что пыхтела, как ежик — я раздражена!

Долго вертела на голове платок: все никак не могла успокоиться и решить, как его повязать, в конце концов, окончательно испортив и без того неаккуратную прическу. Получилось что-то вроде «Я скатилась с сеновала — тормозила головой». Психанула и бросила платок на кровать.

— Я никуда не поеду!

Шэнли немного помолчал, а затем чуть дернул уголком губ, шагнул ко мне.

— Ну, что ты, моя...

— Все, стоп! Главное, «твоя»! И я остаюсь здесь! — сделала шаг назад, громко топнула ногой, но Шэнли лишь широко улыбнулся и все же шагнул ко мне.

*** **

Через три часа я уже недовольно скрестив руки на груди и бросая гневные взгляды на наших сопровождающих, тряслась на ящере, который гнал в сторону замка. Ну, вот не хочу я туда. Такое чувство, что меня гонят палками, как, блин, безмозглую скотину.

Двадцать стражей прямо намекнули, что если я не поеду добровольно — поеду добровольно-принудительно.

Одно радовало мой верный страж поехал со мной, он особо и не сопротивлялся моей просьбе. Только вновь погрузился в себя. Если раньше, до трагедии, он ходил с каменным лицом, я могла ловить отблески эмоций в его глазах, а что сейчас? Закрыв повязкой глаза — не человек, а манекен.

Неделю, пока добирались, я дулась, не давая погаснуть пожару негодования, что горел у меня внутри.

Больше бесило понимание, что мной тут постоянно кто-то пытаться руководить. Катя, делай то, не делай этого. А Катя просто хочет быть спокойной и счастливой. Я сделала все,

что было в моих силах — скажите «спасибо» и отстаньте. Так, нет, им опять Катя нужна.

Перед подъездом в замок меня встречали ВСЕ! Господи, мне даже не дадут спокойно подъехать и порвать Еву и Сергея, этих двух гадов, на сотни маленьких Евочек и Серёжек, что послали за мной. Мало того, они за мной следили. Не лично, конечно, но тем не менее.

Так вот, была выстроена моя небольшая армия, почти весь мой штат начальников-министров, девочки-жрицы, простые рабочие. Особое внимание на себя обращал ряд мужчин, которые стояли на одном колене, с воткнутыми в землю мечами и преклонив головы.

Раз, два, три... — всего двенадцать.

Так получилось, что мне пришлось проезжать как раз мимо них. Хм...

Еще меня насторожила реакция Шэнли. Он ничего не видел, но точно что-то чувствовал, если до этого его спина была гордой, то сейчас просто хоть заборы ровняй.

Мне же пришлось запихнуть свое «эго» поглубже и помахать встречающим меня людям. Они ни в чем не виноваты.

Не успела я толком проехать толпу встречающих и спешиться, как Гелла подхватила меня под руки и отвела в комнату, где ждал шикарный гардероб. Платья, юбки, блузы были развешаны везде, где только можно.

— Мы так вас ждали, так ждали, Хранительница.

— Гелла, что происходит? — серьезно спросила, осматриваясь.

— Сейчас придет Сергей Александрович и все расскажет, а пока отдыхайте, приводите себя в порядок, скоро принесут легкий перекус.

— Гелла, что происходит? — повторила я и заметила, как она прячет глаза.

— Это все турнир, — с печальным вздохом проговорила девушка. — Мы пытались все отменить, но пришлось отложить, но и это уже не получается. Сергей Александрович пытался все уладить миром и, вроде, все стало получаться, только... только вино и весь алкоголь быстро закончился.

Я раскрыла рот и просто хлопала глазами таращась на Геллу. Пришла в себя лишь услышав какой-то шум у двери, и пока никто не успел войти быстро спросила:

— А просто выпереть их за ворота не пробовали, не скармливая этим молодчикам все наши запасы.

— У каждого с собой небольшое войско. А наше... эх... еще мало тренируется. Сергей Александрович...

— Труп, — трагично добавила, на что Гелла испуганно прикрыла ладошкой рот.

Прошлась по комнате, еще раз осмотрела количество нарядов.

— Гелла, — проговорила, — узнай, где мужчина, который со мной приехал с повязкой на глазах.

— Сейчас, — и девушка юркнула за дверь. Кажется, на ее лице промелькнуло облегчение.

Устало плюхнулась на кровать. Турнир! Какой абсурд! Растерла лицо. Надо обмыться, пока я еще в состоянии. Устала с дороги, да еще и такая фееричная встреча. Хочу посидеть в купальне, прогреться до костей и подумать.

*** **

Я успела сделать все: и помыться, и поесть, и отдохнуть, а ко мне так никто и не пришел. Даже Геллы не было.

Уже хотела идти разыскивать «дорогого» друга сама, когда он явился собственной персоной.

Появился в дверях с гордой осанкой и высоко вздернутым носом.

— Катя, здравствуй, — он сделал шаг, хотел, привычно меня обнять, но натолкнулся на мой суровый взгляд и сразу сник.

— Что происходит, Сергей? — я сидела на небольшом пуфе у окна и теперь смотрела на друга снизу вверх и это нисколько меня не смущало, в смущении был друг.

— Турнир за твою руку и сердце и эм... твоего спутника жизни.

«Спокойно, Катя, дыши!» — глубоко вздохнула, локоть правой руки положила на подоконник и перевела взгляд на небо — спокойно.

— Я же сказала, что никакого турнира не будет, — не отводя взгляд от неба, проговорила.

— Катя, — Серега бросился ко мне, чуть ли не падая на колени. — У нас нет выбора. Ты слишком лакомая добыча для каждого из них.

Зря он так близко ко мне подобрался — я отвесила ему такой подзатыльник, что ладонь зазвенела.

— Заслужил, — сделал он вывод. — Двенадцать достойных мужчин. Они правда ничего так. Правда! У девяти даже все зубы целые.

У меня вновь перехватило дыхание от возмущения: зубы — это, конечно, аргумент.

— Я выбрала себе спутника, — я честно держала эмоции в узде, иначе просто скатилась бы в банальную истерику и ничего не решила.

— Шэнли? — аккуратно выдавил друг.

— Шэнли, — вздернула я подбородок.

— Но он инвалид и не сможет участвовать, — воскликнул Сергей.

Тут уже я не смогла сдержаться. Подскочила на ноги и закричала:

— Какой турнир, Орлов? Отменяй все к чертям!

Еще раз замахнулась, чтобы его стукнуть, но он увернулся.

— Катя, ничего не сделаешь. Замуж ты выйдешь за победителя турнира. Это точка.

Не успела я понять, что происходит, как он выскочил за двери, прокричав: «Прости!» и запер меня на засов. Еще какое-то время я колотила и пинала входную дверь — безрезультатно. Доведённая до отчаяния, упала на постель и разрыдалась.

— Сволочи!

Глава 35

В следующий раз, когда я увидела Орлова с ним уже пришла и Ева. В руке она крепко сжимала какие-то древние по виду свитки и смотрела на меня, словно лектор перед экзаменом, ожидая чего угодно от своего нерадивого студента.

Но просто так сносить их обращение со мной я не планировала. Жаль, я не злой, сама по себе человек, и как-то вредить точно не буду, они это знают и пользуются. Но так им это с рук не сойдет.

Когда они вошли в комнату, я сидела в основании кровати, сложив руки в замок и зло, из-под бровей, смотрела на них.

— Свахи пришли. Не гадано, не жданно, — ядовито процеди сквозь зубы.

— Катя, перестань, — спокойно проговорила «пансионатка» и, найдя в моей комнате единственный стул, осторожно прошла и разместила на нем. — Нам тоже это не очень нравится, но вот здесь...

Она потрясла в воздухе свитком и, попыталась найти взглядом во мне понимание, а вот — кукиш вам, а не понимание.

Она упрямо поджала губы и положила свиток на край кровати, и куда делась та неунывающая девчонка из Песочного города.

— Ознакомься.

— Катя, — теперь на себя обратил внимание Сергей. — Это все серьезно. Мы много изучили. Но турнир необходим для тебя же.

— Не лечи меня, Серега. Мне Гелла рассказала, как ты тут выторговывал мою независимость, — слова лились на их головы словно яд, эта парочка даже присела.

— Да не в этом дело! — воскликнула Ева и вновь взяла в руки свиток, принялась его разворачивать. Это у нее плохо получалось, длинные воланы на манжетах то и дело попадали под ее ловкие пальцы — мешая. Сегодня она была одета так же, как и при последней нашей встрече: кремовая блузка с объемными воланами на воротнике и рукавах, а также темно-синяя юбка в пол.

Но не про то я сейчас думаю, сама-то я надела удобные брюки и мужскую рубашку, такой себе бунт, но какой есть.

— У первой Хранительницы, — Ева принялась перечитывать на свой лад свиток, — было семь турниров и семь победителей и только один выжил при финальном испытании на совместимость. У восьмой — четыре, выжил — один. Дальше такая же история. Там процент выживания минимальный.

— Ну и прекрасно, — воскликнула, подпрыгивая с кровати, — отменяйте все! К чему тогда вообще эти танцы с бубном?

— А затем, что наследницу ты можешь получить только от прошедшего ритуал мужчины, — подошел ко мне Сергей и навис, словно дождевая туча над путником, — для этого нужен выносливый здоровый мужик! А Шэнли твой, доходяга, — точно не жилец.

Я подскочила на ноги, глубоко дыша, столкнулась с другом нос к носу. Моя грудь ходила ходуном, словно после стометровки спринтом, сердце по груди лупило так, что было больно, мозг судорожно соображал: что же делать. Обвела взглядом комнату, словно ища верное решение, натолкнулась на свиток.

— Я хочу, чтобы эта история с заточением прекратилась, — из меня лились слова, но говорила словно не я. — Мне нужна вся информация по турнирам, ритуалам и всему, что с этим связано.

— А взамен? — Орлов вздернул бровь, я поморщилась.

— Я согласна почувствовать в вашем «театре бабы Фисы», связанным с этим турниром. Сергей тут же заулыбался во все свои тридцать два, проговорил:

— Тогда вечером — ужин, на котором будет торжественное представление тебя кандидатам.

Во рту стоял отчетливый привкус поражения. Взлохматила волосы и пригласила к себе помощницу. Пора вновь надевать на себя роль «Хранительницы». Этому миру мало моей души и энергии, он хочет забрать и мое тело.

Надела бежевое платье, оно полностью соответствовало статусу, но не очень шло лично мне. Плевать! Попросила сделать высокую прическу, оставив несколько выющихся прядей спускаться по плечам. Косметика и украшения? Откуда? До всего этого минимум десять лет развития торговли.

Быстро перекусив в своей комнате, почти на ходу, пока мне делали прическу. За мной вновь словно гналось само время — я торопилась.

За пол дня, не отрываясь, изучила всю информацию по данному турниру — Ева с

Сергей не врал. Турнир был необходимостью, затем вместо свадебной церемонии ритуал, где я делюсь своей энергией, и, в большинстве случаев, похороны. Да что за ерунда-то? Ни каравая тебе, ни торта, ни танца молодых, зато свахи отменные. Хлопнула по столу ладонью.

Девушка из жриц, стоявшая рядом, дернулась испуганно, посмотрела на нее — это оказалась Мира.

— Мира... — протянула задумчиво.

— Да, Катерина... — она слегка поклонилась.

Мое имя, она произнесла мое имя. Может, это знак?

— Мира? — я развернулась к ней и посмотрела прямым взглядом.

Мы были с ней ровесницами, но сейчас я себя ощущала умудренной опытом женщиной, а ее девочкой.

Она ответила на мой взгляд, выдержала и чуть с заминкой сказала:

— Он про вас спрашивал.

Я подобралось. Кто этот «он» даже не вызывало сомнений.

— Как... он? — горло неожиданно перехватил спазм.

— Хочет поговорить, — она сказала это так тихо, что я скорее прочитала по губам.

Я помню, что именно Мира пыталась однажды мне помочь, единственная из чужаков, пока не пришли «свои». Да и имя у нее хорошее.

— Я тоже хочу.

Она лишь кивнула: «Вечером».

Я засиделась в небольшом хранилище за свитками, оно находилось в подвале и надежно было защищено, но к вечеру меня все же нашли.

— Катя, пора. Уже все собрались, — залетел ко мне Орлов. — Ну и видок у тебя.

А что он хотел, я день просидела над пыльной бумагой. Помнится в моей прежней, земной, жизни у меня вообще была аллергия на книжную пыль, а здесь излечилась.

— Ну, ничего, — он повернулся ко входу, — Гелла, заходи.

Девушка быстро забежала с небольшой коробкой в руках, поклонилась и подошла ко мне.

— Позвольте?

Я кивнула и принялась сверлить взглядом эту предательницу. За время всех процедур от моего взгляда она покрылась испариной и немного побледнела, но так и не решилась посмотреть мне в глаза. Наверное, я никогда не смогу относиться к людям ориентируясь на местный менталитет. Землянку из меня не выправить. Ту же Геллу я воспринимала как равную. Нет, конечно, и на Земле есть заносчивые твари, относящиеся к некоторым людям, как к тараканам, но все это мне было чуждо и дико. Видимо, защищать сирых и убогих — мое новое кредо. Не даром же целый мир таких людей достался, за редким исключением.

На представление шла гордо, практически несла себя для публики, как свинку с яблоком во рту выносят на торжественный стол, под аплодисменты и приветственно-хвалебные слова.

Все проходило в зале с ивой, столы стояли по кругу, на них уже стояли готовые блюда, с удовольствием отметила, что на столе стояли как овощные блюда, так и мясные. Это хорошо, не зря я столько сил влила.

У главной стены, которая находилась напротив входа, заметила моих так называемых друзей и... Шэнли, он стоял рядом с Сергеем. Его глаза были завязаны, но стоило мне появиться в помещении, как он повернул в мою сторону голову.

Больше я никого и ничего не видела, уверенным шагом направилась к ним. Стала чуть впереди, по левую руку от Орлова, справа от него стояла Ева.

Мы ждали пока служащие закончат оформление столов, после Орлов должен произнести вводную приветственную речь, и к нам присоединятся кавалеры. От его слов меня начало потряхивать, мои нервы уже не справлялись, а Сергей все говорил-говорил об этом мероприятии и о том, что я у каждого из кандидата должна принять «обещание» о заботе и почитании и прочее, прочее...

Уже думала, что вновь сорвусь, но тут почувствовала легкое дуновение со спины, и как теплая, большая ладонь Шэнли поймала мою маленькую и крепко сжала, делаясь уверенностью — и только в этом момент я выдохнула.

Глава 36

Двенадцать красавцев входили размерено, даже слегка вальяжно, осматривая моих приближенных, толпившихся у стены, пренебрежительными взглядами, словно вот они, победители и короли. На меня смотрели также, каждый, честное слово, каждый пробежался по мне своим масляным взглядом, один даже «страстно» облизнулся, вызывая во мне бурю отвращения и брезгливости. Я же в ответ по каждому мазнула безразличным взглядом из-под полуопущенных век и продолжила гипнотизировать иву за их спинами — прекрасное дерево, зеленое и раскидистое. Хочу напомнить, между прочим, его тоже Я! вырастила.

— Марк Хладнокровный из Восточной пустоши, — первый из мужчин преклонил передо мной колени.

Надо же, а я провитаала в своих мечтах всю вступительную часть. ПрЭлестно. Осталось совсем чуть-чуть.

Получила ощутимый тычок под ребра от Сергея, после чего тот довольно сильно дернулся и испуганно повернулся в сторону Шэнли, который все еще стоял у меня за спиной, надежно держа за руку.

— Еще хоть раз ее тронешь, и даже ложку нормально держать не сможешь.

Хм...

Сергея быстро отвернулся и сделал шаг в сторону от меня.

Так что у меня там? А!

— Приветствую Вас, Марк Хладнокровный на турнире.

И тут были все: Фредерик из Предгорья, Мирон из Средиземья, у него, кстати, не было двух передних зубов... Савен из Преокеания. И у каждого были какие-то клички, отражающие их честь и достоинство.

Двенадцать, именно столько будущих столиц и, соответственно, регионов будет на моей земле, и от каждой приехал представитель.

Я всех приветствовала одинаково, у некоторых мелькало во взгляде раздражение от моего равнодушия, но они стоический это выносили. После каждого кандидата я все сильнее сжимала мужскую руку, иначе не могла. Словно, чем больше участников, тем я дальше отдаляюсь от него.

— Итак, рад приветствовать каждого участника турнира, — начал торжественно Сергей, сделав шаг вперед, — двенадцать будущих больших столиц. Лучшие из лучших!

— Тринадцать! — прозвучал уверенный голос из-за моей спины, и Шэнли выпутав свою руку, вышел вперед.

— Тринадцать, — он наклонил голову к плечу. — Я Шэнлидан Гнетущий из Горного края и Полуострова прибыл на турнир.

Сделав еще один шаг он припал передо мной на колени и преклонил голову.

В зале воцарилась тишина, такая густая, что можно топор вешать. Я не отводила взгляд от темной макушки и, сглотнув, перебила громкое Серегино «Но...»:

— Приветствую Вас, Шэнлидан Гнетущий из Горного края и Полуострова на турнире.

И только после моих слов мир вновь пришел в движение, один из героев выскочил вперед, показывая пальцем в сторону Шэнли:

— Он — инвалид. Я не буду драться с ущемленным.

Остальные рыцари дружно поддержали. У меня в голове промелькнула шальная мысль поймать их на слове, что драться они не хотят и прогнать с турнира, даже платочком помашу.

— Уважаемые, — Серега включил дипломата и вышел вперед, — давайте обойдемся без конфликтов, турнир — дело добровольное.

И тут я подключилась к всеобщему балагану:

— Таким образом, прошу Вас, Жакоб из Восточного края, покинуть турнир! — обратилась к возмутителю спокойствия.

— Я не этого хотел! — опешил тот от моей просьбы, к сожалению, это была лишь просьба, а не приказ.

— Думаю, нам стоит как-то урегулировать этот конфликт, — все еще вещал Серега.

— Если есть сомнения в моих силах, можешь их испытать, — Шэнли уже полнялся и встал передо мной.

Я окинула оценивающим взглядом предполагаемого противника моего мужчины: не высокий, но довольно крупный с рыжими волосами, которые были заплетены в две тонкие косы и свисали на грудь, одет был в кожаные жилет и брюки.

Заметив мой взгляд, рыжий улыбнулся и неожиданно пошел на попятную, проговорив:

— Нет, что ты! Раз наша, прелестная хранительница тебя приняла, я не пойду против будущей жены, — и расцвел, гаденыш, в довольной улыбке.

— А вот за это мы сейчас сами проверим твои силы, — накинулись на него другие мужланы — я выдохнула.

Шэнли приблизился ко мне прошептал тихо, чтобы никто не услышал:

— Сильно испугалась?

— Бывало хуже, — отмахнулась я. — Кажется, все будет еще хуже, чем казалось изначально.

— Все хорошо будет. Я обещаю.

Нет, Шэнли не верить нельзя, но КАК он это сделать, ума не приложу.

Серега все-таки сумел договориться с участниками, конечно, у него же опыт большой — переговоров-то!

Я посидела лишь немного, просто, чтобы соблюсти приличия и покинула зал. Кажется, народ так увлекся празднуя начало турнира, что даже не заметили моего ухода.

В коридоре, возле входа в мои покои, меня поджидала взволнованная Мира. Она пряталась за углом и, заметив меня, облегченно выдохнула, а я оживилась. Шэнли во время застолья почти сразу потеряла из вида — это нервировало.

Не стали разводить долгие разговоры побежали в сторону гостевых комнат, которые располагались в противоположном крыле замка, если ориентироваться на мои покои, на втором этаже, мои покои были на третьем.

Шэнли выглядел расслабленным, на нем была надета простая рубаша и свободные

брюки, а еще он был босым — отчего я зябко поежилась и сразу прошла на заправленную одноместную кровать. Мира осталась у двери, постоянно прислушиваясь к шагам снаружи комнаты.

— Пока тихо, — сказала, но пост так и не покинула.

— А вы знакомы, — показала на них указательным пальцем.

Ответила почему-то Мира, не ожидала, мне она казалась молчуньей. — Шэнли меня спас. Это было давно. Если кратко: мы с родителями перебирались через пустыню и попали в песчаную бурю..., — она замолчала, опустив взгляд на пол, — осталась только я и то благодаря Шэнли. Он нашел меня полуживую и как видишь... Он теперь моя единственная родня.

— Ну не один, — вклинился Шэнли, — нас был целый обоз.

— Ага, — едко добавила она. — Они его прогнали вместе со мной, мол, лишний рот. А он один с десятилетним ребенком, которого не бросил, вынужден был неделю выживать. Ему было пятнадцать.

Последняя фраза прозвучала словно осуждая, но меня и предыстория «добила».

— Четырнадцать, — уточнил Шэнли.

— Кошмар, бедные, — прошептала.

— Да, ладно. Прошло все уже, — отмахнулась Мира. — Давайте по делу. И пока вы не начали — у меня есть предложение. Давайте проведем заранее ритуал единения.

Ее глаза горели.

— Я знаю, как, — она растерла ладони.

— Это опасно! — уже воскликнула я, и посмотрела на Шэнли, тот сидел в задумчивости. — Я такого сегодня начиталась, что вообще боюсь теперь замуж выходить, не то что...

— Глупости, — отмахнулась Мира и тоже посмотрела на Шэнли.

— Мира, — тихо сказал он, — можешь, подождать в коридоре. Возьми мой плащ, и если кто-то из участников будет возвращаться в свои комнаты — прячься или заходи сюда. Не медли.

Она внимательно посмотрела на меня, на него и, накинув плащ, вышла, тихо прикрыв дверь.

Шэнли тут же пересел ко мне на кровать и взял за руки. Как он ориентируется?

— Катя, то, что ты говорила там, на утесе, правда?

Я кивнула, но опомнившись, хрипло выдавила:

— Да.

— Катя, я...

Говорил он, а горло пересохло у меня. И, Божечки, мои колени вновь затряслись, если смогу дойти до комнаты — будет чудо.

— ... хотел, чтобы ты всегда была рядом со мной. Знать, что ты в безопасности, не голодаешь, тепло одета, что радуешься хорошей погоде, не уставшая. Хочу обнимать, когда ты рядом, успокаивать, веселить, когда грустно, или если печалиться, то вместе. Делить все на двоих. И стоит мне только представить одного из этих... «кандидатов» рядом с тобой, готов их придушить собственными руками.

Он приподнял одну руки и сжал кулак для наглядности. Я не сдержалась и... всхлипнула.

Отчего-то мне было стыдно, что в такой момент я расплакалась, и, видимо, из-за этого

принялась старательно вытирать мокрые щеки.

— Разрыдалась, как дурачка, — засмеялась и плотнее подсела к Шэнли.

— Дуручка, — подтвердил Шэнли, но улыбнувшись сказал: — Но ты моя дуручка.

— Знаешь, у нас на Земле говорят, если есть чувства к человеку: «Я тебя люблю» или «я тебя обожаю» — это уже нечто большее, чем любовь, за гранью.

— Забавно у Вас на Земле говорят, — Шэнли улыбнулся, — Катя, я тебя не просто люблю, а обожаю.

— И я тебя, Шэнли, не только люблю, но и обожаю, — отрывая голову от его плеча, подаваясь на встречу его поцелую. Сердце пело, сейчас это было самое счастливое сердце в этом мире!

Тихо стукнула дверь.

— Ребята, простите, но там парочка идет. Не хочется, попадаться им на глаза. А вы договорились, или как?

— Мы проведем ритуал, — Шэнли оторвался от моих губ.

— О! Мне тогда надо подготовиться. Я скажу когда. А сейчас надо идти, Катя, пока народу немного бродит — проскользнем.

Дорогие читатели, а я не просто люблю, а обожаю, когда мои истории нравятся, а герои дарят вам приятные эмоции.

Не забывайте делиться со мной вашими впечатлениями:) и утолять мое любопытство — какова эта история со стороны читателя. Буду очень признательна.

Глава 37

В коридорах замка стало действительно более оживленно, нам приходилось прятаться несколько раз в неприметных закутках, благо, их было много. Наверное, поэтому путь показался напряженным и длинным. Я предложила Мире остаться у меня. Все таки молодая девушка в замке полном холостых подвыпивших мужчин, без хороших стражей.

— Да, я не пойду туда. Я в хранилище, — она подняла вверх указательный палец: — ритуал!

— Ага! — кивнула и принялась готовиться ко сну, как только дверь закрылась за девушкой.

Кто-то из работниц подготовил мне специальный таз для умывания, расческу. Вот сейчас бы я не отказалась от царских привилегий, чтоб меня причесали, помыли, одели. Нахмурилась, чужие руки — нет уж, где они этими руками лазили.

Освежилась прохладной водой и как будто другой человек. Залезла под плотное, но пока еще прохладное одеяло и сразу провалилась в глубокий сон.

Что-то неотвратимо выдергивало меня из сна. Мешалось, царапало. От шока я открыла глаза, когда поняла, что в постели я не одна.

— Проснулась, моя кошечка, — раздался незнакомый голос прямо над ухом.

Меня парализовал страх. А между тем мужская рука принялась задирать мою длинную сорочку, и ползти по бедру к...

— Мамочки! — заорала я и попыталась оттолкнуть негодяя.

Но он ловко закинул на меня свою тяжелую ногу поперек бедер, сковывая и рукой зажал рот.

Мужик был тяжелым, словно медведь, а как бы я не трепыхалась, не могла его скинуть с себя. У меня почти исчерпались физические силы, в голове стоял собственный крик ужаса.

Мужик вновь принялся лезть ко мне под юбку и шарить между ног, пыхтя:

— Щас, чуть-чуть и тебе понравится. Сама все сделаешь... Сама...

Получилось разжать губы и цапнуть его за палец, во рту почувствовала соленый привкус крови, но гад не унимался, прижался ко мне губами и начал просовывать свой противный язык между моих губ.

Я выгнулась волны боли — моя магия хлынула из меня потоком, снеся мужика в противоположную от меня сторону, тот влетел в дверь, но не потерял сознание. Сначала встал на четвереньки, а затем зарычал, словно дикий зверь.

А я заорала и побежала. Очнулась только, когда влетала в комнату к Шэнли и все, что смогла увидеть это мужские ноги, торчащие из-под покрывала и скачущую сверху девушку. Я пошатнулась, едва не упав.

— Нет, нет, нет... — начала пятиться назад и уперлась в стену. Ничего не понимаю. Ничего. Ничего. Лучше ослепнуть.

— Хранительница? — подала голос девица, и я узнала в ней Геллу. Она прервала свое занятие и развернулась в мою сторону, покрывало сползло с ее обнаженной спины.

— К...к...к... — все, что вырвалось из моего спазмированного горла. Хорошо, что получалось пятиться, а в конце я все-таки вывалилась в коридор, завалившись на спину. Поднялась и не понимая ничего, чувство боли заглушило все:

— А-а-а-а! — стояла, опираясь одной рукой на стену, другой царапала раздражающую грудную клетку, пальцы уже стали липкими от крови, но мне было все равно.

Где-то на периферии скрипнула соседняя дверь.

— Катя, девочка моя, что случилось?

Я подняла взгляд и едва ли могла его сконцентрировать. Шэнли подхватил меня на руки и куда-то понес.

— КАК ТЫ МОГ? — била я его по груди кулаком, била без сил, сил не было.

— Что мог, девочка моя? — он сел, крепко держа меня в объятиях. — Объясни.

Он был без повязки и я теперь сквозь слезы хорошо видела его нахмуренные брови.

— Гелла была здесь... я бежала... ударила магией... на меня напал... лез целоваться... и еще... — каждая фраза получалась рваной, словно после прыжка с тарзанки, — Шэнли меня чуть не изнасиловали, если бы не вспышка магии, я тебе прибежала, а тут Гелла..., и я не могу... Шэнли.

— Катюша, — Шэнли поправил растрепавшуюся прядь волос. — Посмотри, здесь никого нет. Я услышал твой всхлип и вышел из комнаты. Ты пахла кровью и страхом.

Я с трудом оторвала свой взгляд от его воротника и осмотрела помещение. Выдохнула, даже голове стало легче, словно подействовала таблетка от непрекращающейся долгие часы мигрени.

— А теперь расскажи про первую часть своих приключений, — Шэнли говорил спокойно и даже слегка лениво, постоянно поглаживая меня по спине.

Я рывками набрала в грудь воздуха, и неожиданно икнула.

— Когда я пришла от тебя, умылась и легла спать. Но ночью меня что-то разбудило. Кто-то проник в мою комнату и залез ко мне в кровать. Я ничего не могла сделать, — я вновь начала рыдать, но теперь уже икая, — даже про магию забыла. Он трогал и лез целоваться.

— Кто. Это. Был?

У Шэнли по щекам полезли красные пятна, а на висках вздулись вены.

— Я даже не разглядела, — всхлипнула.

Шэнли промолчал, лишь чмокнул меня в висок, я увидела крепко сжатую челюсть.

— Впрочем не важно, — сделал он какой-то для себя вывод и осторожно пересадил меня на кровать. — Пора их всех гнать отсюда под ср...

Он проглотил последнее слово, а место него вновь меня поцеловал, но на этот раз в макушку.

— Посидишь здесь немного, хорошо?

Я не сразу поняла, что он задумал, только когда раздался звон металла по каменному полу и Шэнли достал меч из-под кровати — поняла.

— Шэнли, нет, не уходи. Я не могу одна. Пожалуйста.

Бросилась к нему. Чуть ли не повиснув на шее, ухватив дрожащими пальцами его за воротник.

— Прошу... прошу... прошу...

Быстро целовала, страх пересилил во мне все.

— Хорошо, — неохотно, как казалось, согласился он. — Радость ты моя, пойдем байки.

Мы, как были, улеглись в постель, но спустя пару минут Шэнли странно повел носом и молча поднявшись, подошел к шкафу, достал небольшой бутылек и небольшую тряпочку.

Вновь подобравшись ко мне на кровати, он повел носом, и, промокнув тряпицу раствором, принялся протирать расцарапанную грудную клетку.

— Мне, видимо, стоит ревновать, — наконец, нарушил он молчание. — Так убиваться из-за моего соседа, а я же тебя люблю.

Мне было... немного стыдно, но тогда мне действительно казалось, что я вот-вот сойду с ума.

— Нервы, — тихо проговорила, но Шэнли нахмурился.

— Потом расскажешь мне, что это за зверь такой.

— Расскажу, — спокойно добавила.

Кажется, он уже давным-давно протер все царапины, и стер кровь того урода с моего подбородка, но отстраняться не торопился.

Я уж было понадеялась...,

Но он, встряхнул головой, и поднялся убрать бутылек и ткань.

Как-то так получилось, что мы улеглись ложечками, Шэнли сзади, я спереди, укутанная в одеяло по самую макушку. Ни о какой романтике и речи идти не может, его меч стоит (чёй-то мне эротические романы вспомнились сразу после этой фразы) у стены, намекая, что мой мужчина все это просто так не оставит. А я чувствовала себя словно собака на сене: мне и хотелось, чтобы он им всем наkostenял по первое число, и я боялась за него. Вот его не станет, а пока он рядом. Я чувствую, как гулко бьется его сердце.

К Черту!

Немного покопошилась, получилось освободиться из одеяла и развернуться к Шэнли. Он не спал, его глаза были открыты и по-прежнему немые, смотрели куда-то над моей головой.

Началось все не очень, но у кого с первого раза получается?!

Пришлось поругаться на противное одеяло и отправить его куда-то за спину.

— Кать, что-то болит? — наконец, отреагировал на мои потуги мужчина.

Я тут я вспомнила один фрагмент из фильма, поэтому улыбнулась и, сев перед Шэнли на пятки, прошептала:

— Болит, очень-очень болит.

Он сразу спохватился:

— Где?

— Давай покажу.

Взяла его руку и положила себе на грудь.

— Здесь и здесь, — теперь вторую руку положила на вторую грудь.

Брови Шэнли уже были готовы встретиться с прикорневой зоной на голове.

А я уж медленно наклонялась к нему, он свои руки пока не убирал и в какой-то момент провел по вершинкам большими пальцами — меня словно разрядом тока прошибло, я отстранилась и изумленно уставилась на этого лиса с затаенной улыбкой в уголках губ. Переждав минуту, вновь принялась наклоняться, но на этот раз и Шэнли подался ко мне навстречу, осторожно, придерживая за предплечья, уложил на спину.

И принялся целовать, сначала нежно, потом страстно, потом жарко, потом везде, ну и я, конечно, женский род не подвела и не посрамила — отвечала настолько же горячо и страстно. В какой-то момент, увидела, как моя магия разлилась по комнате и начала кружить, словно мы находились в самом центре красочного салюта. Постепенно сияние угасло, лишь искры, которые кружились вокруг оседали на Шэнли и в тот момент он казался мне божеством.

Если меня кто-нибудь попросит рассказать в деталях, как это было между нами. Я смогу лишь смотреть в одну точку и глупо улыбаться. Да и вообще я ревнивая, до жути и одури, нечего кому-либо знать, как это бывает с моим мужчиной. Так бывает только между нами.

Глава 38

Проснулась от приятного цветочного аромата. Открыла глаза: передо мной лежал пышный букет из ярко-желтых полевых цветов, похожих на нашу мимозу, только чуть крупнее и кустистей.

Не смогла скрыть широкую улыбку и потянулась до хруста косточек.

— Как хорошо... Мир прекрасен, правда...

Повернулась к Шэнли, но его сторона кровати пустовала, резко села, придерживая одеяло на обнаженной груди. Осмотрелась, потрогала помятую кровать — холодная, ушел давно.

Хоть опять плачь. Да что ж такое-то!

Быстро поднялась, взглядом нашла платье.

— Хоть платье принес, любовничек!

Оделась, наспех умылась, кое-как привела волосы в порядок, выбежала из комнаты и обомлела.

Что здесь происходило? Мама дорогая! Повсюду валяются разбросанные вещи. А ведь это крыло специально отвели только для моих женихов — откуда такой бардак? Возле каждой комнаты, кроме комнаты Шэнли, лежала гора вещей, кое-где я заметила поломанное оружие, вбитые в стену мечи

Присмотрелась и в дальнем углу заметила одного из «кавалеров», он сидел в одних трусах, да те держались лишь на одной завязке с боку, прижимал к глазу рукоять обломанного меча и ни на что больше не обращал внимания.

Двинулась дальше по коридору, брезгливо переступая через валявшиеся здесь исподнее и прочие мужские вещи.

Неожиданно из-за угла на меня вылетела Гелла, но заметив на кого натолкнулась,

развернулась побежала прочь, крича:

— Севар, сюда нельзя. Здесь хранительница!

В полнейшем замешательстве спустилась вниз, еще несколько раз натыкалась на людей, но те лишь кланялись и быстро ретировались до того момента, когда я успевала у них что-либо спросить.

Наконец, уже на первом этаже в конце коридора, который вел во двор для тренировок, я увидела Миру, а главное успела окликнуть.

Заметив меня она радостно улыбнулась и поспешила на встречу. Ну, хоть кто-то — у меня немного отлегло от сердца. Ее глаза горели, а губы расплзались в улыбке.

— Мира, объясни мне, что происходит? Что за торнадо тут пронесся?

Она засмеялась.

— Это торнадо твой будущий муж. Пошли я тебя к нему сейчас отведу.

Мира подхватила меня за рукав платья и потащила куда-то в сторону выхода.

— Мира! — успела топнуть ногой.

— А, прости! Просто тороплюсь. Если коротко. Шэнли под утро, бешеный, словно тысяча демонов, прихватив меч, навестил каждого из твоих женихов и предложил поединок. По их выбору.

Я охнула. Да он чокнутый, а не слепой. Перед глазами сразу предстали страшные раны, но Мира бы так не веселилась, если бы он пострадал.

— И он всех победил, а потом еще с каждым поговорил по-мужски и вышвырнул их вещи из комнат. А еще говорят, что почти каждому отвесил пинка под зад. Я к сожалению, тоже не видела — это слуги рассказывали.

Я уставилась на девушку, а она кивнула и, приподняв платье, пнула воздух.

— Вот так, пинка. Эх, такое представление проспала.

Ничего не понимаю, но слушать очень интересно.

— Успели, — обрадовалась Мира, и указала куда-то в сторону, — А вот и Шэнли. А я побежала, надо занять хорошее место.

Пока Мира рассказывала, мы успели покинуть помещение и выйти на полигон для тренировок.

Кажется, весь замок был здесь. Они окружили круглую площадь, словно в ожидании хорошего представления.

Обратила внимание на Шэнли, и он вновь почувствовал мой взгляд, наклонил голову, прислушиваясь, и быстрым шагом направился ко мне. На нем был хорошо сидящий костюм, очень напоминающий военный парадный мундир, только без регалий и полностью черный, крепкие сапоги и серая повязка на глазах. Хорош, стервец!

Как. Он. Это. Делает? Как он меня находит?

— Привет, любовь моя, — он возбужденно припал к моим губам — я никак не отреагировала, лишь шокированно похлопала глазами. Мужчина, приобняв за талию, подтянув к себе.

— На нас же смотрят, — осторожно отстранилась от манящих губ.

— Серьезно? — фальшиво удивился он, — А я думал, мы здесь одни.

— Шэнли, что происходит? — шепотом спросила, настороженно осматриваясь по сторонам.

— Катя, не волнуйся! Нам все завидуют.

— Почему ты так решил? — вернула внимание мужчине.

— Чувствую. И тебя, моя радость, чувствую сильнее всех. — он быстро чмокнул меня в губы. — А теперь пошли у меня тут еще одно маленькое дельце есть.

Оставив меня рядом с Мирой, Шэнли, подхватив меч, направился в центр песочного круга.

Я заволновалась, как-то сегодняшнее пробуждение у меня не задалось.

— Он что, собирается драться? — шокировано повернулась к Мире.

Та повернулась ко мне, мол, конечно, генерал очевидность!

— А ты не знала?

— Ита-а-ак, — заорал за моей спиной Сергей, я даже вздрогнула, — на арену выходит... Шэнли и ЖакОб...

Я не знала. Я ничего не знала. Еще и Орлов возомнил себя рефери на ринге, орет под ухо. Слишком большой список претензий у меня к другу сформировался на сегодняшний день. Раздражение сдерживать еле удается. Врезать бы ему по ребрам. Может и полегчает.

Шэнли тем временем остановился в центре арены, где-то с боку прозвучал гонг. И в этот момент время для меня словно остановилось. На Шэнли побежал грузный противник, его две тонкие косы развивались за спиной, сейчас он мне отчего-то напомнил Астерикса или Обеликса из старого мультфильма, честно, никогда не запоминала кого как зовут: кто из них щуплый, а кто рыжий, тем не менее...

Жакоб несся с приличной скоростью, кажется, он просто решил снести Шэнли, словно носорог, и потоптаться сверху. Одна его ладонь была перевязана, как раз то место, за которое за укусила ночного насильника.

Закрыла глаза рукой, и тут же раздался восхищенный вскрик людей. Тут же, поддавшись любопытству, и подсмотрела в щёлку между пальцами — было страшно. Где-то сбоку восхищённо кричала Мира.

Жакоб поднимался с песка, Шэнли же стоял к нему спиной, и, наклонив голову к плечу, внимательно вслушивался в происходящее.

Раз, и Жакоб вновь лежит на песке, а я вновь открываю глаза только после того, как начинают кричать зрители. Что я такая трусливая? На океан мне надо, нервы после вчерашнего подлечить.

Дальше не могла смотреть, развернулась и, заметив небольшую скамью прямо у входа в замок, направилась к ней.

Села и, прикрыв глаза, оперлась локтями на колени.

Я все, ребята! Все.

Прошло минут пять, наверное, как ко мне подбежала Мира.

— Ну вот ты ушла и все веселье сразу закончилось. Шэнли вырубил этого поросё с одного удара. И все.

Она присела рядом и похлопала меня по спине, а я не спешила расслабляться, так и сидела согнувшись. Плакать не плакала, но голова больше напоминала гудящий улей, полный пчел.

— Катя...

Легкий звук шагов и возле меня остановился Шэнли.

— В порядке... Как ты?

Попробовала распрямиться, но получалось тяжело, словно нахожусь под толщей воды.

— Катя...

Поднялась и тут же упала к Шэнли в объятия.

— Я устала... — начала шептать ему куда-то в шею. — А еще этот турнир... Все эти люди...

— Ну, турнир прошел досрочно, — послышался голос Сергея рядом, и он погладил меня по голове. — Прости, Катюша, наверное, я несколько увлекся.

У меня, после его слов, наяву возникла картинка, как он почесал кончик носа и опустил взгляд.

— Но Хранительнице надо сильный правитель рядом. Раньше это был король — уверенно продолжил Сергей, теперь где-то за спиной, так как мы уже пошли ко входу замка. — Ева, ну скажи ты ей.

У меня вырвался страдательный вздох.

— Давай я тебе скажу, — жестко проговорил Шэнли, останавливаясь. — Катя не хочет править. Ты это понимаешь?

— Постой, — уперся Орлов, — а кто будет?

— Сергей, сейчас есть король? — выдала я глухо.

— М... нет.

И тут уже подключился Шэнли, хохотнув, сказал:

— Новый король, Орлов Сергей. Звучит?

И друг отстал в прямом смысле слова, просто застыл на месте и больше нас не тревожил.

— Значит, ты у меня всех победил? — приподняла я голову, внимательно всматриваясь в мимику любимого.

— Победил, — как само собой разумеющееся кивнул Шэнли.

— Мой герой! — довольно торжественно проговорила и поцеловала его в щеку.

Заглядывая чуть вперед, хочу отметить, что ритуал мы всё же провели. Ну как провели?! Разделись, потоптались в купели — ничего не произошло, я видела, что моя энергия и без ритуала полностью окутывает Шэнли, постояли несколько минут и, ощущая неловкость, вышли из купели. В общем, не всё ритуалы одинаково полезны.

Эпилог

Что может быть ужасней понапрасну прожитого времени — ничего. Что может быть хуже быть тем, кем ты быть не хочешь.

И я несколько не пожалела, что почти пять лет назад покинула замок, в котором теперь правит новая династия Орловых. Эта идея, которую ради забавы бросил тогда Шэнли, настолько заела у друга в голове, что он принялся целеустремленно выстраивать новую империю. Я предлагала ввести демократию, ему стать первым избранным президентом, но он решил, что история этого попаданства написана именно про него. Во всех историях попаданцы становятся либо правителями, либо великими магами и обязательно спасают мир. Любым способом достигают величия и могущества. Не знаю, где он этого начитался, только я всегда предпочитала любовь и душевное равновесие, чего и добилась, став кем-то вроде душевной наставницы этого мира. С этой задачей я неплохо справлялась на нашем с мужем полуострове. Энергия окружала этот небольшой шарик полностью, и мне было уже не нужны алтарь или красный камень, чтобы контролировать ее.

Наш мир процветал насколько это возможно, пусть здесь и не было технологий, но то ли еще будет. Ведь уже сейчас несколько тестовых ветряных мельниц были видны из моего окна, их старательно приводил в движение океанический ветер, теперь у нас была энергия, поступающая под небольшим напором вода в дом, правда, пока только на первый этаж, но и

эта малость меня уже очень радовала.

Что стало с ящерицами я не знаю. Они ушли куда-то в горы, и очень редко показывались на поверхности. Видимо, эти твари тоже сумели приспособиться.

Иногда я представляю, чтобы я делала, если бы не попала в этот мир, а осталась бы там, на Земле. Наверное, все так же бежала из опустевшей квартиры, от себя, погружалась бы с головой в историю, в чужие жизни, лишь бы не думать о своей. Думала, если задам этот вопрос другу, он скажет, что хочет вернуться, но — нет. А родные? Он давно с ними не живет. Вот так у него все просто сошлось. Сказал, что он там всего лишь изучал историю, а здесь он ее творит. Император же.

Быть может, через каких-то двадцать — тридцать лет этот мир станет великой развитой Империей. Все в наших руках!

И у меня тоже сошлось. Положила руки на огромный живот и улыбнулась. Там внизу, под моим окном, Шэнли что-то увлеченно рассказывал Еве, которая вместе с Мирой удобно устроились на небольших шезлонгах и с удовольствием подставляла лицо солнцу. Правильно, Императрицу тоже надо учить.

Семейство Орловых приехало поддержать меня перед родами и скрасить тревожное ожидание. Когда они сошлись, когда решили стать семьей. Как-то у них всё сложилось само собой. Просто — раз и семья.

— Что стоишь, старушка! — кто-то резко схватил меня сзади подмышками и попробовал пощекотать.

— А-а-а!

Развернулась и принялась колотить Сергея по голове. Невозможный человек.

— Не рожаеть? — рассмеялся он своей шутке.

— Дурак! — воскликнула и услышала топот ног из коридора.

— Катя! — первым залетел в комнату Шэнли и бросился ко мне.

— Все хорошо! — пыталась отдышаться, уже привычно поглаживая живот.

Муж приобнял меня за плечи.

— Орлов, — прорычал он, — не удивительно, что у вас с Евой детей нет.

— Нет, но мы планируем, — неожиданно вклинулась Ева, — через семь месяцев.

— Поздра-а-а-а, — закричала, живот сильно затвердел и пошла волна опоясывающей боли, да такая, что у меня подогнулись ноги, если бы Шэнли не поддержал, свалилась бы на пол.

— Зовите помощницу, акушерку... — заорал Шэнли, и началась страшная суета.

Долгие..., бесконечно долгие восемь часов, за которые вечер сменила ночь и почти прошла, и только, когда на горизонте в океанических водах стал виден рассвет, раздался громкий детский плач.

Шэнли за это время думал, что сойдет с ума. Жуткие головные боли и зуд в глазах, кажется, еще чуть-чуть и он сам завоюет в дуэте с Катей или позорно расплачется.

— Нет, больше никаких детей! — сделал он вывод.

Но все это стало не важно, когда на руки положили настоящую куколку, девочку с большими серыми глазами и носом-пуговкой. А Шэнли, когда вошел в комнату все же не сдержал слез.

— Какая красивая... — прошептал он, склонившись к малышке и осторожно беря ее на руки, садясь на кровать у меня в ногах. Теперь малышка стала казаться совсем крошкой.

— Шэнли, — воскликнула, наблюдая за действиями мужа. — Ты видишь?

С трудом приподнялась и подползла к ним, приобняла его за талию, устало склонив голову к плечу. Он не сразу понял вопрос, нахмурился, но не отвел от дочери взгляда.

— Тихо! — шикнул он на меня, но через секунду уже сам воскликнул: — Катя, я вижу!

— Тихо! — улыбнулась и поцеловала его в плечо, заодно промокнув выступившие слезы.

— Вижу... Боже, Катя, я вижу..., — начал шептать он мне. — Мутно... но... Она такая красивая...И ты красивая.

Он нагнулся и поцеловал меня в лоб:

— Люблю тебя.

Он говорил шепотом, а я шептала в ответ.

Больше книг на сайте - Knigoed.net